

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

ИЗБРАННОЕ

2018

Александр Герзон
Избранное
2018 год

Все права сохраняются за автором
All rights are reserved

ПРОЗА

Новеллы

«СТРАШИЛИЩЕ»

Федор Игнатьевич Рогов, высокий и плечистый мужчина с прямой и гордой осанкой, мужественным лицом, густыми хмурыми бровями и как бы чапаевскими, хоть и седыми усами, казался на первый взгляд необычайно суровым и даже, вероятно, весьма злым человеком.

Этому впечатлению способствовали его огромный орлиный нос и мощный, слегка выдвинутый вперед, подбородок.

Он родился первого мая тысяча девятьсот двадцать четвертого года и нередко говаривал:

- Кто родился в мае, тот всю жизнь мается.

По гороскопу Рогов был Телец, на грани Близнецов, но он как русский человек больше верил в старую народную мудрость, выраженную в пословицах, поговорках и даже в сказках, чем в непонятную логику астрологической науки.

Родился он в бедной семье, в сибирской деревушке Увалы. К семи годам Федя уже был подпаском, а в тридцать девятом году, окончив семилетку, сел на колесный трактор «Фордзон», единственный в колхозе «Ленинский путь».

Мечтал он стать инженером-механиком, потому что, как люди говорили, руки у него - золотые. Но не это было главное в его жизни. А Лена. Да, была такая девушка в колхозе. Работала в полевой бригаде, пела хорошо, в драмкружок в соседнее Елизаветино ходила вечерами.

Задела она его сердце. Крепко задела, на всю жизнь. Чтобы быть к ней ближе, он тоже записался в драмкружок, играл там «кушать подано», потому что талантов никаких у Рогова не обнаружилось.

Леночка, которая была старше него на два года, блистала - и режиссер, он же тамошний преподаватель литературы Сергей

Иванович, ставил ее героиней во всех спектаклях.

До чего же была хороша девушка! Роста выше среднего, стройная, грудь высокая, глаза большие, ласковые, губки алые - зовущие. Многим головы вскружила, многим.

А полюбила Сергея Ивановича, преподавателя-режиссера.

С восьмого класса ходили школьники из Увалов в Елизаветино, в десятилетку, пешком, хоть и не близко, шесть километров. Собирались компанией – и шли, а по дороге пробовали подшучивать над Леночкой, что вот, мол, она влюбилась в учителя безответно.

Сергей Иванович, молодой симпатичный парень, только-только из института, романтично влюбленный в литературу и театр, снимал угол в селе у одной бабки, помогал ей по хозяйству и весь день готовился к урокам, проверял сочинения, изложения и диктанты. Но и он влюбился в Леночку, хоть скрывал это.

Едва она сдала экзамены за десятилетку, как они поженились.

Федя на их свадьбе с ума сходил от горя и от зависти, но виду не подавал.

И тут – война! Первым добровольцем записался Сергей Иванович, оставил беременной Лену и геройски погиб в сентябре сорок первого. Остался в утешение молодой вдове другой Сергей, его сын, младенец.

А в сорок втором и Рогов ушел воевать, тоже добровольцем. Наспех обучили их и бросили в бой. Никогда не забыть ему первой атаки. Не потому, что страшился (хоть и это было), а потому, что убил немца, ровесника, штыком.

Ему плохо от этого стало. В бою не был даже оцарапан, но ходил сам не свой, все мерещились глаза того немецкого паренька. Синие, как ясное небо.

Потом Федор воевал хорошо. Два раза лежал в госпитале – и снова в строй. Приехал домой в сорок шестом с орденом, с медалями, героем. Старшим сержантом. Гвардии сержантом.

И – к Леночке. И, покраснев сильно, закашлявшись, произнес хрипловато:

- Ты теперь вдова. Трудно будет одной. Я тебя люблю. Хочу вот на тебе жениться и вместе с тобой Сереженьку воспитывать. И его я тоже буду любить, потому что люблю тебя. И никого не полюблю, кроме тебя. Никогда.

- Я переезжаю в центр, Федя, буду актрисой тюза, - ответила молодая женщина. – Меня ихний режиссер видел на сцене, еще когда

Сереженька был жив. Понравилась я. И вот меня пригласили в театр. Как не поехать?! А замуж? Ты хороший, знаю, но я ведь тебя не люблю. И никого не смогу полюбить после Сергея моего.

- Понимаю. И согласен жить с тобой на любом условии. Лишь бы ты была рядом. Выходи за меня, я тоже поеду в город, буду трудиться руками, тебе помогать.

- Федя, - подумав, сказала вдова, - я знаю, что ты меня любишь давно. Я ценю это. Потому выйду за тебя. Но любви не требуй. Ни сейчас, ни потом. Единственное, что обещаю: буду тебе верна, измена – не мое амплуа.

Едва приехали в центр, оказалось, что в театре юного зрителя требуется рабочий сцены, и Рогов стал трудиться рядом с женой. Сняли супруги комнатку в домишке пожилой бездетной пары, платили аккуратно, по хозяйству помогали, заботливо растили сына.

Так бы и остался Федор Игнатьевич рабочим сцены, но судьбе было угодно иное. Однажды перед самым открытием занавеса одного актера увезли в больницу из-за прободной язвы двенадцатиперстной кишки. Заменить было нечем, потому что исполнитель этой же роли из второго состава тоже оказался в больнице с тяжелейшим гриппом. Вот такое совпадение.

Зал подождал-подождал, да и зашумел, юные и зрелые зрители топали ногами, свистели. Вопили. На сцене началась паника. Директор хотел уже объявить об отмене спектакля. И тут Рогов решился. Сказал главному режиссеру тихо, смущенно, но жадно:

- Я эту роль знаю наизусть, да я и весь этот спектакль мог бы один за всех сыграть. Видите, что творится там, в зале?! Поверьте, не подведу я. Я ведь участвовал в самодеятельности.

Режиссер знал, что этот рабочий сцены то и дело лицедействует перед товарищами на перекурах, веселя их, что даже многим актерам его лицедейство нравится. Решился, глаза зажмурив:

- Одеть Рогова! Гримировать!

Та роль была не из простых: ставили «Коварство и любовь» Шиллера. Роль Вурма, личного секретаря Президента, Рогов исполнил без запинки и имел даже некоторый успех. И его стали брать после этого на подмену в случае необходимости. На разные роли.

Через полгода Федор Игнатьевич перешел в труппу, стал актером. И рабочим сцены помогал.

Он из-за своей внешности играл злодеев и вообще

отрицательных типов. Ему даже кличку дали коллеги: «Страшилище». Да и среди зрителей вскоре эта кличка расплылась.

Младший зритель активно проявлял свою ненависть к мерзавцу, которого Рогов изображал: и криками, и бросанием в актера мелких железок, деревяшек, всякой разности. Некоторые даже из рогаток стреляли в него. И такие попадания бывали болезненны.

В конце концов доведенный этим до отчаяния «злодей» сказал главному режиссеру, что желает участвовать только в спектаклях для старших школьников, которые умеют себя вести в зале.

Тот возмутился: что еще за ультиматум?! В общем, закончилась артистическая карьера!

Возвращаться в рабочие сцены желания у экс-актера не было.

Но работа ему тут же нашлась: требовался руководитель для кружка «Умелые руки» в Доме пионеров. Правда, Рогова взяли с испытательным сроком, но все: и администрация, и – главное - дети были им довольны. Стал он постоянным работником.

Незадолго до этого произошло событие очень важное в жизни Федора Игнатьевича: он познакомился с Генрихом Яковлевичем Штолем.

Это случилось так. В спектакле «Алые паруса» по мотивам повести Александра Грина нужна была музыка. Денег у театра было мало, оркестра не было вообще, за кулисами стоял лишь старенький рояль «Шредер». Поэтому пригласили, как всегда, недорогое трио из музыкального училища: фортепиано, скрипку и виолончель.

Музыканты, третьекурсники училища, пришли на этот раз со своим преподавателем. Когда Федор Игнатьевич его увидел, у него в глазах потемнело: это же тот юноша-немец, которого он убил в первой своей атаке!!! То же полудетское лицо, те же большие синие глаза!!! Тот же рост: недостаточно высокий для мужчины.

Он стал постарше, ему уже можно дать лет двадцать пять – двадцать семь. Они ровесники.

Вот он подходит, просит прикурить.

Рогов вытащил из кармана зажигалку не сразу, дрожащей рукой, дал ему огня, спросил:

- Эти трое - ваши ученики?

- Как ансамбль – да. А по специальности - двое. Струнники. Пианистка – не моя. Будем знакомы, меня зовут Генрих. Генрих Яковлевич Штоль. А вы ... ?

- Простите, вы... это... немец? – голос собеседника сорвался от

волнения.

Штоль смутился. Нет, даже не смутился, а как-то морально сжался. Как потом выяснилось, он принял человека, давшего ему прикурить, за еврея, потерявшего своих близких в каком-то лагере уничтожения.

- Не обижайтесь, Генрих Яковлевич. Я ... Дело в том, что вы очень похожи на ... Впрочем, это неважно. Меня зовут Федор Игнатьевич. Фамилия – Рогов. Пойдемте в буфет, закажем по кружечке пивка для знакомства. Если вы не против.

Нет, Штоль не был против.

Они посидели в буфете, разговорились. И оказалось, что они друг другу стали симпатичны, потому что оба любят играть в шахматы, оба собирают марки, оба увлекаются фантастикой и детективом в литературе.

И оба очень любят своих жен.

Выяснилось, что и Генрих Яковлевич - сибиряк. Его дед-гончар приехал в Сибирь совсем молодым с юной женой в тысяча восемьсот девяносто первом году с большой волной переселенцев-немцев.

- Он основал гончарную мастерскую, дела шли неплохо, - рассказывал Штоль, - он построил дом, растил детей, но в печальной памяти тридцать седьмом году и он, уже старый, и отец мой были арестованы ...

Он запнулся. Нахмурился.

- Они не были врагами, я уверен! Кто-то оклеветал их. А я ... Мне из-за этого было очень тяжело. Да и сейчас ...

Они подружились. Рогов полюбил этого очень доброго, талантливого и простодушного, как дитя, музыканта. Полюбил, как родного брата. Они познакомили жен, встречались семьями.

И чем больше узнавали приятели друг друга, тем больше становилась привязанность, уважение друг к другу. Особенно после того, как побывали на занятиях, увидели друг друга в деле, оценили творческий труд, любовь к ученикам.

Федор узнал, что Генрих в годы войны взял к себе в дом ученика Меира Колкера, способного еврейского мальчика, эвакуированного из Молдавии. Этим фактически спас его от голодной смерти и подарил стране талантливого скрипача.

- Скажи мне, пожалуйста, Генрих, ты этого паренька-еврея взял к себе как бы в компенсацию... не сердись... в компенсацию за... за те дела, что творили гитлеровцы...?

- Ты о чем? – удивился тот. – А впрочем, не знаю. Возможно, в подсознании и такой момент был. Понимаешь, я увидел способного ребенка. Жаль, мои сыновья к музыке равнодушны. Хотя они славные ребяташки.

Рогов радовался: нашел славного друга в жизни. Нравилась эта дружба и его жене. Сережа привязался к Штолю, как к родному. Мальчик оставался единственным ребенком в семье: не получалось у Лены родить еще одного.

Рогов видел, с какой любовью относятся к другу его ученики, слушал много раз прекрасный ансамбль скрипачей, который Штоль создал и которым руководил. И потому не удивлялся великому уважению, которое к нему испытывали не только учащиеся, но и музыканты-коллеги, преподаватели музыкальных школ всего города.

Но нет-нет да и всплывал в памяти тот миг, когда вонзался штык в молодого вражеского солдата, – и казалось ему, что в Генриха штык вонзается, что Генриха он, Федор Рогов, убивает.

И сердце от этого болело, и дышать в такие минуты становилось труднее.

- Гена, у тебя в Германии не было брата? – спросил он однажды друга в дыму застолья.

- Кто знает? – ответил тот. – Предки утратили связь с Европой. Дед не хотел об этом говорить. Бабушка – тоже. Моя жена, Нина, - русская. Знаешь сам. Ни к чему мне это, честно.

И тогда Рогов решился.

Рассказал Штолю о том случае на фронте.

- До сих пор я вижу: мы, выскочив из окопа, бежим врагу навстречу, тот солдат из автомата уложил моего товарища, да не успел меня прошить, я его опередил. И увидел я, что глаза у него – синие, большие. И застыло в этих красивых глазах удивление. И падает он, мальчишка, ровесник мой, на землю. Уходит из жизни. Зачем? Почему? Потому что я убил!!! Чтобы он *меня* не сделал мертвецом.

Кто-то крикнул мне:

- Что застыл, мишень тупая?! Вперед!

Побежал я вперед со всеми вместе. А после боя все вспоминал того солдата. Плохо мне было от этого. Я воевал нормально, как и все сибиряки. После первого ранения провалялся на коечке полгода, а после второго, когда легкое прошил проклятый осколок, меня год вытягивали в жизнь: в госпитале, в санатории. И прогнали домой. С трудом сумел поправиться.

А из всех боев войны моей помню я сильнее всего тот самый первый бой и того несчастного паренька-немца. Хоть и пришел он на мою землю незваным. Сделать меня рабом пришел. Но хотел ли он сам того? Не узнаю уже.

Штоль слушал напряженно. Долго молчал. Потом произнес тяжело и как бы через силу:

- Убить человека – великий грех. Но люди убивают друг друга. Сначала дубинами убивали, потом - стрелами и копьями, мечами и саблями, пистолетами и ружьями, пушками, бомбами - одна другой страшнее. Людей *посылают* убивать друг друга. *Ужасно именно это!*

- Казалось бы, человек – создание природы, - мрачно прервал Рогов, - умное, но...

- Человек - создание В-шей Силы, - уверенно возразил собеседник. - Человек – это симфонии и храмы, это все виды искусства, наука и техника, ремесло и хлебопашество, это - счастье познания и счастье молитвы, это дела во имя блага других людей.

- Это тюрьмы и каторги, это пытки и смертные казни, это сжигание еретиков живьем, - снова прервал его Рогов. – это войны кровавые!

- Человек – это любовь и дружба, это – взаимопомощь. Это - выход в Космос в поисках братьев по разуму. Нет ничего прекраснее Человека – Человека Мыслящего, Создающего, Человечного!

Штоль встал с этими словами.

Встал и его друг, чей низкий голос дрожал и прерывался:

- Но с детства человек слышит дышащие ненавистью речи *о врагах!* Которых необходимо *уничтожать!* Черные идеи вбивают в светлые детские головки. И посмотри: вместо радостного, счастливого и доброго союза разумных народов - что творится на планете нашей?!

- Да успокойся, друг! Восторжествует добро! К тому идет!

- Идет к тому? К торжеству добра? *Стаи ненависти* миллионами уничтожали и готовы уничтожать друг друга. Десятками миллионов! Под знаменем *высоких идей!* И я... я убил... того несчастного мальчишку...

- Нет, не ты виноват в том, что погиб тот юноша. Я узнал и твою доброту, и твою совесть, и способность на бескорыстную *Любовь*, которая сама по себе равна любому храму, любой симфонии. Судьба! Была война, если бы ты его не убил - сам был бы убит. И мы с тобой не встретились бы, не дружили бы.

- Знал бы ты, как ты похож на него!

- Что я похож на того парня – это твоя фантазия. Я уверен. Знаешь, Федя, я тоже хочу признаться. Только ты не сердись! Ведь когда я увидел тебя впервые в театре, то поначалу даже немного испугался. Честное слово!

- Не понимаю... Почему?

- Я подумал: «Экое страшилище! Таковую физиономию ночью встретишь – умрешь от одного только страха». А ты, оказывается, – нежнейшая, добрейшая душа, гипертрофированная совесть. Вопреки твоим лихим усам и особенно – твоему могучему носу.

Друзья расхохотались, начали хлопать друг друга по плечам, по спине – и крепко обнялись, скрывая друг от друга внезапно выступившие на глазах предательские, совсем не мужские слезы.

Рамат-ашарон, 2008-2009

РАХИЛЬКА

Я сидел на скамье около дома, где мц с женой, сыном и его семьей снимаем квартиру уже шестой год. Вернее, где мы, двое, живем вместе с семьей сына. Раньше все мы жили в другой квартире – тесной, темноватой, хотели машканту (ссуду на жилье – иврит. А.Г.) взять и купить квартиру, да передумали – и сняли эту, большую, удобную. Сын откладывает деньги на свой счет в банке, чтобы потом все же купить хорошую квартиру, но без машканы не обойтись. Слава Богу, все мы: четверо взрослых и трое детей - живем дружно.

А посидеть я вышел, чтобы не слышать телевизор, он в последнее время приковывает внимание жены с самого утра, когда дети уходят на работу, и до вечера, когда они, усталые, возвращаются.

Сериалы, сериалы. Она смотрит все сериалы на русском языке. Я тоже иногда к ней присоединяюсь, но вскоре мне это надоедает.

Вот и сегодня вышел в половине первого, а супруга напомнила вслед, что обед будет, как всегда, в половине второго, и что принимать пищу в одно и то же время – важно для нашего здоровья. Что ж, она права. Как всегда.

Скамейка – в тени, ветерок обдувает, солнце не печет. Приятно! И можно вспоминать былое, строить планы о новом заработке (меня

уволители по старости из хевры \компании\ по уходу за престарелыми, да я и сам сравнялся возрастом с двумя моими подопечными, хоть силы еще есть).

Я вообще-то по специальности экономист, но иврит так и не выучил толком, а без языка на работу не берут. Правильно, конечно, но так хочется подработать для семьи! Для машканты.

- Не помешаю? – спросил подошедший мужчина, мой ровесник, судя по внешнему виду.

Я узнал этого рыжеватого, высокого и худого соседа: он живет на шестом этаже, над нами. Ходит гулять с женой, полной улыбчивой дамой, по вечерам. При встрече улыбается и бодро поднимает руку в знак приветствия

.- Садитесь, места хватит, - ответил я не очень приветливо, но и не так уж сурово.

- Нет, если я вам помешаю, то найду другую скамью, - возразил он поспешно.

Мне стало стыдно: хоть он и в самом деле помешает течению моих мыслей, но ведь скамья – общественная, и чем он хуже меня?

- Нет, нет, что вы, садитесь, пожалуйста.

Некоторое время мы сидели молча. Мысли мои путались, дергались, смешивались, и, решив пообщаться, я обратился к соседу с трафаретным вопросом:

- Давно в Израиле?

- Нет, всего девять лет. А вы?

- В два раза больше. Нравится вам здесь?

- Не то слово. Обожаю страну. При всех недостатках, а их хватает, - это рай земной. Я даже не подозревал, что так можно построить жизнь в окружении недоброжелателей, с такими затратами на оборону. И так озеленить ее, и так высушить болота. Правда, немалой ценой. Евреи – молодцы.

- А вы разве не еврей?

- Хохол. Чистокровный. Жена – еврейка, дети – оба евреи. Да и внуки-малыши – евреи.

- Извините, не чувствуете себя неуютно в такой ситуации: чужая страна, вы представитель нацменьшинства, евреи кругом, да еще они же и хозяева страны? – в упор спросил я его, искренно заинтересовавшись его ситуацией.

Он ответил не сразу.

- Вон как вы! Сразу – быка за рога! Отвечать надо осторожно?

Или - откровенно? Именно в моей ситуации ... Враз и не пояснишь. Есть время или собираетесь уходить уже?

- Есть почти час, рассказывайте.

- Я родился в большом украинском селе. В основном жили там украинцы, было немного русских и шесть еврейских семей. Были и другие нации, тоже понемногу. Был даже турок один, старик. Вдовый. Мой отец дружил с кузнецом-евреем, звали его Лейба.

- Лейб, - поправил я.

- Да, так, но у нас в селе звали его Лейба. Отец мой был бондарь, и они с Лейбой дружили. Частенько к нам приходил тот кузнец, выпивали они с моим батьком крепко, а батько тоже ходил к Лейбе в гости.

- И там тоже без горилки не обходилось?

- Ясное дело. А я подружился с Шуриком, сыном Лейбы. Вообще-то его звали Шолом, но мы все его Шуриком звали. Он был старше меня лет на шесть. Храбрый был хлопец. Сильный. У нас в селе в футбол две команды играли. Одна звалась «Петровец», как Днепропетровская. Другую - звали «Спартак». Капитаном той команды как раз был Шурик. Он у нас на две команды был один еврей.

Шурика все пацаны уважали, хоть он и еврей. Я его больше всех уважал, а его сестренку, рыженькую Рахильку, так просто полюбил. Тогда я малой был, еще не понимал, что я ее люблю. А она еще меньше это понимала, но радовалась, когда я приходил к ним.

- А как вы в детстве вообще относились к евреям? – не утерпел я.

- Вопрос законный. Мой батько говорил, что евреи – народ грамотный, не злобный, что иметь другом еврея – хорошо. Говорил, что для него Лейба – друг самый хороший, что и портной Гершель – тоже хороший, а сапожник Хаим – хоть и пьет сильно, но мастер, каких мало, и душевный по характеру. Что жены еврейские – преданные, что они такие матери, каких всякому Бог дай.

В общем, совсем не то говорил, что другие многие. Те только и знали, что евреи – жадные, скупые, хитрые, не надежные. Что все евреи – трусы и предатели. Дети от родителей набирались такого, а я от отца - совсем другого набрался. Так.

И вдруг – война. Мы знали, что фашисты хотят напасть, но как-то не верилось. Да и в кино показывали, как будто мы их разгромим

сразу. А тут очень скоро пришли они. И сразу - евреев искать по селу: «Юден, юден, шиссен». Нашли они и полицаев, и голова сельский объявился. Батько спрятал в погребе всю семью Лейбы. Мать плакала, что расстреляют нас вместе с ними, а батько строго сказал ей, чтоб молчала. Ночью слышал я, как мой батько с Шуриком разговаривал, а утром узнали мы, что ушел мой друг искать Красную Армию. Ему уже было шестнадцать лет, хотел воевать с фашистами.

Капитан команды «Петровец», Грицько Белоштан, ему восемнадцать было, стал полицаем, вот он и выдал нас. Пришли к нам солдаты – и к погребу! Вывели Лейбу, жену его Двойру и Рахильку и увели, а про Шурика не спрашивали даже. Потом уж мы узнали, что ночью он сумел немца оглоушить, забрал его автомат и в лес ушел, так его и не поймали.

Родителей моих не расстреляли, а выпороли обоих, все село созвали смотреть. Пороли долго и сильно, маты кричала, батько – нет. После порки они идти не могли ... Да ... Не перенесла маты моя позора и боли, прожила после того недолго.

Я вечером взял дома бутылку горилки, шмат сала с хлебом, да и принес тому Грицько. И допытывался у него, куда подевались Лейба с семьей. Он спьянел сильно и открыл мне правду:

- Их увели в районный центр, там всех жидов с округи постреляют. А то и сожгут.

Побежал я в райцентр. Кой-как поспел. И вижу я, как ведут их. Много людей! И старые, и молодые, и дети, и беременные даже. И мужчины среди них были, почти все – старики бородатые. И вижу я Лейбу, Двойру и Рахильку мою дорогую. И она меня увидела, ручкой помахала и заплакала.

Пошел я за ними, а как остановились, то спрятался в лесу рядом с тем неглубоким оврагом, где расстрел будет. Велели всем тем несчастным раздеться догола. Всем-всем. И разделись же!

Дали евреям-мужикам в руки лопаты и заставили длинную яму рыть по дну оврага. И рыли! Знали, что убьют сейчас, - и рыли. Теми бы лопатами – да по головам треклятым! И немецким, и полицайским! Да нет, не собирались, видно умереть геройски те мужики, еще две минуточки пожить хотели. Вы извините, что я так говорю.

- А не так ли копали себе могилы и жертвы энкавэдэ? Впрочем, не просто поставить себя на место этих жертв. Не просто и очень уж страшно.

- Верно говорите. Так вот, как ни медленно копали, а часа через два закончили. Поставили их, тех несчастных, в ряд около той ямы, поставили спинами к расстрельщикам ...

Вдруг прервав рассказ, сосед мой заплакал, лицо его исказила страдальческая гримаса, но он взял себя в руки, хоть и с трудом, и продолжал.

- Стреляли полицаи и другие добровольцы, а немцы сели на травку, вечеряли. Двое заиграли на губных гармошках. И так красиво у них на два голоса получалось! Стрельба не мешала мне слышать ту музыку, а люди падали в яму. Я залез на дерево, чтоб лучше видеть, и от страха чуть не свалился. Такая ведь жуть!

Троих евреев помоложе не расстреляли, их заставили засыпать землей убитых. А среди тех бедолаг кой-кто живой еще шевелился! Грицько орал, чтоб быстрее заваливали землею трупы, один еврей что-то сказал ему, так он его прикладом по голове стукнул, а когда тот упал, пристрелил его.

В общем, тех двоих тоже застрелили, когда они закончили работу, да так и оставили лежать.

Вот ушли каты, я слез с дерева и подошел к могиле. И вижу, что земля шевелится. Стоны слышу. Значит, живы еще некоторые. Волосы у меня поднялись на голове! И слышу я, как зовет меня Рахилька моя по имени. Стал кричать:

- Рахилька, где ты?

Прислушался, нашел то место, откуда голос доносится, и вижу я лопату. Забыли каты, видно. Или лень было тащить ее. Взял я ту лопату и стал копать в том месте, откуда голос шел.

Осторожненько так копал. И вижу я ручку – ту, которая мне махала, когда шла моя Рахилька к смерти своей. Потянул-потянул тихонько и вытащил девоньку из земли. А она – мертвая, не дышит. Вся кровью залитая.

Она ли звала меня или чудилось мне? До сих пор не знаю того.

- Рахилька, - кричу ей, сам не свой, - открой глазки, моя кохана!

Нет, не открыла. Еще тепленькая была, а уже мертвая. Я и на ручке пульс искал, и на шейке, и тут заметил, что пуля против ее сердечка вошла. Уже и кровь не текла. А только видна от пули ранка. Не знал, что за мной следили. Схватил меня за шкуру какой-то немец и кричит мне:

- Бист ду йуде? Ты, мол, еврей?

И выходит из-за дерева Грицько.

- Нет, - говорит, - он ни хт йуде. Абер сволочь, помогал жидам. Девчонку эр либе зер.

И как-то понял его немец, и протянул руку, я думал, ударит, а он погладил меня по голове и сказал мне ласково:

- Айн думер кнабе бист ду. Гей нах хаузе. Дурак, мол, ты. Иди домой.

Грицько сказал, чтоб я зарыл Рахильку. А я не мог. Не мог я. Сказал ему что-то немец тихо. И он зарыл ее. И тех трех расстрельщиков – тоже. Матюгался сердито. Немец молчал. Курил. Ждал.

Я пошел домой. Плакал всю дорогу. К полночи только повернулся до хаты. Отец меня спросил, в чем дело. Я рассказал ему. Заснуть я не мог, плохо мне было. А утром жар был у меня, бред, еле выходила баба Катя, которая умела травами лечить.

Когда пришел я в себя, матери моей в живых уже не было, померла. Прошло сколько-то времени, и батько в партизаны ушел. Меня оставил бабе Кате. Две зимы были мы вдвоем с ней. Голодали. Про партизан слышали, что они все сильнее да смелее действуют. И слышали от людей, что армия наша приближается. И пришли красные воины осенью сорок третьего в наше село. И Шурик с ними был.

Рассказали ему обо всем. Он слушал, молчал, не плакал. Ни слезиночки. Потом ушли войска вперед, на запад. Батько геройски погиб в бою с немецким карательным отрядом перед самым приходом нашей армии в село.

Я был в детдоме, поступил в ремесленное училище, выучился на слесаря, работал в Харькове на заводе. Там подружился с одним евреем, тоже слесарем. Шая звали его.

Как-то пришел к нему в гости и увидел его сестренку рыжую. До того на Рахильку похожа! И имя то же - Рахиль. Чтоб не тянуть, скажу, что я на ней потом женился. А до того рассказал я ей все про другую Рахиль. Живем мы дружно. Четверых детей родила жена мне. Трех мальчиков и девочку. Только много было неприятностей у детей в школе.

- Почему?

- Как это «почему»? Мать у них – еврейка. Дразнили их жидами. Да-да. Не удивляйтесь. Мальчишки, конечно, дрались. Я им рассказал все и про себя, и про моих родителей, и про Шурика, и про Рахильку. Они у нас были интернационалисты. Но от тех дразнилок, от тех неприятностей по пятому пункту (я их записал евреями)

страдали, и не только в школе. И стали мои дети сионистами, и решили ехать в Израиль, и меня уговорили.

Вот такая история, сосед.

Мы снова помолчали.

- А о Шурике слышали? Где он?

- В чужой сырой земле Шурик. Дошел до Берлина. А когда был штурм города, его щарахнул какой-то гитлер-югенд из фауст-патрона. Не дожил Шурик до победы.

- Извините за нескромность, ваши дети хорошо устроились в Израиле?

- Отлично. Старший сын - в банке, недавно опять пошел на повышение. Квартиру хорошую по машканте купил. Средний – электронщик, в хорошей фирме трудится, построил дом. Младший стал военным. Отслужил в армии, предложили остаться сверхсрочно, согласился. Сейчас он офицер.

- Женаты они на русских?

- Нет. Все женаты на еврейках из Союза. А дочь – врач. Хирург. Муж ее – грузин. Жили в Тбилиси, оттуда и репатриировались. Еще раньше, чем мы с женой.

- И муж-грузин согласился поехать сюда? Я слышал, что грузины – большие патриоты.

- Он и есть патриот. Патриот Грузии и патриот Израиля. Зовут его Шота. Как Руставели.

- А вашу жену как зовут?

- Рахель. Так в Израиле назвали. А в Союзе Рахилью звали, я же сказал вам.

- А ту ... ту Рахильку помните?

- Не поверите ... Столько лет прошло. А я чуть не каждую ночь ее вижу во сне. То во дворе с ней играю, то из страшной ямы ее выкапываю, беру на руки ... Она открывает те любимые оченьки, улыбается и обнимает меня за шею ...

Открылось окно, жена мне закричала:

- Твой суп стынет, давай быстро – обедать.

Я крепко пожал руку соседу, не произнеся при этом ни слова, он ответил таким же крепким рукопожатием.

ШПИОНКА

- Ольга Никаноровна, вы хотите отомстить большевикам за свою семью, которую они уничтожили? За то, что нищей вас, богатейшую владелицу, сделали?

- Будь они прокляты!

- Так вот. Я предлагаю вам ... но вы должны подумать ... я предлагаю вам отомстить им страшно, жестоко ... но не сейчас ... Позже!

- Не понимаю.

- Сегодня сила на их стороне. Я не знаю, сколько времени продержится власть бандитов. Возможно, несколько месяцев, пока мир не придет нам на помощь. Возможно, да-да, возможно, и много лет. Чтобы вернуть России свободу, чтобы победить взбунтовавшуюся чернь, нам, сынам Отечества, придется принести немало жертв.

- Я одна из них?

- Ну зачем же так? Вы можете принести громадную пользу силам добра в борьбе с силами зла, если замрете, затаитесь – и в нужный момент нанесете страшный удар по большевикам!

- Точнее, полковник Розанов. Мы знакомы с юности. Я не девочка, я деловая женщина. В чем моя задача, какой удар и где я могу нанести? Говорите прямо, чего вы хотите?

- Ольга Никаноровна, нам нужен резидент. Нам нужен человек, который будет своим в «государстве пролетариата» и в нужный момент примет наших людей для взрыва в тылу врага. Одного из многих взрывов.

- Я поняла это предложение, как подтверждение нашего поражения на данный момент. Да?

- Не стану скрывать. Мы разгромлены. Я покидаю Россию. Буду участвовать в борьбе с Советами всеми доступными средствами. Власть их еще крепка. Народ не понял, какое ярмо его ждет под лозунгами свободы, равенства и братства. Западные либералы не справились с узурпаторами. Кишка тонка оказалась, извините. Вы готовы к трудному подвигу?

Лебедев снял очки, протер стекла. Посидел минуту с закрытыми глазами. Включил радио.

- От Советского Информбюро, - зазвучал голос Левитана.

Прослушав неутешительную сводку, Иван Григорьевич снова принялся за работу. Завод должен был дать продукцию не позднее января. Фронт не мог ждать. Лично товарищ Сталин контролирует ход строительства.

Директор завода вздохнул: как член партии с восемнадцатого года, он привык к партийной дисциплине, к демократическому централизму, к героическому преодолению трудностей, самой же партией и созданных.

Он верил в партию все так же, как в том далеком восемнадцатом, когда он, шестнадцатилетний, сел на коня, уведенного у кулака-соседа и, сильно взмахнув украденной шашкой, поскакал в партизанский отряд Федора Абрамова - биться с буржуями и помещиками насмерть.

С Федором, который был на два года старше, они подружились крепко, не раз спасали друг друга от гибели неминуемой.

А после победы над белыми пошли учиться. Оба оказались способными ребятами. Окончив рабфак, двинулись дальше.

И вот он, Иван Лебедев – директор крупнейшего оборонного завода, эвакуированного в глубь страны. А Федя - ...

- Неужели действительно оказался врагом народа? – вслух прошептал Иван Григорьевич. – Нет, не такой он человек!

Снова вернулся к плану развертывания завода на этом болотистом месте. Впрочем, болото уже промерзло.

Сроки – явно нереальные, но нет таких крепостей, которые не взяли бы большевики!

Отдав несколько срочных распоряжений, директор завода потер виски.

– Нет, не был он врагом, - снова подумал об Абрамове. – А как сейчас помог бы мне он! Судьба ... Он был в гражданку моим командиром, а я стал его директором на заводе ... Нет, не был шпионом Федя, не был и вредителем ... Болтал много лишнего – это верно ... Сталина критиковал ... Сколько раз говорил я ему ...

Вошла, не поднимая всегда глядящих в пол глаз, худая высокая техничка, убиравшая в длинном деревянном бараке, временном помещении заводоуправления (постоянное здание еще и строить не начали). Прежде всего надо было возвести корпуса и параллельно смонтировать оборудование! Фронт не может ждать!

- Иван Григорьевич, можно у вас убрать? Вон сколько накидали! Никакого порядку! Зарастете грязью, где это видано?!

- Убирайте, Ольга Никаноровна. А на меня просто не обращайтесь внимания, - улыбнулся директор завода. – Я вам мешать не буду.

Ольга Никаноровна ловко убирала кабинет, собирая в мешочек мусор. Туда же, в мешочек, вываливала и обрывки бумажек. Просмотрит их и самые важные положит в валенки, прикроет стелькой шерстяной. А вечером передаст Ивану Ильичу Селезневу.

Селезнев объявился в начале войны. Пришел, назвал пароль. Она ответила. При этом все же побаивалась: вдруг он агент госбезопасности, подосланный к ней. Но полковник Розанов прислал с Селезневым коротенькое письмо, из которого она поняла, что все в порядке.

- Иван Ильич, у меня вы никак не можете остановиться. Сами видите, я живу в комнатухе с тремя эвакуированными женщинами. Хорошо, что их сейчас нет дома. Да еще соседи, на один коридор – три семьи.

Селезнев засмеялся:

- А здание вашего великолепного особняка отлично используется как госпиталь. Оно не старело без ремонта уже много лет. Основательно строили.

- Мрачная шутка. Вы вне подозрений? Хвоста не заметили за собой?

- Зря волнуетесь. Я ведь фронтовик, был ранен, лежал в госпитале, а сейчас нашел работу. Завхозом устроился и по совместительству – сторожем. При работе – и моя квартира. К вам больше не приду. Встречаться будем как бы ненароком по понедельникам в разных местах. В какие часы вы можете приходить? Мне было бы удобно вечером.

Разгром фашистских войск под Москвой она перенесла легко. Более того, это ей доставило радость: из газет и радиопередач она поняла, что не свободу долгожданную, а новое, позорное рабство несут немецкие войска ее великому народу.

Беседы с Лебедевым, директором завода, заставили ее по-новому оценить и этого человека. Прониклась к нему уважением.

По-новому стала смотреть и на свою шпионскую деятельность.

- Г-споди, я же предательница, - шептала вся в слезах по ночам. – Я же родной русский народ в тяжкую годину предаю. Да, ненавижу большевистскую сволочь. Но оккупанты еще хуже. Гибнут

мальчишки-солдатики на морозе, проклятые фашисты деревни жгут, партизан вешают, а я ...

Потом мысли ее обращались к полковнику Розанову. - Вы предали Россию, полковник. Да-да, предали! И я – вместе с вами! А ваш Селезнев, наверно, немец. Ариец, судя по его внешности.

Высшая раса ...

И снова женщина о большевиках думала. О коллективизации страшной. О странных процессах судебных и о многочисленных расстрелах без суда. О лагерях и колониях, где люди гибли без вины. Сталина она ненавидела еще сильнее, чем Ленина и Троцкого.

- Всю банду под названием Политбюро ненавижу, - яростно шептала по ночам не один год. – И всех рабов, им подчинившихся.

Но свое настроение, свои мысли она очень тщательно скрывала.

Теперь же совсем растерялась бывшая деловая женщина, а ныне техничка. Пришла ей в голову мысль о том, что хорошо Советская власть использует и фабрику ее, и пароходы. Она бы и сама могла все это отдать народу, если бы потребовалось ныне для обороны. Перед ней возникали не раз образы Минина и Пожарского.

- Гитлер, может быть, для кого-то и не хуже Сталина, но он хочет превратить нас, великороссов, в рабов! Не бывать этому! – едва не произнесла вслух на работе, слушая сводку Информбюро по радио.

- Иван Григорьевич, мне нужно поговорить с вами. Дело не терпит отлагательства.

Лебедев удивился. Техничка заговорила языком интеллигенции. И осанка ее мгновенно изменилась. И ее красивые, умные, печальные глаза впервые прямо, но с болью смотрели в его глаза. Что-то странное происходит!

- Я вас слушаю.

- Иван Григорьевич, помните, как вы мне однажды рассказали о своем друге Федоре Абрамове, который ...

- Не понимаю, почему вдруг ...

- Я долго думала ... Не решалась ... Но я должна ... Вы не соблюдаете секретности. Нет, я не обвиняю вас. Наоборот. Дело в том, что я ... шпионка. Я собирала бумажки, и некоторые из них представляли ценность для вражеской разведки. Я передавала их человеку, который связан с ней.

Лебедев побледнел. Не провокатор ли перед ним? А если и в

самом деле шпионка, то почему вдруг ему признается?

Силы в этот миг покинули Ольгу Никаноровну. Она слабо ахнула и упала в обморок. Теперь Лебедев был уверен в том, что перед ним и в самом деле запутавшаяся шпионка.

Он поднял трубку телефона.

На очной ставке с Селезевым, который не успел разгрызть ампулу в воротнике во время его захвата, она говорила спокойно, уверенно.

Оказался этот как бы Селезев матерым агентом германской разведки. Но жажда жизни, которую ему обещали сохранить в случае сотрудничества с органами безопасности, пересилила и заставила его выдать всю сеть и подробно рассказать о связи с раскаявшейся уборщицей-шпионкой.

Госбезопасность торжествовала очередную победу. На заводе были усилены меры по охране военной тайны.

Лебедев отделался строгим выговором, так как завод досрочно начал выдавать продукцию, сразу же отправляемую на фронт.

Ольга Никаноровна так и не предстала перед судом: она повесилась в камере, зацепив порванную и скрученную нижнюю рубаху за решетку крохотного окошка.

Оставила коротенькую записку:

«Жить больше нет смысла. Да и раньше, видно, не было».

1992?

НЕОБЫЧНОЕ ИНТЕРВЬЮ

- Вали на оперетту-памфлет Яноша "Семь пощечин" и вытяни из актера Ситникова интервью любой ценой, - сказал редактор мне утром. – Его исполнение роли понравилось самому. Первому. Понял?

- Ситников никому не дает интервью, - уныло отбояривался я, - он нашего брата журналиста терпеть не может. Вы же знаете. А я тем более не смогу из него ничего вытянуть, у меня еще нет опыта. Я ...

- Так. Вот тебе два билета. Бронь управления культуры.

Будешь сидеть в четвертом ряду. Возьми с собой жену ... Ну да, ты еще порхаешь ... Возьми девушку. Аплодируйте, кричите "браво", чтобы он вас заметил. Потом - за кулисы к нему. Разговори его, девушка поможет. Возьми сексапильную. Мужик же он все-таки. Вперед!

Рита, узнав о задании редактора, долго смеялась. Видно, ее смешила еще и моя унылая физиономия. Потом сказала решительно:

- Я пойду с тобой. Мне интересно. И вообще ... я люблю тебя.

С этими словами она меня поцеловала. Ах, как умеет целовать Рита! Уже три месяца мы встречаемся, а я все еще не привык к ее дивным поцелуям: они сразу же меня зажигают - и ... мы едва не опоздали на спектакль.

Я не ожидал ничего хорошего от "Семи пощечин" малоизвестного автора. Но оказалось, что я ошибался. Особенно понравился нам с Ритой Ситников в роли доктора Майера. Уже первое его появление на сцене вызвало хохот.

Это было что-то особенное: щупленький старикашка еле отрывал ноги от пола при ходьбе, помогая себе взмахами рук, он будто взлететь собирался. Говорил дрожащим сдавленным тенорком. Каждая его реплика вызывало хохот в зале благодаря особым интонациям.

Мы с Ритой кричали «браво» не по заказу, а от души, мы аплодировали талантливому актеру, создавшему незабываемый образ.

- Вы к кому? – преградил нам путь за кулисы огромный детина, одетый не бедно и со вкусом.

- Мы к Ситникову.

- Он не принимает.

- А вы кто, собственно говоря?

- Начальник пожарной охраны этого театра.

- Вот и занимайтесь своим делом, - начал взвинчиваться я.

- Какой у вас красивый галстук, - ахнула Рита. – Я уверена, это немецкий. А костюм – явно из Парижа.

- Так точно, - улыбнулся детина. - Проходите, но только он и в самом деле никого видеть не хочет.

В гримерной было несколько мужчин. Они разгримировывались, весело переговариваясь. Лишь один из них хранил мрачное молчание, снимая грим с лица. Это был Ситников. Оказалось, что он вовсе не старик: на вид ему было лет сорок пять – пятьдесят. Он был худощав, но мускулист.

- Здравствуйте, Григорий Петрович, - пропела нежно Рита, удивив меня знанием имени и отчества Ситникова.

Он осмотрел ее с головы до ног, перевел взгляд на меня, снова оглядел мою подругу и сказал обычным голосом, приятного тембра:

- Интервью пришли брать? Не выйдет, ребята.

- Дорогой Григорий Петрович, - быстро заговорил я. – Журналист только я. Меня зовут Израиль Киверштейн. Я только начал работать в газете. Я умоляю вас дать мне интервью. От этого зависит моя карьера.

- Как тебя зовут, шлимазл? – удивился актер. – Повтори.

- Израиль Киверштейн.

- Как звали твою бабушку, а бухер?

- Ее звали Хая, - ответил я растерянно. – Но причем здесь она?

- А притом, что ради твоей покойной бабушки я таки отвечу на твои глупые вопросы. Но не здесь. Иди в ресторан, тут рядом, знаешь, и купи бутылку хорошей водки. Скажи, что для меня, и тебе сделают. А я пока с твоей подружкой побеседую, если ты не против. А если против, так пусть и она с тобой сбегает.

Я купил бутылку «Столичной», мне действительно «сделали». Мы заказали такси, и через двадцать минут уже сидели за столом.

Я осмотрел квартиру. Вернее, комнату. Дом, где жил актер, добротный двухэтажный деревянный дом, был заселен актерами театров, как правило, пожилыми. Новые актеры получали квартиры в новых домах. Хоть и малометражные, но со всеми удобствами. Здесь же, как стало ясно, удобства эти были общими и пользовались ими поочередно.

В комнате Ситникова, большой, метров тридцать квадратных, была русская печь с плитой. Я пощупал: теплая. Видно, сегодня была протоплена. Потому и в комнате было тепло.

Из мебели здесь были только стол и диван, да три стула. Правда, и этажерка с книгами стояла ближе к единственному окну. Большая этажерка, но не фабричная. Возможно, сам хозяин ее соорудил.

Сразу было видно, что артист живет один. Хотя и было в квартире чисто, опрятно, но чувствовалось, что нет здесь женских рук. Какой-то сиротской казалась берлога. Однако закуски нашлось

достаточно: и в печи, и в небольшом, но шумном холодильнике «Саратов».

После двух рюмок артист спросил:

- Будешь вопросы задавать или рассказывать подряд?

Я все больше удивлялся: после того, как я назвал себя и открыл имя моей любимой бабушки, Григория Петровича словно подменили. На меня он смотрел ласково, по-отечески. Да и на Риту так же.

- Как вы сами хотите, так и рассказывайте.

- Лады. Я родился накануне войны. Когда в наше местечко пришли немцы, мне было шесть лет. Сразу же начали собирать евреев на площади перед исполкомом. Отец сказал мне: «Беги, сынок, в лес. Может быть, спасешься». Не смотрите на меня удивленно, дети. Я самый настоящий еврей.

Он залпом выпил стопку, не закусывая, и продолжал:

- Я стал было возражать, но майн татэ нэшулэм от гибт мир а пэч и крикнул: «Спасайся! Никому не верь, иди к нашей армии!»

Я был ловкий и сильный мальчик, я сумел убежать. В березовой роще я слышал ... как ...

Видно было, что ему не по себе. Он выпил залпом еще одну стопку.

- Я сумел добраться до линии фронта через неделю, и первым меня увидел командир разведроты Петр Константинович Ситников. Он увел меня подальше, поговорил со мной, задумался. И сказал мне, чтобы я о себе никому ничего не рассказывал. «Говори, что ты мой сын, Гриша Ситников. И все. Понял? Я думаю тебя усыновить. Но ты говори, что ты мой сын уже сейчас».

Я был благодарен, но не понимал, почему я должен скрывать свое истинное имя и национальность. Это я понял позже. Как и многие.

Надо вам сказать, что я в то время не очень был похож на еврея: светлые волосы, голубые глаза, курносый нос. Да еще и обрезание мне не сделали, потому что родители были атеисты и коммунисты.

Я отступал вместе с армией, ел из котелка, одели меня подходяще, но сыном полка я не стал. Я был сыном Ситникова. Ты понял, Киверштейн, теперь, кто я?

- Да, Григорий Петрович. Это удивительно – то, что вы сейчас рассказываете. Я даже не предполагал ...

- Однажды мой приемный отец сказал: «Сынок, мы в очень тяжелом положении, нас окружают. Погибло уже несколько разведчиков, но мы не представляем положения. Ты мог бы сходить в село за лесочком, посмотреть силы фашистов и расположение их? Это очень опасно, сынок, но авось обойдется, ты ведь малыш, тебя не заподозрят.

- Я пойду, - сказал я, гордый тем, что могу быть полезен отцу.

Петр Константинович меня проинструктировал подробно. Я побывал в селе, запомнил все, что там увидел, и вернулся обратно без происшествий. Благодаря этому удалось ночью выйти из окружения.

Актер улыбнулся.

- Не раз еще я ходил в разведку. И все удачно. Но однажды меня заподозрили полицаи и схватили. Я вырвался, побежал. Мне стреляли вдогонку, пуля настигла у околицы, я упал. Разведчики, которые там ждали меня, расстреляли погоню и доставили меня к своим.

- Вас сильно задело? – спросил я.

- Как сказать? Пуля прошла сквозь мой череп и вышла через правый глаз. Врачи фронтовые прооперировали меня, и Ситников отослал меня к своей сестре. Он сильно переживал, винил себя. После войны он добился, чтобы мне глазной протез отличный сделали в Одессе. Но все равно нет-нет да и начнет себя винить. Он был славный отец.

- А мы и не заметили, что у вас протез, - сказала Рита тихо.

- Да, протез отличный. Я окончил школу и сумел сдать экзамены в медицинский институт. Учился усердно, мечтал стать окулистом. И окончил бы институт, если бы не Наташа. Э-э, да водка кончилась! Журналист, сбегай еще за бутылкой! Хотя, подожди ...

Он полез под кровать и вытащил бутылку армянского коньяка.

- Чуть не забыл про это. А почему ты ничего не пишешь, а гитер бридер? Забудешь потом, а я два раза одну обедню не служу.

- Я предпочитаю слушать вас. Потом запишу то, что запомнится.

- Молодец. Ну, поехали по коньячку. Рита, вы не пьете. Почему?

- Чтобы вам двоим больше досталось.

- Ладно. Однажды был конкурс художественной самодеятельности. Мы с товарищем пели куплеты Фомы и Филиппа

из оперетты Дунаевского «Вольный ветер». И руководитель институтского хора пригласил нас. Оказалось, что у меня хороший тенор, и вскоре я стал солистом. Я нормально учился, самодеятельность мне не мешала.

Однажды мы пришли с концертом в педагогический институт. Я уже пел арии из опер и оперетт, слушателям нравилось, а руководитель хора вообще считал, что у меня вокальное будущее.

- И тут появилась Наташа! – воскликнула Рита. – И все под откос!

- Угадала, Рита! Меня услышала студентка физмата Наташа. После концерта она подошла ко мне, сыпала комплиментами, призывно улыбалась и так далее ... Ну, сами понимаете ...

- Бывает, - промямлил я, подтверждая понимание.

- Ночь мы провели у нее в комнате. Наташа была моя первая женщина. Я был счастлив. Да ... На лекциях лишь о Наташе я думал, да и не только на лекциях. Мой отец полковник Ситников заметил это и предупредил меня, что так можно и из института вылететь. Мне было стыдно, но я жил как в прекрасном сне, все более запуская занятия...

- Ну как так можно! – вскочила со стула моя подруга.

- Тут беда приключилась, - нахмурился рассказчик: полковник погиб в авиакатастрофе. Сестра его, которая меня не терпела, прогнала меня в общежитие.

- А жены у полковника не было? – покраснев, спросила Рита.

- Его жена, еврейка, гостила у своей матери в Бресте. Вы, наверно, знаете, что город, кроме крепости, сразу был захвачен германской армией и там позже создали гетто. Всех жителей гетто уничтожили осенью сорок второго года, и она погибла вместе с другими. Петр Константинович любил ее крепко. Винил себя в том, что разрешил жене поехать в Брест. Больше не женился. Однолюб был. Как я. Возможно, встречался с кем-то. Не знаю.

- Проклятая война! – крикнул я. – У меня тоже погибли родные!

- Ударил меня еще одна беда. Я пришел к Наташе, дверь в их коммунальную квартиру была открыта. Там был коридор, а по обе стороны его комнаты. Я прошел ко второй справа, к Наташиной комнате и застал... Думаю, не нужны подробности.

- Да-а, конечно, - сказали мы с Ритой вместе.

- Смерть отца и измена любимой привели к нервному срыву,

мой певческий голос не пропал, но петь я не мог: сразу горло перехватывало. Врачи утешали: пройдет, мол, со временем.

А я был в отчаянии. И тут меня попросили сыграть Хирина в Чеховском «Юбилее». Спектакль имел шумный успех. Меня видел в «Юбилее» режиссер театра музыкальной комедии и рискнул ввести меня в оперетту «Свадьба в Малиновке» на роль Попандопуло. Что вам сказать? Мне так аплодировали, что я как бы в себя пришел. Я ушел из института и стал актером. Давали мне комедийные роли. Мое амплуа – «простак». Вот и все интервью. Или еще что-то нужно?

- Я хотел спросить, как вы работаете над ролью, - сказал я.

- О-о! Вопрос, конечно, интере-е-есный ... По-разному работал. Смотря какая роль. Современника играть проще. А так? Приходилось читать литературу. Всякую. Художественную. Историческую. Иногда и в учебник психиатрии заглянешь. Само собой, пытаешься найти похожего человека рядом, вникнуть в его нутро. Ха-ха-ха! И все равно остаешься самим собою. Начинаешь себя перекраивать ... Но есть и еще одно. Все время чувствуешь зал. От тебя – к нему, от него – к тебе идут незримые волны, понимаете? Это единение растет, растет ...

Вот, например, над Майером я работал весьма интенсивно. Ходил в поликлиники. Даже на прием к подобному чудаку записался ... Ха-ха!

- Вы можете назвать любимого композитора?

- Конечно. Это – Кальман.

- Ну а тексты оперетт, либретто?

- Это другой разговор. И не для меня.

- Последний вопрос. При чем тут моя покойная бабушка?

- А-а ... Вы, уважаемый журналист, должны были давно задать мне другой вопрос. Вы должны были спросить мою девичью фамилию. Я родился в семье Киверштейн. Мой отец имел двоюродную сестру, которую звали ...

- Хая?

- Вот именно.

- Она тоже погибла в начале войны. Тоже – трагически.

- Знаю. Потому-то, когда ты назвал свою фамилию, я задал тебе странный, на твой взгляд, вопрос об имени твоей бабушки. Потому и сидишь ты здесь со своей очаровательной подругой. И допиваешь мой заветный коньяк. И подросел ты вовремя, ибо завтра уже не получил бы встречу со мной: я покидаю театр навсегда.

- Спасибо, Григорий Петрович, за интервью, за угощение. За все.

- Нет, парень, так не годится. Ты плохой журналист. Ты собираешься убежать, не выяснив, почему я покидаю театр?

- Спрашивать было бы нескромно, - вякнул я.

- Чушь! Журналист не имеет права быть скромным. Ну, спросишь?

- Конечно. Я очень хотел спросить ...

- Ты, конечно, видел мою квартиру и сделал вывод, что не видна в ней женская рука?

- Вы читаете мысли.

- Так вот, ингеле, я тебя ошарашу, возможно. Я жил трудно. Я купался в аплодисментах и в криках «браво», но я был глубоко несчастен, я был одинок. Брюзжал, ворчал, матерился. Каждый секс с женщиной был плотским удовольствием, но не радостью. Так было. Но случилось нечто, случилось-таки. Это нечто тоже повлияло на мое решение дать тебе интервью, дорогой родственник.

- Что же это? Пришла любовь? – выкрикнула, сверкая взором, Рита.

- Хорошая моя девочка, ты угадала. Пришла, пришла! Представьте себе, милые мои дети, Наташа, которая дважды побывала замужем, пришла ко мне. Пришла! И сказала ... Да сядьте же вы, негодники! Сядьте, чтобы не упасть!

Она пришла, когда я читал газету. Я еще с порога крикнул: «Кого еще чёрт несет?!» Открыл дверь - и едва не заорал от бури в груди моей. Она стояла и смотрела на меня. Как тогда, много лет назад. Я осторожно взял ее за руку и ввел в квартиру. Она села на этот диван, где вы сейчас сидите. Она смотрела на меня и плакала. И я стал целовать ее руки, а она – мои. И мы обнялись – и замерли. Надолго.

Я ни о чем ее не спрашивал. Но она произнесла целый монолог. Суть его такова. До меня она просто встречалась с парнями, которые нравились. Мой голос вызвал в ней новое чувство, потому она и была со мной так долго, по ее тогдашним меркам. А застал я ее с ее первым парнем, которому она не смогла отказать.

Когда я ушел, она сначала не очень-то и переживала. Но годы шли, и она меня вспоминала все чаще, и во сне я ей являлся. И наяву она со мной как бы разговаривала.

И с первым мужем, и со вторым разошлась потому, что не

было в них того, чего просила душа ее. И поняла она, что я и только я ей нужен. Вот ведь как!

- Потрясающе! – крикнула Рита.

- Потрясающе другое. Она попросила меня спеть. Я ей сказал, что петь больше не могу ... с тех пор ... Она снова просила ... И я, чтобы доказать ей, что не могу, запел арию Канио из оперы Леонкавалло «Паяцы». Вот так.

Актер встал и запел перед нами – чистым, красивым, богатым обертонами тенором:

Играть? Когда точно в бреду я:

Ни слов я, ни поступков своих не понимаю.

И все же должен я играть!

Что ж? Ты разве человек?

Нет, ты паяц ...

Мы были ошеломлены. Мы встали. Он допел арию до конца:
смейся и плачь

Ты над горем своим ...

Рита плакала, но глаза ее сияли. Я был потрясен.

Григорий Петрович грустно улыбался.

- Вы теперь будете петь в опере? – спросила Рита, придя в себя.

- Нет, детка, я буду петь теперь только для Наташи. Если бы вы знали, друзья мои, как я счастлив!

- А где же сама Наташа? – удивилась Рита.

- Она была здесь очень недолго, а теперь она ждет меня.

- Где?

- Вы все еще не поняли? Она меня ждет. И я приду к ней. А вы ступайте домой. Любите и жалейте друг друга. Мне очень жаль, журналист, что и это интервью не пройдет в печать.

- Почему?

Только теперь я заметил на столе листок бумаги, где успел прочесть лишь одну строку: « ... сообщает, что Наталья Гавриловна Чекмарева скончалась 13 декабря ...»

Об этом я сказал Рите лишь тогда, когда мы вышли на улицу. Был легкий морозец без ветра, дышалось легко. Мы обнялись и целовались долго, нежно и грустно.

Утром я встал рано, выпил полстакана огуречного рассола, поставил чайник на огонь и принялся писать «Интервью с великим актером» в свою газету.

Все шло удивительно быстро. Но в одном месте я запнулся и позвонил Ситникову, чтобы задать вопрос.

Трубку долго не брали. Наконец, женский голос хрипло произнес:

- Слушаю вас.

- Пригласите, пожалуйста, Григория Петровича!

- Это Ситникова?

- Да.

- Не могу.

- Как это?

- Угорел Ситников.

- А вы кто?

- Мы «Скорая помощь». Приехали по вызову соседей. Видно, он крепко выпил, потом печку протопил, да рано закрыл задвижку. Спасти было невозможно. Поздно было.

И тут я вспомнил слова моего покойного родственника, чудом бретенного и тут же потерянного певца и «простака»:

- Мне очень жаль, журналист, что и это интервью не пройдет в печать.

Он был прав: интервью я не принес в газету, а писать некролог счел кощунством.

8 января 2012 года

ЦАРЬ ДАВИД И БАТ-ШЕВА (ДАВИД И ВИРСАВИЯ)

Шла война с аммонитянами. Царь Давид продумывал свои действия, стоя на плоской крыше дворца своего. Уже три дня он дома. Война шла успешно, и он позволил себе небольшой отдых.

Он уже добился того, что царство почти достигло прежних размеров, размеров Земли Обетованной. Не только мужественным воином был он, но и мудрым политиком, но и великим стратегом. Он, сын простого пастуха, был отмечен с самого рождения перстом Всевышнего.

- Итак, мы продолжаем теснить противника, хотя ты и отдыхаешь, царь Давид, - завершил свой доклад стоящий рядом с

царем Иоав, военачальник, приехавший с этим докладом о ходе военных действий.

- Отлично, - вымолвил Давид, - я доволен тобою, мой верный друг. Впрочем, я не сегодня, так завтра сам прибуду на поле брани.

Щедро одарен был этот человек от рождения: сильный, смелый и умный, он обладал абсолютным слухом, композиторским даром и удивительным голосом с необыкновенным богатством обертонов. От самой нежной проникновенности до самой громкой страсти – все мог передать он своим пением. Он легко овладевал любым музыкальным инструментом, но больше всего любил арфу.

Вдруг царь увидел ...

Он увидел ее.

Обыкновенная женщина.

Голая.

Нет, нет, не голая. А ... обнаженная.

Молодая. Красивая.

Нет, нет, не просто красивая. А ... прекрасная.

Царь Давид восторженно смотрел на это чудо красоты. На идеал. На то, что он видел в своих снах. О чем грезили и тосковали давно его тело и душа. Чего ему не хватало, хотя он могущественный властитель.

Крик восторга с трудом удалось подавить.

Так вот она какая?! Такая тихая, незаметная. Скромница Бат-Шева. Чужая жена. И не просто чужая. Она жена друга Урии, воина, человека уважаемого. Храброго. Неглупого. При этом преданного ему, царю Давиду.

Нет, не надо смотреть на нее! Уйти от соблазна!

Но не смог Давид оторвать очарованного взора от дивного тела. Совершенного во всех пропорциях, зовного, колдовского. Как грациозно поливала она сама себя водой из кувшина!

Шесть любимых жен у него, рыжекудрого.

Шесть красавиц, любящих его, преданных ему, но ни одна из них не смогла ни разу вызвать такого восторга – одновременного и в его светлой душе, и в мощном теле. Все в нем пело и рвалось ... нет, на сей раз не ввысь, не к небесам. Нет, не к Небесам. А к ней – грешными жадными очами - к Бат-Шеве.

Бат-Шева повернула голову, чтобы сказать что-то своей рабыне, подававшей ей новый кувшин с водой.

Черты лица юной женщины были освещены солнцем и потому читались ясно орлиным взором царя даже на расстоянии. Они, эти черты, были прекрасны, а из глаз ее, казалось, струился свет любви, посылаемый ... кому? Кому? Далекому супругу?..

- Бат-Шева? - спросил Давид и показал пальцем на женщину, хотя прекрасно знал, кто эта красавица.

- Да, - ответил Иоав, один из «храбрых Давида», спутников будущего царя во времена преследования, прославившихся своими подвигами и верностью Давиду.

Его удивило, что царь, который все видит вокруг себя и все знает, соседку свою, красавицу Бат-Шеву, до сих пор как бы не замечал.

- Хороша жена воина Урии, - добавил Иоав. – Повезло ему. Впрочем, знающие люди говорят, что она была обычной девушкой, а расцвела ее красота от слушания твоих сладкозвучных псалмов ... Урия воюет, спокойный и уверенный в ней, так как она живет под крылом твоего, дворца, о царь ...

Царь Давид с юности знал толк в женщинах: его ум, его смелость, его дивная игра на арфе и на других инструментах, его мужественный и совершенный по тембру голос – все восхищало их и бросало к нему в объятия. И он никогда не отказывался от этих объятий, ибо был крепок и ненасытен на ложе любви.

Магнитом звало и звало его к соитию любое красивое тело.

- О это сладкое женское тело! – признался он однажды своему предшественнику, царю Шаулю, когда был его придворным и отгонял от Шауля злых духов своим пением. - О тонкость пальчиков руки, о дивная форма ногтя! О нежность кожи! О сладость губ и сосков!

- Хватит, Давид! – улыбнулся Шауль тогда.

Но Давид продолжал:

- О упругость груди! О округлость ягодиц, о зовущая линия бедер, о стройность ножек! О призывность живота и лобка! О сладостные поцелуи, оставляемые жадными губами на всем ее теле! О нарастающая с каждой новой лаской жажда войти к ней,

избраннице сегодняшней!

- Достаточно, - помрачнел Шауль, который уже не мог быть достойным партнером в постели.

- О непередаваемость волшебного мига вхождения, мига надежды и возжеленного достижения цели! О ...

- Это же язычество! – вскричал царь Шауль. – Давид, опомнись!

- О слияние двух тел в нарастающем ритме гимна страстной любви! О сладость краткого и жуткого оргазма, когда словно смерть, прекрасная смерть как бы входом в рай приходит к тебе! – завершил свое словесное возлияние любимец и зять первого израильского царя.

Муж его любимой дочери Михаль.

В тот миг Давид и думать не мог, что станет врагом тестя, что тот все силы будет прилагать, чтобы убийством избавиться от народного любимца: храброго воина и сладкогласного певца.

Что сын Шауля Ионатан, верный друг, поможет ему, Давиду, бежать от смерти или заточения в темницу.

И что дважды он, Давид, откажется от возможности убить самого царя Шауля, помазанника Б-жьего.

Он, зять царя, и думать не мог о том, что придется пользоваться покровительством филистимлян, врагов его народа, спасаясь от мстительного Шауля.

Что это скажется и на характере его, веселого прямодушного Давида, и на его взглядах, и на всем его поведении.

Иоав, наблюдая за остолбеневшим созерцателем красоты Бат-Шевы, вспоминал, что при жизни Шауля шестьсот верных друзей Давида, среди которых был и сам он, Иоав, проявляли чудеса храбрости, помогая выжить опальному победителю Голиафа. Что Давид тайно был помазан великим пророком на царство в присутствии мужчин своей семьи и, лишь победив всех врагов, был избран старейшинами народа повелителем Израиля.

И что, перенеся столицу из Хеврона в Иерусалим, Давид пытается построить здесь грандиозный Храм во славу Вс-вышнего.

Иоав подумал о том, что богобоязненный царь может впасть в грех, полюбив и возжелав чужую жену, тем более жену друга своего. Но что им овладело? Минутная страсть или великая любовь?

Жизнь покажет ...

Давид ценил и любил красоту тела женского, но и душа ее, и ум ее, и понимание ею своего мужчины ценил не менее.

Особенно сильно проявлялось это после первого вожделенного вхождения к ней. Когда тело красотой своей уже не заслоняло красоту души подруги. Или уродство души этой ...

Шесть любимых жен было у царя, все любили его, сыновей рожали ему - и дочерей тоже.

Самыми главными были Михаль и Авигея.

Царевна Михаль, дочь Саула, став женою, любила Давида именно как мужчину, не как носителя высокого ранга и высоких заслуг. Не она ли спасла его от гнева болезненно подозрительного отца своего, царя Шауля, когда Давид был военачальником в армии? Благодарный Давид ценил, уважал ее. Но мало, мало было ему одной Михаль.

Умница Авигея любила Давида не меньше. Она тоже выручила его однажды из беды: когда он ехал убивать ее мужа, стала она пред ним на колени и молила не впасть в грех, не обагрять руки в крови. Он был благодарен ей: не мужа спасла она, а его, Давида, честь. Неужели только за это на ней женился, когда овдовела? Нет, нет, он и Авигею любил. Да, любил. И уважал. Но мало ему и обеих этих ...

Ни одна жена не вызывала такого неистового восторга, который охватил его при виде Бат-Шевы.

- Что со мной?! – вопрошал сам себя Давид. – Я словно с ума сошел: я забыл о своем положении, я забыл о святой заповеди и желаю жену ближнего своего, жену моего друга и соратника, воина Урии.

И Небо вопрошал он.

- Отец наш небесный! Бог Единственный! Что со мной происходит? Я не могу и не хочу отказаться от этой юной женщины! Я охвачен могучим желанием, желанием греховным и нечестным. Неужели это может быть Тебе угодно? Так помоги же мне устоять, о Элоким! Помоги!

Ночью он не вошел ни к одной из жен своих. Он лег и пытался уснуть, но сон не шел к нему ...

- Господи, - прошептал он, измучившись, - подскажи мне верное решение! Помоги понять самого себя. Не дай стать негодяем. Скажи, как быть, дай мне сигнал, намек, пожалуйста.

Тщетно. Ночь отвечала молчанием. Вс-вышний явно

предоставлял царю право самостоятельного выбора. Это – великое доверие, но как выбрать решение?! Как?!

Наконец, царь уснул.

И дивный сон увидел он. Синее-синее небо простиралось во все стороны от него. А перед ним серебрился бесконечный вертикальный столб Света. И понял Давид, что это – ось Вселенной. И что в этой оси - Он. Тот, Чей ответ прозвучит сейчас.

И ответ прозвучал. Голос, подобный грому, изрек:

- Ты сам выберешь свой путь, Давид. Я поверил тебе, я сделал тебя царем Израиля, я возложил на тебя великую миссию. Но сегодня ты поступишь вопреки моим заветам, если не забудешь навсегда о жене другого человека. Ты сильный человек, Давид! Перебори себя!

- Я не могу, я пытался ... Я не могу от нее отказаться, это выше сил моих! Не могу! – крикнул царь.

- Что ж, ты выбрал путь, - прогремел Голос.

- Со мною что будет, если с собою не справлюсь? – завопил Давид.

- Ты выбрал путь, - снова прогремел Голос.

Царь проснулся. И всплыл в памяти образ обнаженной Бат-Шевы, которую он тут же повелел призвать во дворец. Желание было столь сильным, что царь забыл о седьмой заповеди: «не прелюбодействуй». Нет, не забыл, конечно. Но зов страсти оказался сильнее. Знал Давид, что придется расплачиваться, если не устоит. Знал, но не хотел ни о чем думать, кроме желанного свидания.

Послал за Бат-Шевой. Женщина пришла и склонилась перед царем. Запах благовоний говорил о том, что она умастила свое дивное тело, идя к Давиду. Для чего? Уж не хотела ли и она того же, что он хотел?

Он ласково усадил ее рядом с собой, угощал гранатами, финиками и фисташками. Почувствовал, что она трепещет. Почему?

- Ты замерзла. Выпей вина – согреешься, - сказал царь все так же ласково. – И пообедай со мной. Потом ... потом домой пойдешь.

Она слушала комплименты властителя, а потом и его игру на арфе, затаив дыхание, но вскоре попросила разрешить ей уйти.

- Я сказал, сначала мы пообедаем, красавица, - возразил Давид.

Обед был роскошен. Вино – великолепно. Когда царь увидел, что гостья опьянела и глаза ее туманны, он взял ее за руку и увел в

свои покои. Сначала она слабо сопротивлялась, но потом, вздохнув, дала ему раздеть себя, а когда возлег на ложе рядом с ней, ласкам его не противилась.

И возымели те ласки действие, и позволила женщина царю войти к ней. И шептал он ей что-то, и что-то она ему отвечала шепотом, и наполнился дворец их страстными стонами и криками.

Давид откинулся, получив свое. Задумался. Отправить гостью домой или оставить?

Луна освещала таинственным светом юное лицо ее, дивное лицо, зовущее к любви.

Он не успел опомниться, как вновь желание овладело им...

Утром он обнаружил, что нет на ложе Бат-Шевы. Бросился искать ее. И нашел женщину на том месте, с которого недавно он сам увидел ее обнаженную. Она молилась, повернувшись на восток.

- ... и еще прошу я тебя, о Царь Вселенной, не губи Давида за его грех. Ты все знаешь, о Великий и Милостивый. Ты знаешь, что я уважала Давида. Как не уважать пастуха, который, защищая стадо отцовских овец, сражался со стаями волков, победил медведя и даже льва?! Как не восхищаться победителем великана Голиафа, спасителем нашим?!

Давид улыбнулся. Красивый, сильный, мужественный, он тем не менее подобно многим охотно слушал похвалы в свой адрес.

- Но полюбила я его, - продолжала красавица, - когда услышала, как он играл на арфе и пел псалом. И со мной стало твориться что-то незнакомое ... Да, ты знаешь и это, о Грозный Властитель Мира. Прости же его за страсть ко мне, пусть только я одна буду наказана!

- Так вот почему ты мне отдалась? Не вино, а любовь лишила тебя сил и желания сопротивляться?! – прошептал растроганный царь и на цыпочках удалился во внутренние покои.

Урия в это время сражался с врагами царства. Была минута отдыха после боя. И вдруг воин почувствовал боль в сердце. И образ любимой юной жены возник перед ветераном. И ему явно почувствовалось, что кто-то рядом с ней. Кто-то чужой и не женского пола. Но вновь продолжился бой, и одержали победу иудеи, и забыл Урия о той боли в сердце.

И понесла Бат-Шева от Давида. Это обеспокоило его, когда печальная Бат-Шева пришла во дворец и сказала ему:

- О Давид, я беременно ... А когда обнаружится, что я нарушила долг супружества и буду побита камнями и умру с твоим ребенком во чреве моем, ты пожалеешь меня и свое не родившееся дитя? Ты сочинишь новый псалом или новый гимн и успокоишься?

- Зачем говоришь так, Бат-Шева? Ты же знаешь, что на самом деле давно уже не применяется казнь камнями. Потому что не так просто доказать ... факт измены. Нужны прямые свидетели. Да и кто посмеет побить камнями мою ...

Чуть было не сказал «мою жену», ибо таковою хотел видеть Бат-Шеву. Но запнулся – и задумался. И как бы нашел выход из тяжелой ситуации.

- Я вызову твоего супруга с поля битвы ко дворцу, ты возляжешь с ним, он войдет к тебе – и ... признает этого ребенка. Я уверен. Успокойся.

Она ушла, поникшая, придавленная, жалкая. Щемящая боль вошла в сердце Давида. Он понял, что любит ее по-прежнему. Даже сильнее, ибо к любви примешалась жалость непобедимая.

И захотелось царю рядом иметь всегда эту красивую женщину, которая его любит, и которая им любима не менее.

Вызванный ко двору Урия не спешил, до него донеслись нехорошие слухи. Он, как и прежде, сражался храбро, был всегда впереди, словно надеясь погибнуть на поле брани, как подобает воину. Новый приказ однако заставил его подчиниться.

И вскоре царь услышал голос раба:

- О царь Давид! Вернулся Урия, и ему сообщили о том, что жена ...

- Договаривай, не бойся.

- Что она переспала с тобой.

Урия Хеттеянин был убит горем. Его, великого воина, любимая жена, изменила ему. Если бы Давид не был царем, Урия проучил бы его! А так ... Во имя государства он не тронет предателя. Но не нужна ему больше эта женщина! Он горд! Хотя любовь к ней обернулась для него невиданными муками.

Заметив мужа, радостно вскрикнула Бат-Шева, бросилась к нему, но он молчаливым жестом отверг ее. Женщина медленно пошла

домой – закутанная с головы до ног, только кисти рук, да лицо, да еще ноги по щиколотку видны. Будто не оголялась никогда.

- Ты ждешь, что я войду в дом, ты меня разжалобишь, приласкаешь и я войду к тебе? Что я возьму на себя отцовство над ребенком от другого, которого ты носишь под сердцем? Над этим мамзером, ублюдком? – сквозь зубы прорычал вслед жене-красавице, которую со страшной болью вырывал в этот миг из сердца своего.

Вернее, пытался вырвать.

Давид пригласил его сесть и отведать вина, расспрашивал в подробностях о делах на фронте, угощал вкусными блюдами. Вспоминали они и бывшие боевые дни свои.

- Рад был видеть тебя, - сказал Давид, наконец, завершая этими словами трапезу, - теперь ступай к своей красавице-жене. Ты соскучился по ней, верно?

И тогда Урия прямо заявил царю, бывшем другу своему:

- Я все знаю. Я не хочу видеть ее. Я не войду больше в дом свой. Отправь меня на битву, мне нечего делать в столице.

- Урия, иди к жене. Иди – и ляг с ней, и войди к ней. И пусть родится у тебя сын, наследник. У вас все не было детей, ты так хотел этого ...

- Давид, Давид, я тебя знал как честного и мужественного человека. Ты храбро сражался с врагами своего народа и со своими личными врагами. Но сейчас ты нечестен, царь. Не один человек рассказал мне о твоём нарушении заповеди Творца. Ты предатель, Давид.

- Как смеешь ты говорить с царем таким образом?!

- Разреши мне уйти.

- Иди домой, к Бат-Шеве. Она ждет тебя. Она соскучилась.

- Ах, Давид. Не будь ты царем, надеждой народа ...

Ночь застала Урию у ворот его дома. Он лег на землю – и уснул.

Люди видели это, качали головами. К нему подходили некоторые. Удивлялись, почему так ведет себя. Он отвечал всем одно:

- Не дело лежать с женой и наслаждаться, когда твои товарищи сражаются с врагом, проливая кровь и отдавая жизнь свою. Завтра же двинусь на поле боя.

И он снова отбыл на фронт.

А Давид, соскучившийся по ласкам прелестной Бат-Шевы, снова послал за ней. И она пришла, и предались они ласкам необузданно.

И дал царь приказ военачальнику Иоаву. Приказ подлый. Приказ бесчеловечный. Велел он послать Урию в гущу боя и оставить его одного, чтобы погиб он в том бою.

Так и случилось. Врезался воин в гущу врагов, сокрушая их. И тут Иоав приказал всем, кто рядом, отступить. Удивились воины, но не ослушались, отступили.

Окружили враги героя, смертельный удар нанесли ему сзади. И погиб Урия со словами:

- И здесь – в спину.

Узнав об этом, Давид взмолился к Вс-вышнему:

- Прости меня, Элокейну, Царь Вселенной! Согрешил я ужасно! Но любовь, только любовь к Бат-Шеве толкнула меня к этому. Любовь такая сильная, что не смог я от нее отказаться. Прости, Милостивый! Ты знаешь, я служил верой и правдою Тебе и народу Твоему. Я создал псалмы во имя веры Твоей. Я возглавлял войско. Я строил укрепления и развивал хозяйство. Неужели все это не перевесит моего греха?

- Двух грехов, Давид! – послышался голос пророка.

Натан опирался на посох. Тело его прикрыто было бедной одеждой. Но гордость и сила чувствовались в человеке, связанном с Б-гом.

- Двух грехов, - повторил пророк. – Да все твои добрые дела не перевесят и одного из двух этих грехов.

- Я уважаю тебя, пророк, но сейчас не до тебя. Приходи как-нибудь в другой раз.

- Ты гонишь меня, всесильный царь? Хорошо, я уйду. Но совесть твоя должна проснуться. Она слишком долго и слишком крепко спит.

Натан удалился с достоинством, которого не было в тот миг у грешного царя, у Давида.

А ночью снова увидел царь себя в бесконечном пространстве, и снова был перед ним дивный серебристо-голубоватый световой столб. И знал Давид, что в этой оси Вселенной существует Вс-вышний. И

услышал он его голос, подобный грому.

- Не сумел ты выбрать праведный путь, Давид. Да, твои военные и мирные заслуги велики. И твои псалмы прекрасны, их поют иудеи и будут петь люди разных верований, на разных языках. Тебя не случайно зовут «сладкогласным». Твой голос крепит веру. Но ты совершил двойной грех, нарушил две заповеди: «не убий» и «не прелюбодействуй». Поэтому в жизни твоей будет еще много страданий.

- Я готов понести любое наказание, мой милостивый Господин.

- И храм, который ты мечтаешь построить, сын твой построит.

Ты только подготовишь все для этого.

Стал расширяться столб серебристого света.

Все шире он, все ярче.

Царь открыл глаза.

Было позднее утро.

За окнами злорадно кричали нахальные вороны.

Это его рассердило и встревожило.

Он закусил губу до крови.

- Срок траура прошел, - сказал себе Давид через тридцать дней после смерти Урии, о причине которой знали только он сам и Иоав, - я соскучился по Бат-Шеве. Я хочу взять ее в жены.

И он послал за ней, и пришла она печальная, ибо уважала Урию, жалела, благодарна была за его доброе и нежное отношение к себе. Думала, что погиб он случайно.

- Хочешь за меня замуж? – спросил Давид.

- Хочу, - ответила она, ибо во чреве ее было дитя Давидово.

На свадьбу Натан опоздал. Он, узнав о предстоящем празднестве, сильно спешил, но не успел предотвратить нежелательное событие.

- Ты выступил против Царя Вселенной! – закричал он с порога, не обращая внимания на собравшихся гостей. – Ты не имел права жениться на ней! Великие муки и печали ждут тебя! Не отступит меч от дома твоего! И даже один из сыновей твоих на тебя поднимется, когда состаришься.

- Не посмеет никто, - воскликнул Давид грозно.

- Доживи до старости и слабости – и придет это. А сейчас дитя

греха, зачатое Бат-Шевой в измене покойному мужу ее, умрет ...

- Нет, только не это! – вскричал Давид, бледнея.

- А ты, правнук Боаза и моавитянки Рут, подумал ли ты, что из-за твоего греха будет с твоим потомством? А с нашим народом? Ты знаешь о грядущих двух разрушениях Храма, который построит твой сын? О грядущем рассеянии евреев? Об издевательствах и жутких казнях? О массовых убийствах потомков наших только за то, что они евреи по рождению?

- Н-нет, такого быть не может ...

Пророк вздохнул.

Как бы смягчился.

- Получишь ты по делам твоим. За прегрешения – я уже сказал. Но раз уж ты женился по великой любви, то зачнет Бат-Шева нового сына, законного. Будет он смелым и мудрым. Он станет великим царем. Это награда Свыше вам, его родителям, за великую любовь вашу.

- О мудрый Натан ...

- Что свершилось – то свершилось, устоять перед такой красавицей непросто, - улыбнулся пророк. - Да и не только из-за тебя страдать будут евреи. Будут и другие ошибки и прегрешения. Ну, что стоишь? Вели подать вина пророку! Я же на свадьбу пришел.

- Без подарка пришел пророк, - попытался пошутить все еще бледный Давид.

- Подарка ждешь? От нищего пророка? Что ж, получай: я буду воспитывать того прекрасного сына от Бат-Шевы и постараюсь воспитать так, чтобы он не повторил твоих ошибок. Чтобы мудрым назвал его народ. Царем Соломоном Мудрым. Согласен? Лэхаим!

25 декабря 2011 года.

НЕЖДАННАЯ СТРАСТЬ

Станным казалось, что этот гигант, напоминающий не то голландского, не то шотландского шкипера, говорит не басом, а высоким баритоном, почти тенором.

- Как многие мужчины, - продолжал он, - я подвергался атакам со стороны женщин. Так было и до моей женитьбы, так продолжается и сейчас. Подчас я и сам атакую, но жалел позднее о том.

Один случай запомнился надолго, о нем я и поведаю вам.

Это произошло несколько лет назад. Я оказался в Москве на курсах. Думаю, вряд ли вам интересно, какова моя профессия и что это за курсы. Они были для меня полезны, так как я готовил докторскую диссертацию по важной научно-технической проблеме, а занятия вели весьма серьезные ученые и инженеры-практики, которые касались и моей проблемы.

Они возбуждали мой разум, подталкивали к решению трудных вопросов.

На занятия ходили также и преподаватели специальных учебных заведений, не имевшие ученых званий. Мы к ним относились довольно снисходительно, хотя некоторые из них поражали не только невоспитанностью, но и умственным убожеством. Были, конечно, и весьма толковые специалисты. Но их оказалось меньше.

В столовой, которая нас обслуживала, мне приглянулась молоденькая повариха, я ей тоже понравился. После нескольких заигрываний в столовой я пригласил ее в общежитие. Оно в том же здании, что и аудитории, и лаборатории, и различные кабинеты курсов.

Не стану скромничать, природа меня одарила, как видите, физически, и, смею уверить, духовно - тоже. Естественно, в моем питании проблем не стало, а вечерами юная повариха приходила ко мне и одаривала своими ласками.

Напарник по комнате нашел шикарную генеральшу-вдову, у которой проводил вечера и ночи, не мешая ни моей работе, ни личной жизни.

Все бы было прекрасно, если бы мое внимание не привлекла вдруг молодая, стройная женщина с высокой грудью и трепетными губами. Она была из группы преподавателей. Как-то на общей лекции я сел рядом с ней. Попытки мои начать далеко нацеленную беседу она упорно обращала на одну и ту же сентиментальную стезю:

- Ах, у меня такие чудные дети! Ах, меня так любит мой замечательный муж!

Вытаскивала семейные фотографии и любовалась ими. Я больше к ней не подсаживался: она показалась мне недалекой мещанкой и ханжой.

С красавицей рядом сидел худосочный ухажорчик, из той же группы. Он пожирал ее глазами, но видно было, что она равнодушна

к нему как к мужчине, хотя и не гонит его от себя.

Встретил я их как-то в Третьяковской галерее. Ее щедедушный гид распинаялся перед ней у картины Иванова «Явление Христа народу», а она глядела то на картину, то на публику, явно не слушала и даже не делала вид, что ей интересно.

Потом они разошлись по разным залам, я догнал красавицу и обратился к ней, как к старой знакомой. Она обрадовалась. Я отпускал остроты по поводу музейных экспонатов и их хранителей, она с трудом сдерживала смех.

Я старался не быть назойливым. Так как понял, что штурмом ее не взять. Надо приручать!

Через несколько дней я купил два билета в кино и пригласил женщину. Она отказывалась, но я заявил, что это ее абсолютно ни к чему не обязывает. И она, подумав, согласилась.

Фильм был довольно пошлый, но эротики хватало. И в один из моментов я как бы нечаянно взял ее руку. Она не возражала. Тогда я поднес ее кисть к своим губам и поцеловал. Лида (так звали ее) тут же выдернула руку и попросила шепотом:

- Не заставляйте меня думать о вас плохо.

Я решил временно отступить, не повторял попытки. А на следующий день ее не было на лекциях. И еще три дня я не видел ее. Наконец, она появилась. Бледная, осунувшаяся, даже словно и не такая аккуратная, как обычно.

Я подсел в перерыве между лекциями. Участливо спросил, не заболела ли. Она ответила с неожиданной откровенностью:

- Я не предупредила о приезде и застала своего мужа с любовницей. Дочек он отправил к бабушке, к своей маме, а сам изменял мне.

- Отлично, - подумал я весело, - в обороне крепости изнутри пробита брешь. Осада больше не нужна. Штурм! И - победа!

- Вы подлый негодяй, - прорыдал Сутулый мужчинчик. - Чужому несчастью обрадовались.

- Это неверно. Не я, так другой сделал бы то же. Возможно, и худосочный ухажорчик. Дело было в ней самой. Она, как и многие другие женщины, на уровне подсознания была готова *изменой отомстить* своему изменнику-мужу.

За измену либо убивают, либо действуют по принципу «око за око, зуб за зуб», то есть измена за измену. А то и целая челюсть за один зубик, целый букет измен – за одну измену.

Правда, есть и прощающие. По разным причинам.

Не буду вас утомлять подробностями, скажу только, что уже через день она пришла ко мне и после второго стакана доброго крепленого вина избавилась от стыда и страха.

В постели оказалась сначала стыдливой и как бы окаменелой. Но я был с ней нежен, заботлив, шептал черт знает что на ухо и лишь потом дал волю своему темпераменту.

Она была в восторге. Впрочем, еще ни одна из моих женщин не была разочарована. Надеюсь, так будет еще долго. Я пошел в своих предков, богатырей и бабников.

Иногда даже страшно бывает оттого, что нет мне ни от одной женщины отказа и не бывает после сближения ни малейшей рекламации.

Повариха как-то застала меня с Лидой и хотела вцепиться ей в волосы, но я вывел ее в коридор, что-то наврал в оправдание, пообещал ей хороший подарок, и она, подмигнув, удалилась.

Лида же за повариху закатила мне сцену ревности. Это расстроило: я не люблю скандалов.

Она теперь не стеснялась: приходила ко мне, как домой, делилась с дамами об интимном, и эти восторженные отзывы доходили потом до меня самого. Рассказывая обо мне, называла не Глебом, а Глебушкой, миленочком. Хорош миленочек в девяносто шесть килограммов!

Через пару недель меня эта связь начала тяготить, Лида же, наоборот, все сильнее ко мне привязывалась, становилась все более жаркой и изощренной в ласках.

- С мужем я никогда не испытывала ничего похожего! Только сейчас я почувствовала себя женщиной! - восторгалась она. - Ах, всегда бы быть с тобой! Как я буду, когда все кончится?!

Я обеспокоился: у меня семья, отличная работа, кафедра в институте, я без пяти минут доктор наук, мои дети обожают меня, моя умная жена примирилась с недостатками моими. И вот эта деревенщина прилипла, как банный лист!

- Вы циник! - снова вякнул-прорыдал Сутулый мужинчик.

- Да не мешай ты, мудака! – тоже рявкнул осатанело Карась.

Его поддержали. Мужинчик еще более ссутулился и умолк. Как будто умер.

- Страсть Лидии стала предметом сплетен. Меня осуждали - и оправдывали, обвиняли - и превозносили. Ее - тоже. Она потеряла

контроль над собой: пожирала меня взором на лекциях, ласкала прилюдно. Правила в общежитии, надо сказать, были гуманные, не то бы меня просто выгнали оттуда.

И вот однажды Лидия говорит мне:

- Глебушка, милый, не смогу жить без тебя. Мне не нужен никто: ни муж постылый, ни дети, ни мать родная. Только ты, счастье мое. А ты женат, у тебя дети, как и у меня, да еще внук маленький. Неужто бросишь меня, как других бросал? Я все знаю про тебя! Если бросишь, одно останется: наложить руки на себя. Так и знай!

Мне стало совсем не по себе. Думал, нормальная женщина, будет что вспомнить обоим. И на тебе! Наложит руки на себя!

Я в это время обнаружил милую даму, конструктора и кандидата наук, с царственной грудью и русалочьими глазами. Она до поры до времени как бы пряталась. Одевалась мешковато. А тут пришла на лекцию модная, вся обтянутая одеждой. И обтянуть было что, доложу я вам!

Как только мы с ней глазами встретились, потянуло меня к ней с силой сумасшедшей. И ее, видно, ко мне повлекло, потому что она пошла на сближение, как пират на абордаж.

Я проводил прекрасную русалку домой. Предложила войти, познакомила с мужем, мелким толстячком. Я понял, что несчастный у нее под каблуком. Но не жалеть же его! Кто он мне?!

Она послала супруга в магазин за вином: гость ведь в доме. Заодно дала список покупок, довольно длинный. И велела возвращаться со всеми продуктами поскорее, хотя и ребенку было бы ясно, что это невозможно при таком списке.

Раб явно не хотел уходить, но пошел. Мы же времени не теряли. И как раз успели до его прихода. Не знаю, заподозрил ли муж что-то. Скорее всего, да. Потому что мы были румяны, не отдышались еще, да и глаза еще не успокоились.

Выпили, закусили. Я сказал, что через неделю уезжаю, и бедный не удержался, вздохнул облегченно. Я с трудом подавил смех.

А когда я, наконец, вышел из подъезда, увидел Лидию. На ней лица не было. Я ожидал сцены. Но нет. Только спросила печально:

- Чем она лучше меня? Чем, скажи?!

А я от злости нахлынувшей возьми да и брось ей в лицо, не подумав о последствиях:

- Да просто захотелось свежатинки. Ты мне приелась, милая. Я уже устал от тебя. Извини.

- О-о, вот оно что! - простонала она и удалилась, словно пьяная.

Наутро стало известно, что Лидия ночью бросалась с Каменного моста, но на ее или на мое счастье вслед за нею прыгнул какой-то прохожий и спас ее.

При падении бедняжка получила довольно серьезные травмы и лежала в *Склифосовке*.

Я хотел было навестить ее, но, хорошо поразмыслив, решил не делать этого.

С русалкой до моего отъезда мы успели еще раз встретиться. Она оказалась не только смелой любовницей, но и умницей. Мы расстались дружески. Теперь, когда я приезжаю в Москву, то стараюсь с ней встретиться. Вот и все.

- Что же стало с той, с Лидией? - полюбопытствовал Карась.

- Честное слово, не интересовался. Надеюсь, жива и здорова. Иначе меня вызвал бы следователь. Еще тогда.

- Совесть не мучит? - прогремел Бас.

- Почему? Совесть должна мучить ее мужа: с него ведь началось. А ее, бедную, мне жаль. Если бы я знал, что она воспылет ко мне такой страстью, я даже близко не подошел бы к ней. Честное слово. Я хотел хорошего нам обоим.

Надолго придавила слушателей пауза. Каждый думал о своем, тревожном, а мужинчик с непонятной ненавистью смотрел на умолкшего рассказчика. Наконец, он встал и заговорил срывающимся, визжащим голосом:

- Она жива, вы правы. Она ради детей вернулась к мужу. Сейчас они простили друг друга и внешне живут мирно. Но нет уже между ними ничего светлого. Может быть, и держит-то их вместе ненависть, которую они скрывают от себя и от других и подавляют с утра до вечера.

- Вы не муж ее? - обеспокоился Борода.

- Если бы! Я бы ей ноги мыл и воду пил, как в народе говорят. Нет, я тот, кого она не захотела в юности и кого прогнала, когда с ней случилось *э т о*. Но именно я вытащил ее из воды! Да, я! Не узнали меня? Почему? Неужели я настолько изменился?

Да, это я, тот «худосочный ухажорчик», тот самый «тщедушный гид». Муж всегда знал, что я люблю Лиду, жалел меня. И понимал. А теперь я сам жалею их обоих.

Его ведь соблазнила из любопытства, ради счета, такая же бессовестная *чемпионка*, как вы! И ту чемпионку, и вас я убил бы. Но

зачем сидеть где-то в лагере, если ничто уже не поможет бедной Лиде?!

А так я рядом с Лидочкой, и если вдруг к ней, не дай Б-г, придет беда...

- Интересно, как дело поворачивается. - Карась потер руки и встал. - Да, мужики, мир тесен. Хорошо, что сам муж здесь не оказался.

Он захохотал истерически.

Смех его показался мне отвратительным.

- По теории вероятности, был один шанс из многих тысяч, а то и миллионов, на то, что последний рассказчик и друг той Лиды встретятся здесь, - сочувственно возразил Трехпалый. - Но этот микронный шанс - увы! - сработал.

—

2010?

ЛИХА БЕДА НАЧАЛО

Горе свалилось на семью Мойше Абрамовича: среднего сына, самого спо- собного, забирали в армию. Нет, если бы не война, то было бы не страшно за мальчика. Но война шла почти два года, Россия выбивалась из сил, и евреи, как всегда, были виноваты. Каково же будет ребенку там, среди озлобленных русских солдат?

Ах, сколько слез было пролито на тех проводах! И сам Лейбеле, Левушка, заливался слезами, что вовсе не к лицу будущему солдату.

Через три месяца, показавшихся ему тридцатью годами, был уже он на передовой. Его научили и приемам рукопашного боя, и меткой стрельбе, и даже парадному шагу. Он вообще оказался способным уче- ником: Лева быстрее всех в учебной роте разбирал и собирал затвор винтовки, он ловко действовал и штыком, и прикладом, даже под конец стал вполне сносно изъясняться по-русски.

Товарищи относились к нему хорошо, но подчас привычно говорили неприятное о евреях. Он к этому привык. А по ночам видел во сне маму, рассказывал о своей жизни, успокаивал. И вот парень стоит перед командиром боевого пехотного взвода, прапорщиком Устином Тарасовичем Бондарчуком.

- Еврейчик? - небрежно вопрошает взводный, кавалер трех солдатских георгиевских крестов - и офицерского, недавнего.

- Так точно, еврей, ваше благородие! - молодецки отвечает Лева.

Бондарчук сплевывает, закрывает на минуту свои ненавидящие глаза.

- Ладно. Попробуем тебя в деле.

Готовилось наступление, Лева прибыл в самое напряженное время подготовки. Вечером командир взвода обратился к солдатам, вызывая добровольцев идти в разведку. Сразу же нашлось несколько охотников. Прапорщик отобрал лишь троих, самых бывалых, сплюнул, прижмурился - и добавил:

- Еврейчик тоже пойдет.

Абрамович вздрогнул от неожиданно- сти, оглянулся. Но не было других евреев рядом.

- Да, да, - ласково пропел Бондарчук, - и ты, и ты, еврейчик. Старшим будет Аллилуев. Надо взять языка. Крепко надеюсь на вас, орлы.

Последней фразой он явно подражал командиру роты Мартынову, любимцу солдат, но это Лева понял позднее.

Ту ночь вспоминал новичок, как сон. Выбрались они из окопа и поползли к позициям австрийцев, оглушаемые переполохом, поднятым группами, отвлекающими внимание противника. Приблизились благополучно.

Занятый боевым делом, Лева не успел даже испугаться, как следует. И тут вдруг понял немецкую речь: она была похожа на идиш. Понял, что офицер, пыхтящий трубкой, - главный, что он упрекает другого офицера в чрезмерной осторожности. Перевел этот разговор шепотом Аллилуеву. Тот мгновенно сориентировался. Через некоторое время они свалили в свой окоп курильщика трубки.

После этого сибиряк Иван Аллилуев подружился с евреем Лейбом Абрамовичем. Дивизия успешно вела наступление, прапорщик несколько раз посылал в разведку добровольцев и неизменно певуче добавлял: - И еврейчик тоже пойдет.

Молодой солдат довольно скоро привык преодолевать страх: главное - быть занятым делом, крепко занятым, и верить в то, что все будет хорошо.

Но, как и прежде, он ловил на себе ненавидящий взгляд своего командира.

Сам его возненавидел, именно из ненависти к нему стал сам вызываться в разведку. В феврале 1917 года и Аллилуев, и Лейб Абрамович имели по два георгиевских креста.

2010?

НАСТАВЛЕНИЯ СЕТКИНА

- Я к товарищу Сеткину, - сказал Марлен дежурному милиционеру, преградившему путь.

Тот долго сравнивал фотографию на паспорте и лицо предъявителя, доложил по телефону - и вернул документ, козырнув.

- Третий этаж, по коридору направо, не доходя угла - и будет его кабинет.

На двери была табличка: «Сеткин И.И.» Марлен тихо постучал. Послышалось старческое покашливание и вслед:

- Да-да. Пожалуйста.

Он вошел. За столом сидел, возвышаясь в чудовищного вида кресле, как на троне, полный человек в роговых очках. Дыхание его было тяжелым, взгляд - печальным.

- Здравствуйте. Я Марлен Менделеев, вы меня пригласили.

Человек оживился, глаза за очками блеснули на миг - и погасли.

- Садись, Марик. Я тебя когда-то держал на коленях, подбрасывал высоко и ловил. А ты сильно вырос! Меня зовут Илья Израилевич.

- Я знаю.

- Я работал в Москве, но в связи с последними печальными событиями оказался на дальней периферии, как видишь. Помнишь меня?

- Извините, не помню.

- Да, ты был совсем малыш. Тяжелая миссия у меня, дружок. Я должен сообщить тебе, что отец твой скончался в лагере. Официальное извещение придет когда-нибудь. Хотел сказать об этом Анне, твоей маме, но она отсутствует. Сам ей скажешь. И постарайся - поосторожнее.

Холод, страшный холод вошел в грудь и охватил все тело, ставшее вдруг слабым и словно чужим. Марлен молчал, дрожа.

- Дать воды? - спросил Сеткин, тяжело поднявшись и открыв форточку, в которую обрадованно ворвался морозный пар.

- Что произошло? - Менделеев огромным усилием сдерживал подступающие рыдания.

- Инсульт. Паралич. Он недолго мучился.

- Будь прокляты те, кто оклеветал его. И те, которые довели до инсульта!

- Тяжкие времена пришли. Никто из нас, евреев, не знает, что будет завтра. Ты женился на *гойке*? Рано или поздно она тебе скажет, что ты *жид*. Неужели не было рядом еврейской девочки?

- Были. Возможно, если бы не хромота...

Марлен вспомнил, как его познакомили с милой еврейкой и как она сказала смущенно:

- Меня не предупредили о том, что вы хромаете...

- Марик, - доверительно положил большую ладонь на его руку Сеткин, - я не знаю, буду ли сидеть на этом *троне* завтра, буду ли вообще на свободе, а не в этом авторитетном учреждении, потому хочу дать тебе наставление. В память об отце твоём, моем друге Левочке. Он бы сказал то же самое, я уверен.

- Спасибо. Я выслушаю вас, но никакие наставления мне до сих пор еще не помогали.

- Первое - это о ценностях. *В жизни есть три ценности: здоровье, свобода и сила воли.* Все остальное – мишура, обман и прах. Но важнее всего для взрослого человека - *цель его*

жизни. Человек без цели - безвольное ничтожество, *червяк в сортире.* Поставь перед собой большую цель - и ты увидишь, как жизнь твоя обновится.

- У меня нет ни одной из трех ценностей, нет и большой цели в жизни. Следовательно, я... Отец был благородный, совершенно безвредный для власти человек, он жил наукой. И что же?!

- Я скорблю вместе с тобой. Но ты должен дослушать меня. *Три врага есть у человека: страх, зависть и уныние.* Ни в коем случае нельзя им поддаваться. Иначе станешь мелкой дрянью, преступником или жалким неудачником. Я могу показаться тебе старым дураком с моими наставлениями, Марик, но я прошу тебя подумать о том, что я сказал тебе, прошу запомнить это.

- Больше всего я боюсь попасть в лагерь. Я не из героев. Я даже во сне часто вижу себя в лагерной зоне. И жутких уголовников вижу...

- Чувство страха невозможно уничтожить, так уж мы, люди, человечки, созданы. Но с ним можно и нужно справиться, *ставя себе цель и действуя энергично.* Идя к той цели и презирая то, что страшит на пути. Но лезть на рожон в слепой ярости глупо. Надо решать холодной головой, когда следует идти навстречу опасности, пусть даже смертельной, а когда не грех и сбежать.

- Бежать? Это же трусость! Отец говорил, что мужчина не должен...

- Нет, мы знаем факты, когда бежали от опасности великие деятели, храбрые и мудрые, чтобы потом вернуться, разгромить врагов своих и войти в историю. Теперь о цели жизни. Здесь никто не даст тебе совета, но ты сам крепко задумайся. И тогда найдешь свою большую цель.

- Я хочу просто спокойно жить. Вот у вас, лично у вас, есть сейчас большая цель?

- Удар ниже пояса... Но отвечу. Всю свою сознательную жизнь я боролся *за справедливость,* хотел счастья для

трудового народа. Вступил в партию шестнадцатилетним, сражался на Пресне, был и в тюрьме, и на каторге, был комиссаром дивизии в Гражданскую войну. Я сын простого кузнеца, но окончил институт красной професс...

Сеткин вдруг побагровел, судорожно нащупал какую-то таблетку, сунул ее в рот - и замер, сделав слабый успокоительный жест рукой. Менделееву стало стыдно. Тут же зазвучал Голос в виске, загудел эхом в темени:

- Довел! Старрика! Эгоист! А он пррав! Он геррой! Мудрр! Учит дурака. Зрря старрается!

- Простите, Илья Израилевич, я не хотел.

- Ерунда. Теперь не менее важное: о женщинах. Как мужчина мужчине. Если женщина попробовала... ну ... член ...лучше твоего, то ты для нее - никто. Запомни и не допускай. Второе. Если она видит твою слабость перед ней, то сядет тебе на голову. Не позволяй. И третье. Если она не любит, то будет *придираться* к любой мелочи.

- А если любит?

- *Вытерпит почти все*. И пойдет за тобой на край света, как жены декабристов. И вообще в браке надо - даже любя - быть игроком в шахматы, а не в рулетку, тем более - не в поддавки.

- А если проигрываешь? Если жена тебя не любит? Или если она любит другого?

- Тогда просто нет смысла терпеть пытку под названием брак, сокращать себе жизнь. Или же стать добровольно рабом, найти в том радость.

- А если развод принесет сильную боль?

- Пусть. Пусть даже длится эта боль не день, не два, а год, два года. Но не мучиться же изо дня в день много лет, всю жизнь.

Сеткин посмотрел на часы.

- Эх, жаль, не пригласил тебя пораньше: сейчас мне надо идти *наверх*. Передай маме мое искреннее соболезнование. Поддержи ее. Прощай. Надеюсь, еще встретимся.

Это была их единственная встреча: через день Илья Израилевич Сеткин скончался от инфаркта после тягостного разговора со вторым секретарем обкома партии, его бывшим другом.

2010?

Миниатюры

СОБАЧОНКА

Был зимний вечер, на улице стемнело рано. Дождь прошел, шоссе почти просохло.

Еще не включились уличные фонари, и фары автомобилей сильно слепили глаза.

Собачонка размером с обычную кошку, с гладкой шоколадной шерстью, очень уж хотела перебежать дорогу и вернуться в родной двор.

Движение транспорта было необычайно плотным, и бедняжка металась по противоположному тротуару, храбрым тьяканьем не то угрожая водителям машин, не то призывая их опомниться и остановиться. Наконец, не выдержала: побежала через дорогу.

Первый автомобиль как-то объехал ее, второй же, визжа тормозами, накрыл ее и резко остановился. Водитель положил голову на руль. К счастью, он не задавил собачку, продолжавшую призывно лаять, все еще требуя дать ей добежать до родного двора, который она так неосмотрительно покинула в час пик.

Водитель, подъехавший третьим, резко затормозил перед самой мордочкой виновницы растущей дорожной пробки. Он вышел из машины, не обращая внимания на сигналы остановившихся за ним, поднял четвероногого пешехода на руки и перенес на противоположную сторону дороги.

Спасенная резво вбежала в калитку, не оглядываясь на водителя.

Вспыхнули фонари. И все увидели, что человек, спасший собачонку, чуть заметно приулыбнулся. И стало видно, что лицо этого высокого, сильного еврея красиво, а черты его - благородны. Он сел в автомобиль, где ждала его, улыбаясь, такая же красивая юная жена.

Заулыбались люди, устало спешившие домой после напряженного трудового дня и сердито выскочившие было из автомобилей: они и умом поняли, и душою приняли высокий смысл неожиданной задержки.

Пробка рассасывалась. Остановившиеся на тротуаре прохожие продолжили свой путь. Они тоже улыбались.

2011.

ЛИСТИК

Перед домом простиралась степь.

Весной, когда стало тепло, человек посадил на балконе цветы. Слабые стебельки рассады с трудом приживались на новом месте, но постепенно они окрепли.

И вдруг из степи примчался злой ветер. Он принес тучи, холод и снег.

Человек успел привязать стебли к воткнутым в землю палочкам и загородить рассаду от ветра куском фанеры. Напрасно: ветер кружил, вихрился — и губил зелень.

Только самый большой и сильный листик никак не сдавался. Он остался на стебле один.

Ветер выл, морозил и хлестал его мокрым снегом. Под этими порывами листик трепетал, края его стали увядать, но он все еще держался...

Ветер утомился — и затих.

Растаяли тучи, и солнце одарило землю ласковым теплом. Человек заменил погибшую рассаду новой.

Лишь один стебелек он не решился тронуть: там еще боролся за жизнь израненный листик. Края его увяли, но он дышал — и жил стебель, и жили корни.

И новые листики, крохотные и нежные, появились около

погибающего. Они торопились, они росли быстро...

Как-то летним вечером человек вышел на балкон полить свои прекрасные цветы. Он залюбовался ими.

Особенно радовал нежным запахом цветущий куст душистого табака. Посмотрел человек на другие балконы — и равного этому кусту не увидел.

И вдруг вспомнил, что именно здесь был когда-то мужественный листик.

Но не сразу, с трудом, нашел он под пышной листвой и цветами щрам на могучем стебле.

2011?

ГЛАЗА ЛЮБВИ

Она бежала к трамвайной остановке.

Она опаздывала на государственный экзамен.

Красивая, стройная. Казалось, вот-вот она взлетит, потому что невидимые крылья есть у нее.

И вдруг...

Крик отчаяния не успел вырваться из уст несчастной. Она запнулась - и руки ее, прекрасные руки ее, оказались отделенными от ее дивного, такого совершенного тела.

Трамвай, который рванулся с места, по жестокой прихоти судьбы не смог остановиться вовремя.

Государственный экзамен комиссия принимала прямо у больничной койки. Девушка сдала его прекрасно - так же, как и все предыдущие экзамены за все годы: она была не только красива, но и талантлива, профессора пророчили ей большое будущее как врачу.

Но после случившегося все переменялось для бедняжки.

Он любил ее. Всей силой мужественного сердца, страстной и гордой натуры. Один из тех, о ком говорят, что им страх неведом, что скорее реки потекут вспять и камень оживет, чем дрогнет герой.

Узнав о случившемся, офицер, ее жених, не мог даже слова вымолвить. Но, увидев подругу, сжал свое горе, спрятал - и стал утешать ее осипшим голосом.

Клялся в том, что всегда будет с ней. Всегда, до самой

смерти.

Только выйдя из палаты, он смахнул с лица улыбку и прошел мимо других скорым шагом, а затем, покинув больницу, остановился под деревом и уже не мог сдерживаться. Он рыдал - и страшными были его рыдания...

Недавно была их «золотая свадьба» - шумная, веселая, и самой веселой на празднике была жена. Она вообще веселая женщина. Во всяком случае, такой ее знают все. У них нет детей: так они решили полвека назад. Он заботливо и преданно обслуживает ее, безрукую, с момента ее пробуждения и до самой ночи.

Женщина уже давно не та: она стала толстой старухой, у которой растут черные усы. Голос ее огрубел, осип, утратил былой обаятельный тембр. Она передвигается медленно, с одышкой.

А он все так же влюблен и нежен.

Он видит в ней все ту же девушку: прекрасную, гордую, стройную ... опаздывающую на последний государственный экзамен ... после бессонной бурной ночи... ночи, проведенной с ним, с возлюбленным...

2010?

Фантастика

ПАДШИЙ АНГЕЛ

Межгалактический корабль с планеты Угойа терпел бедствие в ста тысячах километров от Солнечной системы.

Эйлли, посмотри, есть ли куда высадиться, - обратился командир ко второму члену экипажа (их осталось только двое за время полета).

Юный пилот обратился к компьютеру.

- Командир, в системе этой звезды, которая состоит в основном из водорода (около семидесяти трех процентов) и гелия (около четверти массы), есть планета, населенная органическими существами. Планета – третья от звезды. Мы можем попытаться сесть на нее. Атмосфера по составу сходна с нашей.

- Корабль не успеет. Придется послать челнок, - хмуро возразил командир.

- Но там только одно место.

- Да. И ты его займешь, мой юный друг Эйлли. Мне придется уйти в Вечность. Куда уходят наши товарищи.

Челнок после облета Земли приземлился в лесочке около Нижнего Новгорода. Эйлли проверил состав воздуха: да, он был близок к составу атмосферы его родной планеты. Это обрадовало космонавта. Он вышел из челнока, взлетел, используя гравитационное и магнитное поля планеты. Так был устроен его организм: угойане могут летать.

Отлетев подальше, он послал сигнал самоуничтожения челноку, который уже был непригоден. Челнок сгорел, превратившись в холмик пыли. Загорелся и лесок. Пожарные начали тушить возгорание и искать причину.

- Что ж, поищем крупный город, - сказал сам себе угойанин и ускорил свой полет, взяв курс на восток.

Этот день Виталий Викентьевич Серов, как и любое воскресенье, проводил на даче. Он любил возиться с растениями на своем участке в шесть соток, любил менять элементы интерьера в двухэтажном доме с подземным гаражом. С тех пор, как он развелся с женой и переселился из большой квартиры в центре города в однокомнатную – на окраине, он часто приезжал ночевать сюда на своем «Пежо».

Внезапно сорокалетний хирург, работавший не только в больницах страны, но и в горячих точках, почувал тревожную неожиданность. Он огляделся, поднял голову – и увидел ...

- Нет, этого быть не может, - пробормотал он. – Это сон, наверно.

Это был не сон: человек в серебристом комбинезоне, летевший по небу, встретившись с ним взглядом, улыбнулся и приземлился.

- Здравствуйте, летающий ангел, - сказал Серов.

- Здравствуйте. Извините меня за вторжение.

Незнакомец говорил по-русски с едва заметным акцентом.

- Судя по акценту, вы не русский.

- Да, я не русский, более того – я не землянин. Угойане обладают мозгом, который способен мгновенно отсканировать при первом общении мозг собеседника и овладеть всеми его знаниями, в том числе и его языком.

Да, существо, стоящее перед Серовым, было, как и все угойане, прекрасно внешне, было способно летать, но было еще одно отличие от землян - оно было бесполое.

Тем более не мог представить себе земной человек среднего возраста угойанина – миллион земных лет.

Угостив гостя, который был очень осторожен в приеме пищи, Виталий Викентьевич был потрясен его рассказом. Он не верил в существование инопланетян – и вот перед ним сидит за столом самый настоящий инопланетянин из другой Галактики.

- Вы бесполое? – ужаснулся хирург. – Как же вы размножаетесь?

- Угойане поддерживают постоянное число разумных существ

клонированием - только в случае гибели одного или нескольких из нас клонируется кто-то из родственников.

- Вы прекрасны, как ангел! Нет, вы даже красивее! Но на нашей планете надо быть либо мужчиной, либо женщиной. Иначе к вам будут плохо относиться остальные земляне.

- Вообще-то я не теряю надежды на прибытие спасательного корабля. Но если это не произойдет, я хотел бы стать таким же мужчиной, как вы.

- А почему бы вам не стать женщиной? – выиграло воображение землянина. – Мы с вами составили бы семью.

- Семейку? Ячейку общества?

- Да. Я готов до самой моей смерти быть вашим другом и защитником на нашей не простой планете.

- Я, конечно, вам благодарен, но у меня еще не исчезла надежда на помощь моих коллег. Возможно, это случится не скоро, но это должно случиться.

- Никто за вами не придет! Ваш корабль погиб, вы не можете послать сигнал своим о том, что остались в живых. Вы отныне – землянин. Поэтому вам надо приобрести вид либо мужчины, либо женщины. При вашей нежной красоте вы не можете быть мужчиной. Это факт.

- Спасибо. Но я предпочитаю не торопиться.

- Хорошо. Я понял. Не волнуйтесь.

- Базиль, есть дело, - сказал Серов коллеге и другу Костенко. – Надо сделать операцию инопланетянину.

- Инопланетянину? Я не ослышался?

- Нет. Ты не ослышался. Это в самом деле существо с другой планеты, даже из другой Галактики. Оно бесполое. И я хочу сделать его женщиной – и жениться. С твоей помощью.

- Не выйдет. Зарежем. Там в теле все другое, наверно.

- Выйдет. Пересадим яичники и прочее, дадим гормоны соответствующие, грудь приспособим ...

- Доктор Серов, ты понимаешь, что обязан известить соответствующие инстанции о наличии инопланетянина?

- Доктор Костенко, ты мне друг или нет?

- Хочешь намотать срок себе и мне заодно?

- Если будем делать все правильно, не намотаем срок. Я

разработал план в деталях.

- А документы?

- Все предусмотрено, Базиль. Нам помогут. Мои бывшие пациенты, которых спас от гибели.

- Уголовники?

- Без разницы.

Операция прошла успешно. Серов использовал половые органы только что погибшей в автокатастрофе молодой женщины. Грудь была взята от другого трупа. Начата была гормонотерапия. Пациента (точнее, пациентку) не приводили в сознание. Рано было еще. Анестезиолог и другие врачи-хирурги были введены в заблуждение: им сказали, что по просьбе семьи эта операция проводится, а фальшивые документы как будто не вызвали подозрений.

Базиль Семенович также был потрясен красотой пациентки - и влюбился в эту красоту. У Серова появился соперник, который был моложе.

Остальные врачи были женщины, но и они были очарованы внешностью угойанина.

Эйлли открыл глаза.

Голова кружилась, предметы имели не совсем ясные очертания. Обстановка показывала, что он находится в какой-то больнице.

- Почему я здесь? – спросил он молодую женщину в белом халате.

- Была операция, вас долго держали под наркозом. Но сейчас уже все в порядке. И я думаю, что вас переведут из реанимации в обычную палату.

- Что за операция была?

- Как, вы забыли? Мы исполнили ваше желание и желание вашей родни. Вы теперь нормальная женщина.

- Что-о? Меня сделали женщиной?

- Ну да, как хотели вы и ваши родители.

В этот момент вошел Серов. Он понял, что надо срочно вмешаться.

- Здравствуй, дорогая Эля! – сказал он ласково бедному инопланетянину, ставшему женщиной-человеком.

- Я не Эля. Я Эйлли.

- Анастасия, оставь меня наедине с пациенткой на полчаса, -

попросил встревоженный Виталий Викентьевич. – Я ей все объясню. Поскольку мы давно знакомы, мне удастся.

- Я как врач-реаниматолог, не должна ...

- Анастасия, будь другом, погуляй полчаса. Под мою полную ответственность.

- Хорошо, но я все равно доложу...

- Иди-иди.

- Дорогой Эйлли! Вернее, дорогая Эля, любимая моя, жена моя, - нежно проворковал Серов.

- Мерзкий Серов! Вы поступили подло, вы ... вы ...

- Не надо волноваться, все будет хорошо, еще неделька, а то и меньше, и мы будем, наконец, вместе. Я дам тебе счастье.

- Почему, землянин, ты совершил это преступление? Почему не спросил моего согласия? Я тебе говорил, что хочу подождать спасателей с моей планеты! Ты мое тело непоправимо изуродовал, за это на нашей планете Угойа положена смертная казнь. Думаю, что и у вас – тоже.

- Да, это так. Но я полюбил тебя с такой силой, что мне все равно не жить без тебя. Без твоей ласки.

- Какой еще ласки?

- Эля, ты уже не Эйлли. Ты обычная земная женщина. Только очень, очень красивая. И мы поженимся с тобой и будем счастливы. Я окружу тебя заботой, ты будешь красиво одеваться, посещать дорогие курорты ...

- Ты сумасшедший, Серов! Я не хочу! Ты поставил в опасность всю свою планету. Мои коллеги отомстят за мое поругание! Наша цивилизация овладела всеми возможными видами энергии – и уничтожить твою планету – для нас не проблема. Ты ласки хочешь, подлый хирург? Да я тебя ненавижу! И всех, кто тебе помогал в операции! И всех землян! Ты сумасшедший врач, уголовный преступник!

- Все страстно влюбленные – сумасшедшие. Это я тебе говорю, как врач. Но мы будем счастливы, клянусь!

- Виталий, нам нужно серьезно поговорить, - угрюмо вымолвил Базиль Семенович Костенко, встретив вышедшего из реанимационного отделения друга.

- Давай, - согласился все еще изрядно обеспокоенный Серов.

- Виталий, я полюбил инопланетянина ... теперь уже – инопланетянку ... страстно ... безумно! И хочу на ней жениться! Ты – гений медицины, но ты стар для нее. А я молод.

- Скорее Волга потечет вспять и рухнут горы Кавказа, чем я отдам тебе мою красавицу Элю.

- Она не Эля, она Мария. Так я назвал ее. И Волгу можно повернуть, и горы Кавказа могут рухнуть от сильного землетрясения, а моя любовь к Марии жива, пока жив я сам.

- Значит, тебе придется уйти из жизни. Я не собираюсь отдавать мою любимую Элю предателю.

- Я не предатель, я твой соперник. Я не виноват в том, что полюбил Марию. Вот что, Виталий, пусть она выберет сама. Слово чести, если она выберет тебя, я уйду с дороги.

- Никаких выборов! Она моя. Она пришла ко мне. Я ее сделал женщиной. И я первый ее полюбил.

- К вам срочно рвется майор Громов.

- Пусть войдет.

В кабинет генерала Щечилина вошел худощавый невысокий человек в сером костюме. Его лицо выражало не привычное для офицера контрразведки волнение.

- Ну, что случилось, Громов? Только покорооче, у меня куча дел накопилась сегодня.

- Инопланетянин. У нас инопланетянин.

- Повтори-ка.

- В одной из больниц находится инопланетянин. Ему провели операцию по изменению пола. Информация точная.

Густой мат вырвался из уст генерал-майора. Лицо побагровело. Взмокла лысина. Он грузно поднялся – и снова сел, как подкошенный.

- Кто разрешил эту ё ... операцию? Ты понимаешь, что произошло?

- Так точно. Понимаю. Наш осведомитель сразу же доложил нам, как только узнал. Но опоздал.

- Группу захвата! Сейчас же! Всех брать живыми! Особенно инопланетянина. Головой отвечаешь, Громов! И чтоб никто ничего не узнал прежде времени.

- А президент?

- Сам доложу. Подставлю, как говорится, свою голову.

Эйлли был в шоке. Земляне оказались мерзкими бандитами, его превратили в иное существо без его согласия. Теперь осталось только надеяться на прибытие корабля с родной планеты. Друзья вернут ему его облик и структуру. А пока что нужно улететь от этих негодяев. Эйлли-Эля-Мария встала с койки.

- Вам еще нельзя вставать, еще рано, - встревожилась реаниматолог Анастасия Федоровна Чистякова.

- Мне теперь все можно, подлый доктор. И первое, что я сделаю, это ... В общем, прощай. Я улетаю.

- Как?

- Очень просто. Через окно. В отличие от вас, подлых землян, мы летаем. Так уж мы устроены. Прощай, подлая врачиха.

- Вы разобьетесь, у вас бред, очевидно. Без крыльев не летает ни одно животное. Мы на шестом этаже. Вы погибнете. Не пущу.

Угойанин оттолкнул врача, открыл окно – и выбросился наружу ...

Группа захвата прибыла к больнице в тот момент, когда несчастный Эйлли падал из окна. Один из чекистов остался на месте, остальные бросились внутрь здания.

Первыми схватили Серова и Костенко, немилосердно тузивших друг друга. Затем – Чистякову. Далее все шло по плану.

Схваченные врачи понимали, что их медицинская карьера завершилась.

- Кто из вас выбросил инопланетянина из окна реанимационной? – спросил Громов.

- Он сам выбросился при мне, - отозвалась Анастасия. – Она кричала, что улетит.

- Она летает, это правда, - вымолвил Серов. – У них такая структура тела, что ...

- Это вы, Серов, своей преступной операцией лишили инопланетянина способности летать, - прорычал Громов. – Вы могли бы вернуть его к жизни? Если еще не поздно ...

Операция длилась уже девятый час. Эйлли не подавал признаков жизни. Стало ясно, что угойанина не спасти. Врачи исчерпали все свои возможности.

- Надо заморозить это тело, - сказала Анастасия. – Его можно

будет вернуть к жизни позднее.

- После нас? – горько прореагировал Серов.

Над планетой Земля на высоте сто сорок километров завис спасательный космический корабль с планеты Угойа. На экране телевизора была отчетливо видна возня в больнице и около нее.

– Принимаю решение, - объявил командир корабля.

18 января 2016 года.

–

–

ВИРУС «КАРРЕС»

Сильвио стоял на уступе и смотрел вниз.

Вряд ли кто-нибудь узнал бы в этом густобородом седовласом человеке, прячущем глаза за огромными противосолнечными очками, того самого молодого ученого Сильвио Нигеллу, который когда-то вдруг стал одним из членов, а затем – лидером ультралевой террористической организации «Красная справедливость». Человека, безуспешно преследовавшегося спецслужбами многих стран, но считавшегося затем погибшим в далекой сельве Амазонки.

Сильвио мрачно смотрел вниз.

Густая жизнелюбивая зелень, радостные светло-черепичные крыши домиков. Хлопчущие фигурки людей во дворах. Шоссе, змеей ползущее вверх по горному склону. Жучки-автомобили, весело снующие по змее дороги. Приветливое солнце, озаряющее тихий альпийский городок.

Все это было ненавистно. Настолько же, насколько некогда любил он этот край, этот городок, домик с башенкой – и ту, что жила в этом домике. Ту, мысль о которой снова и снова заставляла болеть его сердце. Ариадну. Все это: и любовь, и идеалы юности – в прошлом.

А сейчас ...

Сейчас отсюда расползется по стране, по Европе, а затем – и по всей проклятой планете беспощадный непобедимый вирус. Каррес - его имя, что по-французски означает «ласка». Веселая суетня, столь ненавистная сердцу Сильвио, прекратится – и здесь, и на всей планете, все живое погибнет.

- Но прежде всего уйдут отвратительные двуногие существа, жадные до удовольствий, продажные и слабые по сути, - прошептал он. – Якобы разумные. Злобные, завистливые, жадные.

- Жадные, - слабо прошелестело горное эхо.

- Умрут и подлые мерзавцы-эксплуататоры, все время мешавшие мне осуществить спасение человечества, и жалкие рабы-труженики, трусливо отказавшиеся от Великой всемирной справедливой Красной революции.

- Революции, - тихо ответило эхо.

- Умрут и гангстеры, едва не убившие меня, громившие мои лаборатории, и полицейские, загнавшие меня в сельву. И солдаты, так и не пожелавшие повернуть оружие против тех, кто их посылает умирать за чужие интересы. Все умрут!

- Все умрут! – злорадно прошипело эхо.

- Все! Все! – закричал Нигелла яростно, надсадно, невероятно громко.

- Все! Все! Все! – ответило эхо многократно.

- Да! Все! – кричал ученый-террорист. – И служители культов, сами не верящие в то, что проповедуют, и их паства, доверчивые фанатики, которые едва не выдали меня властям радостно. И проститутки, одна из которых наградила меня сифилисом. Все умрут! Все!

- Все-е-э умру-ут! Все--э! – согласилось эхо.

- Только я, великий Сильвио Нигелла, останусь жив. Вирус одолеет вас за семнадцать дней. Этого не хватит ученым Земли, чтобы найти средство для победы над ним. Не хватит!

- Не хватит! – уверенно согласилось эхо.

Возможность спасения была у землян - фаг 666. Но он есть только у Сильвио. Фаг, который он создал параллельно с вирусом Каррес после тысяч экспериментов, работая днем и ночью. Глядя на городок, Сильвио яростно сжал челюсти и крикнул людям, криво усмехнувшись:

- Вы, жалкие! Даже найдя фаг, вы не успеете создать сыворотку: потребуются месяцы, а у вас будут только те самые семнадцать дней. Пришел час расплаты за зло, которое ненавистные людишки причинили мне, Сильвио Нигелле, благородному идеалисту и величайшему ученому.

Сильвио вспомнил свою молодость, своего учителя, выдающегося ученого-биолога Антонио Гиммельфарба, который был

ему так близок.

Они дружно жили и работали в этом домике с башенкой, что белеет там, внизу. И Антонио, и Сильвио, и вся семья Гиммельфарб. Ариадна, сестра Антонио, была не только талантлива и умна, она была красавица. Поэтому никто не удивился, когда она и Сильвио объявили о своей помолвке. И состоялась бы их свадьба, если бы не появление Максимилиана.

Они познакомились на симпозиуме. Нигелла был буквально освистан в ходе своего доклада о начатой им работе. Он спустился в ресторан, заказал коньяк и пил его молча. Пожилой человек в скромном сером костюме подсел к нему.

- Извините, Сильвио. Я слушал ваш доклад и восхищался. Мне симпатична идея симбиоза человека и искомого разумного вируса. Это благородно. Им, жалким людишкам официальной науки, слугам капитала, не понять и не принять вашей идеи. Но я оценил ее по достоинству.

- Вы верите в то, что мои эксперименты доказывают уже сегодня правильность пути начатого исследования?

- Конечно, я согласен с вами. Колония вируса, по вашей мысли, поведет себя в человеческом теле как дружественное существо, некий близнец - и сделает человека практически бессмертным. Вместо того, чтобы вознести хвалу, эти жалкие яйцеголовые высказали вам презрение!

Они подняли бокалы за светлое будущее человечества, и Максимилиан поразил молодого ученого, неопровержимо доказав ему гнусную сущность ученого люда, не желающего видеть общее благо, но цепляющегося за собственные теории и открытия, дающие им доход и славу, даже когда жизнь опровергает эти их теории.

- А суть всего зла в мире, друг мой, - это подлая и чудовищная власть меньшинства. Только первобытная община была подлинно справедлива, и надо построить нечто подобное, но на более высоком духовном и научно-техническом уровне.

И Сильвио, мечтавший быть благодетелем для людей, понял главное: порочное человечество надо либо исправить с помощью умного и доброго сверх-вируса, либо уничтожить этих двуногих иным сверх-вирусом. Третьего пути не дано. Он нашел соратников также и среди бойцов «Красной справедливости», став ее тайным солдатом. Но Ариадне Сильвио не рассказал ни о Максимилиане, ни о работе над созданием вируса-убийцы: не хотел ее волновать,

тревожить. Они вместе работали над созданием вируса-спасителя. Дело у них шло туго, вернее, совсем не шло.

И тут Максимилиан предложил Нигелле принять участие в террористическом акте.

Отказаться значило быть обвиненным в трусости, этого Сильвио не хотел. Но зная, что может погибнуть, он начал осторожный разговор с Ариадной. Она осмеяла новые политические идеи, отвергла предложение включиться в борьбу с несправедливостью мира путем террора, умоляла его оставить новых друзей.

Это был их последний разговор.

Сильвио уехал, и вскоре люди «Красной справедливости» взорвали здание Организации Объединенных Наций: они считали ООН главной защитницей эксплуататоров.

Мир был потрясен, а спецслужбы десятков крупных и мелких стран объединились для поиска и предания суду преступников. Бойцы «Красной справедливости» не сдавались, остатки организации бежали в сельву Южной Америки, где рассеялись. Их находили.

Много лет спустя Нигелла узнал о том, что через полтора года после его расставания с Гиммельфарбами эти ученые погибли в авиакатастрофе, когда летели в Женеву на симпозиум.

Ариадна, самая прекрасная из женщин проклятой планеты Земля, ушла в небытие, и это усилило его ненависть к людям.

- Вы, людишки, как и все живые твари, пожирающие друг друга, - отвратительны. Но я не садист. Мой вирус Каррес убивает нежно, быстро, безболезненно. Человек засыпает навсегда с улыбкой на устах. Потому и имя ему дано такое: Ласка, Каррес.

- Каре-ес! Каре-ес! – возликовало эхо.

- Вы уйдете из жизни счастливыми. И это будет данью моим прежним заблуждениям идеалиста-гуманиста. О если бы Ариадна была жива! Я бы всех вас пощадил ради нее!

Мысли о любимой женщине погрузили его сознание в то время, когда он был счастлив с подругой. Голова Сильвио склонилась. Его воспоминания внезапно были прерваны.

- О чем вы задумались, незнакомец? Какие светлые мечты витают в вашем романтическом сознании при виде этого прекрасного пейзажа? – послышался нежный и глубокий женский голос.

Сильвио тревожно оглянулся, сжимая в кармане пробирку с могущественным вирусом. Позади него на уступе стояла девушка.

Лицо ее повергло мизантропа в смущение.

Назвать это лицо прекрасным было бы очень мало. То было лицо ангела: нежное, гармоничное, с глазами, в которых сияла космическая сила Добра. Это была красота, которая раскрывается все ярче и сильнее по мере того, как в нее всматриваешься. Но не только этим ангельским лицом был он потрясен: лицо казалось знакомым, оно вызвало щемящее горько-сладкое ощущение в его сердце.

- Я часто прихожу сюда любоваться этим дивным ландшафтом, - продолжала девушка. - И мне понятен ваш восторг. Вы турист? Почему вы один?

Она явно не знала страха. Одна, вдали от городка, на горном уступе, перед незнакомцем.

- Кто вы, девушка? - спросил охрипшим голосом потрясенный Нигелла. - Почему ходите одна в этом страшном мире, где вас могут сбросить в пропасть или изнасиловать и зарезать?

У него еще было около получаса до акции. Ровно в полдень Каррес выйдет на волю: это - оптимальное время, под полуденными лучами он размножается с невероятной скоростью, усыпляя и поедая все живое. Все, живущее на суше.

Кроме животных, которым сделал прививку Сильвио. И которыми он будет питаться, вынимая из огромного холодильника в одной из стран Северной Африки. Там под землей расположена его последняя лаборатория, вход в которую знает один человек - он сам, великий Нигелла.

Лишь морская вода губельна для вируса.

Поэтому можно будет позже питаться и морской живностью. А пока он позабавится беседой с этой несчастной, которая превратится в труп очень скоро. Кто же она? Впрочем, все равно.

- Я не боюсь никого и ничего, - улыбнулась девушка, - потому что страх мешает человеку быть счастливым. То, что должно случиться, все равно случится. Верно? Я живу вон в том домике с башенкой. Видите? Левее церкви. Мы там живем вдвоем с бабулей. И еще с нами наш кот Геркулес.

- И давно вы там живете?

- Давно. Я там и родилась. Мама погибла в авиакатастрофе, когда мне было около года. Она мечтала создать ген абсолютной защиты от болезней. Лаборатория - в башенке. Когда бабуля меня выучит в нужной мере, я пойду туда работать. И найду то, что искала

моя семья.

- Бабуля выучит? Вы не ходите в школу?

- Нет. Бабуля - физик и в то же время она пианистка. И прекрасный кулинар. Она меня учит всему тому, что знает сама. Она тоже работала в лаборатории. Вся семья была вместе.

И тут он вспомнил. Да, да! Вспомнил!

- Вашу маму звали Ариадна? Ариадна Гиммельфарб? Верно?

- Да-а ...

- Я очень хорошо ее знал. Талантливый исследователь.

- Она любила одного ученого, ассистента моего дяди, Сильвио Нигеллу. И он ее тоже любил. Они хотели пожениться. Но Сильвио вдруг ударился в политику, связался с террористами и погиб. А меня удочерила бабуля. Но все равно я осталась сироткой. Что с вами?

Сильвио побледнел, похолодел, его трясло, как в лихорадке. Ариадна родила ему дочь! Эту красавицу, это нежное доверчивое создание, этого ангела! И вот перед ним это совершенство, она еще более прекрасна душой и телом, чем мать. И он, родной отец, погубит свое дитя вместе со всем мерзким родом человеческим?!

Увы, да. Вместе с ее бабушкой, которая когда-то угощала его вкусными кулинарными изделиями и обсуждала проблемы биофизики.

А все могло быть иначе. Они с Ариадной поженились бы. И не было бы преследования и разгрома организации, бегства в сельву, укуса змеи и жизни среди спасших его дикарей, не было бы обнаруженной им сокровищницы, бегства с золотыми слитками сквозь тысячу опасностей – и жизни под другим именем, с ложной биографией.

Не было бы ограбления его лаборатории и краха банка, где хранились его деньги. Не было бы цепи его новых несчастий и новых преступлений.

Не был бы создан вместе с группой ученых вирус «Каррес». Не было бы и фага 666. И все ученые, которых он уничтожил после завершения работ, были бы живы.

Он взглянул на часы. Без пяти двенадцать.

Пора. Но дочь?! Бедная, ее безумно жаль.

- Как вас зовут? – спросил он.

Просто так спросил, чтобы не думать ни о чем перед тем, как раздавит пробирку.

- Сильвия, - ответила она. – В честь моего отца. Так решила мама. Она любила только его. И после его ухода не знала ни одного

мужчину.

Стон вырвался из груди Нигеллы.

- Что с вами? – испугалась Сильвия.

- Я твой отец, я Сильвио Нигелла. Человек, подло отвергнутый обществом, этим сборищем нечестивых святош и наглых преступников.

- Вы?! Нет, не может быть! Не верю!

Он снял темные очки, отклеил бакенбарды.

И она его узнала.

Замерла на какое-то мгновение.

Но тут же пришла в себя, радостно улыбнулась и бросилась к нему с криком:

- Папа! Ты жив! Какое счастье! Теперь все будет хорошо! Да-да! Мы с бабушкой вернем любовь и счастье в твое окаменевшее сердце!

Он растроганно обнял ее, нежно прижал к груди своей, гладил по голове.

Он плакал, и то были слезы счастья.

Но не больше нескольких секунд длилось это. Нигелла вспомнил о цели своей жизни. Человечество должно погибнуть. Должно!

И Сильвия – тоже? Увы, и она. И ее милая бабушка ... А он? Он сам? Ученый понял, что теперь он не сможет воспользоваться фагом ббб: незачем жить, если его прекрасная дочь умрет. Это было бы подло, не достойно великого Нигеллы!

Со слезами на глазах, одной рукой все еще нежно обнимая радостную Сильвию, ее отец раздавил пробирку, вынутую из кармана. Легкий ветер понес страшный вирус уничтожать все живое на планете.

«Каррес» уже успел мутировать, и мутант мог жить и убивать не только в воздухе, но и в речной и морской воде ...

10 декабря 2009 года.

КОШКА МАЙЯ

Самуил Штаркман шел по улице Дизенгоф в Тель-Авиве.

Посмотрел на шагомер: восемь тысяч шагов.

- Пять километров шестьсот метров, - удовлетворенно произнес он. – Можно сесть в автобус.

Ему предстояло ехать не более сорока минут. И еще пешком около полукилометра. Итого – более шести километров. Достаточно будет на сегодня. Он вошел в автобус 47 уверенно и спокойно, не заметив, что вслед за ним проскользнула кошка.

Лишь сев на место, он увидел ее у своих ног: крупную, камышовой масти, с огромными, совсем не кошачьими синими глазами.

- Ты откуда? – спросил Самуил.

- Майя, – ответила кошка.

Самуилу стало не по себе. Это явно было не мяукание, это было слово. Слово, слово ... Майя ... Племя Майя? В Латинской Америке? Что за чушь? Однако она сказала ...

Он закрыл глаза, стал вспоминать, что ему известно о майя. Это, кажется, была особая цивилизация в Центральной Америке ... Довольно развитая: была архитектура, математика и астрономия тоже были развиты ... Города были у них ... Календарь был ... Вроде бы даже конец света в этом календаре был предусмотрен ... Ткани из хлопка ... Иероглифы, как в Египте ... Но кошка эта ... Майя?

Подъехали к Герцлии. Штаркман вышел, Майя – за ним. Он шел, не оглядываясь, до самого дома. Здесь оглянулся: она была рядом.

- Майя, уйди, пожалуйста, - попросил он.

- Не-е-е! – взмолилась кошка.

Он вздрогнул: такая тоска, совершенно человеческая, была в этом крике.

- Все равно, жена моя тебя выбросит, - все еще надеялся человек убедить кошку.

- Не! - уверенно возразила та.

Они поднялись в лифте на пятый этаж. В дверь вошли вместе.

- Это еще что?! Брысь! – закричала Клара.

Но Майя уже вбежала в квартиру и спряталась за диваном.

- Выгони ее! – потребовала жена.

- Не могу, - уныло ответил Штаркман.

- Что-о? Ты ее нарочно привел?

- Не-е! Не-е! Не-е! – троекратно возразила Майя из-за дивана.

- Она ... понимает, Сеня?

Клара давно уже звала Самуила Сеней, еще в России. Так привыкла, что и в Израиле звала этим именем.

- Боюсь, что не только понимает, но и говорит.

- Где ты нашел ее?

- Она в Тель-Авиве увязалась за мной, в автобус проскользнула и пришла, как видишь, сюда.

- Скажи ей, пусть выйдет сюда, в центр комнаты.

Тут же Майя вышла сама, не дожидаясь. Подошла к Кларе и стала тереться об ее ногу, громко мурлыча.

- Кошка, ты будешь гадить по всей квартире? – спросила женщина.

- Не-е.

Тут же Майя прошла к туалету, открыла лапой дверь и села в унитаз. Клара ахнула.

Справив нужду, животное выпрыгнуло и замыкало.

- Просит слить воду, - догадалась Клара.

Самуил слил воду. Спросил жену:

- Что будем делать?

- Пусть остается.

Майя трижды подпрыгнула на месте, подбежала к супругам, стала тереться об их ноги и громко мурлыкать.

В этот момент раздался звонок в дверь. Вошла соседка. Майя выгнула спину, шерсть встала дыбом, кошка злобно зашипела.

- Что за злая кошка у вас? – ахнула соседка. – Я ведь зашла только попросить займы.

- Милая, нет у нас сегодня наличных, - расстроилась Клара.

- Жаль, жаль.

Соседка ушла, Майя успокоилась.

- Что скажешь? – спросил Самуил.

- Скажу, что Майя что-то нехорошее почувствовала, видно.

- Именно, именно, - подтвердила кошка.

Супруги переглянулись. В их глазах была тревога.

Снова – звонок в дверь. Вошел сосед, парикмахер. Майя стала тереться об его ноги, мурлыча.

- Ты видишь? – спросил Самуил.

- Да, - ответила жена.

- Ребята, не дадите займы пару картофелин? – смущенно попросил сосед.

Майя трижды подпрыгнула. Она явно улыбалась.

Конечно, дали картофелины соседу. Даже не пару, а пять.

- Какая красивая у вас кошка, - восхитился парикмахер, - и умная, по глазам вижу. Глаза почти человечесьи.

- Да, Майя у нас умница, - улыбнулся Самуил.

Когда сосед ушел. Клара сказала мужу:

- Она чувствует человека.

- Нет, скорее отношение к нам, - возразил муж.

- Майя, кто из нас прав? - обратилась жена к кошке.. – Я?

- Не-е, - ответила та.

- Он?

- Не-е.

- Оба неправы?

- Не-е! Не-е!

- Оба правы?

Майя стала подпрыгивать, потом кивнула.

- Кивнула! Ты видел?

- Видел. Кивнула. Потому что не может сказать «Да».

- Сеня, я поняла. Она сбежала от Куклачева!

- Не-е! Не-е! – закричала Майя обиженно.

- Прости, - сказала Клара.

Кошка подошла к ней, стала тереться об ее ноги и замурлыкала.

В тот день Самуил прельстился мороженым, съел подряд три порции и простудился. Сильно болело горло, к вечеру он с трудом глотал.

- Я тебя подлечу, - сказала Клара, когда он лег. – Сделаю тебе гоголь-моголь по особому рецепту ...

- Я-а! – закричала Майя.

- Ты его вылечишь? – спросила женщина.

- Я! Я! Я! = радостно подтвердила кошка.

- Пусть полечит, - прошептал больной.

Майя запрыгнула в постель, легла на шею хозяину и замурлыкала. И он почувствовал, как тепло ее тела прогоняет боль. Утром он был здоров.

Потом точно так же она вылечила Клару, когда у той заболел живот. Врач предположил, что это – аппендицит, но Майя легла на живот хозяйке – и к утру боль прошла.

Потом было еще несколько подобных случаев. Об этом однако Штаркманы никому не рассказывали.

Шло время: месяц за месяцем, год за годом.

- Клара, сколько живет у нас Майя? – спросил однажды муж, оторвавшись от компьютера, где обнаружил, что завтра будет дождь с грозой и сильными порывами ветра.

Он интересовался двумя вещами: погодой (в компьютере) и политикой (в телевизоре).

- Так, сейчас январь ... шесть лет с половиной ... Да, так, - отозвалась Клара, подойдя к Самуилу, и села ему на колени.

- Даже не представляю, как бы мы жили без нее!

- Я тоже.

- И я, и я, - сказала кошка и подошла к ним. – Милые мои-и ...

И все трое замерли. Словно предчувствуя беду какую-то.

Беда пришла в их квартиру в образе молодого вора, открывшего дверь, когда хозяева были на работе.

Едва он вошел, Майя прыгнула на него и когтями впиалась в его глаза. Вор ударил ее фомкой в живот.

Оба кричали от боли: человек и кошка.

Сбежались люди, вызвали полицию и «Скорую помощь». Вора увезли, а Майя, истекающая кровью, осталась без внимания окружающих. Видимо, сочли ее безнадежной: фомка прошла сквозь тело удивительного животного, и кошка не подавала признаков жизни.

Первым вернулся Самуил. Его встретили старушки на скамейке у подъезда, наперебой крича о том, что случилось.

Он вбежал в квартиру – и увидел мертвую Майю. Стон вырвался из груди его, он схватил любимицу и помчался к ветеринару, жившему неподалеку и ведшему прием на дому.

- Увы, господин мой, ей уже не помочь, - констатировал врач, осмотрев животное. – А какая красавица!

Клара сказала мужу:

- Не будем сегодня хоронить ее, она, может быть, еще оживет.

Ночью Штаркману приснилась Майя. Она висела в воздухе, целехонькая, глаза ее сияли новым светом.

- Сеня, ты не убивайся по мне, - сказала она.- Все, что имеет начало, когда-нибудь приходит к концу. Даже галактики погибают. Я прошу тебя, друг мой, похорони меня около старой яблони во дворе. Она уже не плодоносит, но еще жива.

- Там нет яблони. Там только два эвкалипта огромных.

- Вот за ними и стоит яблонька. Ты меня поглубже закопай.

Майя растаяла в воздухе – Самуил проснулся. Уже брезжил рассвет. Он оделся и вышел. Гроза прошла, почва была сырая. За эвкалиптами действительно стояла небольшая старая яблоня.

Хоронить Майю они вышли вдвоем. Самуил копал, а Клара держала на руках труп. Она бережно опустила его в яму. Муж засыпал яму землей. Они еще долго молча стояли рядом с могилкой.

- Она была необыкновенная, - горестно рыдая, с паузами, выговорила Клара. – Она была не кошка. Она была .. Была ...

- Клара, успокойся! – обнял ее муж.

Он и сам понимал, что Майя была каким-то особым существом. Но каким? И почему она нашла именно их, бездетных супругов? Он знал, что никому они не расскажут все об удивительном своем друге четвероногом. Не поверят, не поймут люди, не посочувствуют им, осиротевшим навсегда.

Год за годом старели супруги. Они ушли на пенсию, пришлось и метапелет (работница по уходу за престарелыми и инвалидами) выпросить у государства, потом и совсем они ослабели. Встал вопрос о переходе в бейт-авот (дом престарелых).

- Сеня, в бейт-авоте супругов держат порознь. Что делать? Я не смогу без тебя, - плакала старая Клара.

- Я тоже.

В эту ночь им привиделся один и тот же сон. Майя пришла в дом и сказала им:

- Сорвите завтра рано утром цветок с куста над моей могилкой. Поставьте его в воду на ночь и закройте окна. И все будет хорошо.

Они рассказали друг другу об этом сновидении.

- Там же нет куста, - промямлил Самуил.

- Посмотрим, - пролепетала Клара.

Куст был. На нем красовался алый цветок, напоминающий розу, но издающий особый, неведомый им дотоле запах. И - никаких шипов.

Они легко сорвали этот цветок, поставили в воду и легли спать.

Им снился один и тот же сон: Майя вела их куда-то за собой. Потом она превратилась в прекрасную женщину в странной одежде.

- Летите! – приказала женщина и полетела вперед и вверх.

И они полетели за ней. Все быстрее и быстрее. В полной темноте. К серебристо-голубоватому свету ...

Утром метапелет позвонила. Никто не открыл. Женщина забеспокоилась, вызвали полицию и «Скорую помощь». Дверь отперли.

Супруги лежали в одной и той же позе: на спине. На их лицах застыла улыбка счастья. Все окна были открыты.

В банке с водой торчала сухая веточка. Без листьев и цветка.

24 июля 2016 года.

МИЛАЯ ВИКА

Хаим сидел на скамье около моста через Яркон. Он знал, что эта небольшая река ужасно ядовита. Войти в ее воду означало одно – верную смерть. Вот и выход из создавшейся ситуации.

- Не надо этого делать, - раздался вдруг приятный женский голос.

Хаим огляделся. Рядом – никого. Глюки?

Впрочем, и в самом деле – глупое решение. Куда надежнее и быстрее – броситься с одной из башен Тель-Авива: во-первых, дивный полет, свободный полет! Во-вторых, сама смерть – мгновенная, особенно – если лететь вниз головой.

- И этого делать не надо, - услышал кандидат в самоубийцы тот же голос.

- Ты кто такая? Покажись! – крикнул Хаим.

- Я твой ангел-хранитель. А показаться пока не могу, прости. Но я знаю, что произошло сегодня. И я помогу тебе в этот самый черный день твоей жизни.

Да, сегодняшний понедельник был самым черным в жизни Хаима Познера.

Началось с того, что он на работе, устав ремонтировать очередной компьютер, решил чуть-чуть расслабиться. Вошел в Интернет и стал смотреть порнуху. За этим и застал его хозяин мастерской. И стал грубо ругать при остальных двух мастерах. Забыв, что Хаиму уже сорок восемь лет, а мальчишкам немногим за двадцать, хозяин срамил его.

А потом объявил, что уже и вовсе выгнал нарушителя трудовой дисциплины.

- Я обращусь в профсоюз, - сказал тогда Познер.

- Обращайся, не в первый раз ты смотрел порнуху на работе. Это – законная причина твоего увольнения. Я тебя сейчас предупредил за месяц. Как положено. Впрочем, ты можешь уйти прямо сейчас. И это будет лучше. Я тебе выплачу компенсацию. Но видеть тебя здесь больше не желаю.

И мастер ушел. Сел в свой старенький «Рено» и поехал домой. Туда, где его ждал второй удар. Отперев дверь и войдя в квартиру, он застал Михаль, жену свою, вместе с лучшим другом своим Барухом. Застал их в постели. Те вскочили, прикрываясь простыней. Впервые пришел хозяин в свою квартиру так рано. И вот чем это обернулось ...

Первым его желанием было убить обоих. Взяв в руки столовый нож, Познер посмотрел на двух побледневших предателей. Скривился, бросил нож на пол – и вышел прочь. Без слов, не оглядываясь. Мысль о детях и внуках остановила его. Ради них он не стал убийцей. Но жить больше не стоило. Да и самоубийство всегда может выглядеть как трагическая случайность. Все правильно!

- Да, жить не стоит, - мрачно буркнул Хаим.

- Ничего подобного, жить стоит, - сказал «ангел». – разверни газету, которую кто-то забыл на скамье.

Подчинившись, Познер раскрыл газету и увидел обведенное красным карандашом объявление: «Требуется мастер по ремонту компьютеров с проживанием на месте службы. Зарплата и жилье по договоренности».

- Ангел, это ты обвела красным объявление?

- Не скрою, это я.
- Там, наверно, уже нашли кого-нибудь.
- Нет еще. Садись в мою машину – и вперед.

Хаим заметил роскошный «Паккард» черного цвета. Когда подъехал? Открылась дверца. Поколебавшись, Познер сел в машину, которая тут же плавно тронулась. Без водителя. Окна в автомобиле были непрозрачны. Таким же непрозрачным было и лобовое стекло.

Происходящее удивило и насторожило. Но он промолчал. Минут сорок ехали. Едва остановились, перед пассажиром появилась маска. Голос «ангела» произнес:

- Надень это, пожалуйста. И не снимай до команды.

Открылась дверца, кто-то подал руку. Его ввели в небольшой холл – и сняли маску. Холл был из черного мрамора. Были двери четырех лифтов.

Один из лифтов открылся, голос «ангела» пригласил Хаима. Он вошел, лифт плавно и бесшумно стал опускаться. Опустился примерно на восемь этажей и остановился. Выйдя, Хаим обнаружил себя в коридоре со множеством дверей. Одна из них отворилась – и снова гостя пригласили.

Высокий человек за столом встал и слегка улыбнулся.

- Здравствуйте, - пролепетал растерянный Познер.
- Здравствуйте, Хаим. Меня зовут Артур, - бесцветно ответил человек. – Я менеджер. Ваш стаж в этом деле?
- Двадцать три года ремонтирую компьютеры.
- Умеете работать как удаленный помощник?
- Разумеется.
- У нас три смены: с восьми утра по восемь часов. Сможете работать в ночную смену?

- Полагаю, что смогу. – ответил Хаим, поколебавшись. - А зарплата?

- Вы будете получать вдвое больше, чем прежде.
- Отлично.

- Подпишите договор, - положил Артур лист.

Договор был всего в полстраницы. Зарплата будет перечисляться на имеющийся счет Познера в банке «Апоалим». Комната для проживания – бесплатно, питание – бесплатно,

помощник – тоже бесплатно. Выход из здания запрещен на весь период работы в фирме. Связь с внешним миром на время работы в фирме запрещена.

Поколебавшись пару секунд, Познер подписал договор, взял себе один экземпляр, чтобы еще раз прочитать позже.

- Ваша комната – номер восемнадцать, на этом этаже, - сказал Артур. – Отдохните. Скоро начнется ваша смена.

Мастер двинулся. Вдруг его всколыхнула мысль: «Откуда этот Артур знает номер моего счета, сколько я зарабатывал – и прочее?»

Но размышлять было некогда: он вошел в небольшую комнату со встроенными в стену шкафами, круглым столом, диваном и двумя стульями. Один угол комнаты был кухней с висячими шкафчиками и двумя отдельными раковинами.

Электрическая плита была узкая, с двумя конфорками.

Хаим прилег для примерки на диван, он оказался подходящей длины. Открыл один шкаф: это был шкаф для одежды, в нем уже висели на плечиках костюмы, пальто, плащ и несколько курток, а на полке лежали шляпы и фуражки.

Во втором шкафу было белье нательное и постельное.

Третий шкаф оказался входом в санузел с ванной, душем и унитазом.

В комнате было прохладно.

Едва жилец заметил на стене белый телефон, в дверь постучали.

- Войдите, - без радости произнес новосел.

- Здравствуйте, меня зовут Виктория. Можно просто - Вика, я ваш помощник, - сказала молодая красавица. – Я принесла обед.

И поставила на стол судки.

Запахло вкусным.

В судках оказались суп куриный, стейк с картофелем фри и компот. Вика вынула из висячего шкафчика тарелки, ложки, вилки и нож. Сервируя стол, она спросила:

- Вы хотите, чтобы я пообедала вместе с вами? Или вам это не будет приятно?

- Наоборот. Я хочу пообедать вдвоем.

- Не стесняйтесь, Хаим. Любое ваше желание я буду выполнять с удовольствием.

Они начали трапезу молча.

Все было очень вкусно, аппетит Хаима нарастал. Наконец, он остановился, выпив компот.

- Давно так вкусно не ел. Пожалуй, полежу на диване.

- Конечно. Отдыхайте. А я пока помою посуду.

Он лег. Память явила двух предателей, стоящих рядом, прикрывшись простыней. И застонал рогоносец.

- Что с вами, Хаим? – обеспокоилась Вика.

Подошла к нему, положила руку на лоб.

- Что я могу для вас сделать?

- Сядь ко мне.

- С удовольствием.

Она послушно села. Рука ее лежала на его лбу, нежная, прохладная, успокаивающая.

- Все будет хорошо, Хаим. Наша фирма заботится о своих людях.

Зазвенел телефон. Познер встал, подошел.

- Мастер, зайдите в комнату одиннадцать, - прозвучал голос.

- Меня вызывают. Ты можешь быть свободна, Вика.

- Я буду ждать вас здесь.

В комнате под номером одиннадцать сидели у компьютеров трое. Один из них поманил Хаима рукой. Остальные как бы и не заметили вошедшего.

- Завис мой комп. Сам не могу ничего сделать.

Почти сразу отыскав причину, Познер после напряженных усилий восстановил работу компьютера.

- Спасибо, - произнес программист. – Вы ас.

Настроение мастера поднялось. Он вернулся в комнату и обнаружил, что Вика лежит на его диване.

- Справились? – спросила девушка.

- Да. Там была довольно серьезная причина.

- Идите ко мне. Я подвинусь.

- Ты будешь жить вместе со мной в этой комнатке, Вика?

- Да. Но если вы не хотите, то я буду жить в своей. Фирма заботится о каждом. Просто мне показалось, что вы не против полежать рядышком сейчас.

- Вика, я не понимаю. Ты кем здесь работаешь?

- Я ваш ангел. Это моя должность.

- У меня уже есть ангел. Правда, невидимый.

- Это я. Ты просто не узнал меня, милый, - сказала Вика.

- А как же ты была невидимой там у Яркона?

- Это ты узнаешь позже. Хорошо? Ты мне понравился, и я в тебе ничуть не ошиблась. Ты хороший мастер – и хороший человек. Любое твоё желание я выполню с удовольствием.

- Я стар для тебя, добрый ангел!

- Ты не стар, ты мужчина в расцвете сил.

Снова зазвенел телефон. Мастера вызывали в девятую комнату. Там компьютер отказался включаться. Повозившись полчаса, Хаим устранил дефект.

Вернувшись, застал нагую Вику под простыней. В комнате было тепло: работали невидимые обогреватели.

- Восемь часов вечера. Твое дежурство кончилось, Хаим. Обнажайся и иди ко мне.

Девушка встретила мастера объятиями. Она была нежна, доверчива и послушна, была горяча и активна, если он хотел этого. Пораженный Познер даже не подозревал, что такое вообще возможно.

Он уснул.

Приснились Михаль и Барух. Он резал их столовым ножом. Они кричали, текла кровь. Проснувшись, обнаружил отсутствие Вики. Подумал снова о таинственности этой фирмы. Забеспокоился.

- Нет, это не выход, - пробормотал он. – Что это за фирма? Чем они занимаются? Уж не уголовное ли это дело?

- Что за глупости?! – сказала Вика, войдя и подойдя к дивану. – Какая уголовщина, мастер Хаим?

- Я понял! Ты читаешь мысли! Ты и там читала мои мысли – там, у реки Яркон!

- Не нервничай. Я тебе все объясню, но позднее. Все путем. Ты снова хочешь меня? Хочешь? Иди ко мне, милый!

- Подожди, где ты была?

- Я смотрела телевизор.

- Я его не заметил. Где же он?

- В столе. Нажимаешь синюю кнопку, он поднимается из стола вместе с очками и наушниками. Надеваешь – и каналы всех стран –

ТВОИ.

Помчались дни. Смена, отдых, Вика. Снова - смена, отдых, Вика. И, конечно, телевизор.

Прошло немало времени. В комнате не было календаря, Вика тоже не знала, какой день сегодня, и Хаим однажды решил позвонить другу. Однако кнопки на телефоне оказались простой декорацией, они не работали. Стало ясно: связь с внешним миром недоступна. Взял свою копию договора. Да. Фирма этого не желает. Почему?

- Вика, расскажи мне о фирме, - попросил он свою молодую подругу.

- Еще не пришло время.

- Тогда расскажи о себе.

- Я боюсь, что ты меня разлюбишь.

- Нет, не разлюблю. Потому что не люблю. Хотя и привязался к тебе.

- Совсем-совсем не любишь?

Она заплакала. Ему стало жаль ее. Он погладил девушку по голове, он прижал ее к себе нежно.

- Вряд ли, милая, я смогу кого-нибудь полюбить после измены жены. Но к тебе у меня самые теплые чувства. Я так благодарен тебе за все.

- Хорошо. Расскажу. Я родилась в многодетной семье. Была старшей. Помогала маме во всем. И была счастлива. Но когда мне исполнилось пятнадцать лет, папа погиб. Он был электрик, его ударило током. Сильным током. Жить стало очень трудно. И мама продала меня за десять тысяч долларов.

- Продала?

- Да. Продала родственнику, он сначала меня не трогал. Я ходила в школу, он дарил мне то одно, то другое, ходил со мной в театр, в музеи. Просвещал меня. Так продолжалось какое-то время. Но однажды он усадил меня на стул, сам стал передо мной на колени и объяснил, что любит меня безумно и просит дать ему счастье. Я хотела встать и уйти, но он стал плакать и целовать мои ноги. Это был сильный, могучий мужчина. Его слезы потрясли меня. И я сдалась.

- Он был женат?

- Нет. Он был вдовец. Я была с ним счастлива, потому что он

по-прежнему одаривал меня, лелеял. Я почти полюбила его. Но пришел черный день. Он скончался от разрыва аневризмы аорты. И его родня прогнала меня к маме, обратно. Отняли у меня все. Я вернулась в нищету. Это так меня унизило, уничтожило, что я хотела покончить с собой.

- И тут тебя подобрала фирма?

- Да.

- Ты работала ангелом и до меня?

- Ты второй. И тебя я на беду свою полюбила. Вот и все.

- Ты откровенна. Спасибо за это. Если бы я мог любить, то только тебя полюбил бы. У тебя светлая душа, Вика.

- Спасибо, милый. Я буду делать все, чтобы ты был счастлив. Ведь мы с тобой – узники, пленники, арестанты.

Она разрыдалась. У него защемило сердце. Он ласкал ее, как бы баюкая. Ему было жаль ее. Ее. Но не себя.

Вдруг жуткая мысль потрясла его.

- Вика, - прошептал он. – Неужели мы никогда отсюда не выйдем? Почему это невозможно?

- Нет, отсюда можно выйти. Но при этом из памяти стирается все, что было в фирме. К сожалению, вместе с этим погибают и многие другие воспоминания. Которые могут навредить фирме.

- Ясно. Это уже уголовщина. Выходишь практически инвалидом. И неизвестно, как это отразится на всем прочем ... Возможно, это равносильно смерти. Кто-нибудь уже выходил?

Она шепнула едва слышно прямо в ухо ему:

- Потом расскажу.

- А зарплата?

- Эти деньги лежат на твоем счете. Согласно договору.

Ночью Хаима мучили кошмары. А утром он тихо сказал Вике за завтраком:

- Как бы я хотел окунуться в море!

- Я тоже хотела бы, но это невозможно.

- Неужели нельзя организовать поездку к морю, с охраной, чтобы не убежали мы?

Вика рассмеялась невесело:

- Ни к морю, ни в Париж экскурсии невозможны. Разве тебе

плохо здесь? Работа – по специальности, в квартире – все удобства, любящая молодая женщина – рядом. Питание – превосходное. Телевизор – все каналы на всех языках ...

- Да, все так. Но это – тюрьма.

- Странные вы существа, люди.

- А ты разве не человек?

- Ну вот, теперь ты меня разлюбишь. Нет, милый, я не человек. Я биоробот. Я создана здесь, в фирме, два года назад.

- А биография, которую ты мне поведала?

- Программа. На всякий случай. При выходе наружу будет работать.

- Но я слышал, как бьется твое сердце! Ты питаешься, как человек!

- Есть между нами важные различия: в моей программе жизни и развития поставлены не только чтение мыслей и умение стать временно невидимкой, но и сверхмощные ограничители. Там, где у людей есть свобода выбора, у меня ее нет: я жестко запрограммирована на службу фирме. Я не способна к художественному творчеству, как вы, люди.

- Масса людей не может сочинять музыку и писать картины. Для этого нужен талант. Ты человек, Виктория!

- Я могла бы быть человеком, если бы какой-то гений мог меня перепрограммировать, - уныло возразила Вика.

- А родить ты можешь?

- Вот мы и подошли к главному различию. Нет! Я не могу забеременеть ни от тебя, ни от другого человека, у меня нет такой возможности. Какие еще будут вопросы?

- Сколько времени я здесь?

- По земному времени – один день.

- Не может быть!

- Очень даже может. Мы находимся в месте временной аномалии. И все наши филиалы на планете – тоже. И главный центр в Антарктиде – тоже.

- Почему сегодня ты не боишься откровенничать?

- Потому что пришло наше время, милый. Мы уже никогда никому ничего не расскажем. Твой предшественник тоже был слишком свободолюбив и любознателен.

Познер похолодел.

- Это конец?

- Да, милый.

- Проклятье! Тогда ответь мне на последний вопрос. Чем занимается фирма?

- Охотно отвечу, милый. Фирма производит биороботов, они выпускаются в человеческое общество взамен людей, решившихся на самоубийство, пропавших без вести в море, на суше и в воздухе. То есть тех, кого нам удалось спасти от гибели при крушениях, катастрофах и так далее. Мы заменим вас, людей.

- Ужас! Я должен спасти нашу цивилизацию!

- Хаим, у вас не цивилизация. Посмотри, что творится в вашем обществе! Оно звереет и упорно идет к гибели. И все быстрее. Ты же сам видел по телевизору все это.

- В телевизоре были записи! Мы смотрели ролики!

- Как ты сразу не понял этого?

- А если я соглашусь остаться пленником фирмы?

- Увы, это невозможно, милый: тебя нельзя подпускать к приборам теперь, ты стал опасен для фирмы. Мне жаль. Потому что я тебя люблю. Обними меня, милый, обними, глупенький мой!

Он обнял ее – и она ловко вонзила тонкий кинжал с мощным снотворным в его шею. Бережно опустила обмякшее тело. Подняла трубку телефона.

- Артур, мастер Хаим отключился. Можно доставить тело в операционную?

Из поезда вышли двое и поднялись к кассам в аэропорту Бен-Гурион. Ему на вид было за сорок, ей – около тридцати.

- Я рад, что мы с тобой вместе, Вика.

- Я тоже рада, Хаим. Прости: теперь ты Освальдо.

- Какая разница?! Мы с тобой биороботы, лучшие в мире существа. И человеческие имена не имеют никакого значения для нас с тобой.

Биороботы прошли таможенную проверку и вошли в самолет. Предстоял долгий перелет. Предстояла интересная и важная для фирмы работа.

11 февраля 2016 года.

ПОСЛЕДНИЙ ЕВРЕЙ

Фант-памфл

Это случилось 27 апреля 2145 года в Париже. Антуан Дюбуа, крупный ученый-физик, известный своими открытиями в области темной энергии и гравитации, действительный член Всемирной Академии наук, был срочно вызван в госпиталь к постели своего отца, физика Жана-Пьера Дюбуа.

- Жак, я срочно уезжаю, все остается в силе. Ты продолжаешь работу. Ждешь меня, - сказал ученый своему помощнику-роботу.

- Я все понял. Семь лет работаем вместе. Поезжайте, хозяин.

- Спасибо, Жак.

- Он стал очень плох, - сказала медсестра, одна из трех, круглосуточно дежуривших у постели больного.

- Так примите срочные меры! - прошипел сердито сын умирающего.

- Месье, делалось все возможное. Как-никак, ему уже двести четыре года, он родился в бедной семье во время Второй мировой войны ... Семья голодала, тяжелая наследственность сыграла роль ...

- Я и без вас все это знаю, - угрюмо оборвал ее физик.

- Простите, месье. Вы можете пройти в палату.

- Спасибо. Пригласите врача, пожалуйста.

Дюбуа-младший вошел в палату. Больной содрал с лица маску для дыхания и произнес слабым голосом:

- Антуан, я ухожу к твоей маме. Этой ночью она меня позвала.

- Папа, не надо отчаиваться, еще не все сделано, я уверен ...

- Спасибо, сынок. Но я сам не хочу больше страдать и нагружать других собою. А позвал я тебя, чтобы открыть тебе страшную тайну. Здесь нет прослушки?

- Если и есть, то сейчас она выйдет из строя.

Ученый вынул из кармана многофункциональный сотовый телефон, включил программу и провел прибором во всех направлениях. Что-то громко крякнуло на потолке.

– Да, здесь было прослушивающее устройство, - с отвращением произнес физик. - Что за тайна, папа?

–

- Антуан, давным-давно жена моя лежала в роддоме. В той же палате лежала роженица-еврейка ...

- Тьфу, какая мерзость!

- Не говори так.

- Почему?

- Обе женщины родили почти одновременно. Но моя жена - мертвого, а еврейка - крепкого здорового мальчика.

- И по твоей просьбе детей поменяли?

- Ты всегда был умницей, сынок. Да, это был не первый ребенок еврейки, я заплатил ей довольно много, но жене ничего не сказал, и она вскормила тебя своей грудью. Теперь, там, она все знает, я думаю.

- Зачем ты приберег эту отвратительную новость? Почему не ушел на тот свет молча?

- Нет, Антуан, я не мог! Тысячу раз нет! Просто сегодня я видел во сне не только жену свою. Рядом с ней была и та, другая: твоя физиологическая мать. И обе они потреб ...

Больной задергался в агонии, и в этот момент в палату вошли трое: медсестра, врач и охранник.

- Зачем вы выключили всю сигнализацию? - гневно закричал охранник, чей вопрос остался без ответа.

Врач взял руку мертвого, проверил пульс. Поднял ему веки. Снова проверил пульс. Подключил контрольную систему, просмотрел все графики.

- Боюсь, месье Дюбуа, хотя мы сделали все возможное, далее медицина останется бессильной.

Механический голос робота-контролера подтвердил:

- Летальный исход необратим.

Прилетев домой на той же авиетке, которая доставила его к умирающему отцу и ждала его в ангаре, Антуан долго сидел молча, размышляя о страшной тайне, поведанной ему отцом. Да полно, отцом ли? Его, Антуана, истинные родители были уничтожены, как и прочие представители ненавистного народа. А что он, Антуан Дюбуа, знает об евреях? И что он, никогда не лгавший своим детям, скажет им теперь?

Детям, которых он воспитал и вырастил - он, еврей по рождению ...

Посмотрел на карту планеты. Вот она, Земля. Всего восемь государств: Северо-Американские штаты с автономными провинциями Канадой и Мексикой; Южно-американский союз с автономной провинцией Бразилией; Объединенная Европа с автономной провинцией Британией; Россия с множеством автономий; Китайский коммунистический блок с Японской и Корейской автономиями; Великий халифат Азии и Африки; Свободная Австралия.

Ученый знал, что многие свободолюбивые народы, не желавшие входить ни в какие державы, были попросту уничтожены. Так же, как и эти слишком свободолюбивые евреи ...

- Помочь? Что-то нужно? - спросил Жак.

- Нет, спасибо, мой верный друг.

Антуан вошел во Всемирную сеть науки, выбрал портал «История» и задал вопрос об евреях.

- Такого народа нет и не было, - ответила сеть.

Тогда пользователь задал вопрос об истории борьбы против еврейского зла. Экран показывал и рассказывал о борьбе против проклятого еврейского народа от древности до двадцать первого века, от Амана, Манефона и Апиона до Гитлера, Сталина и Великой Всеобщей Акции.

Но не даром Антуан Дюбуа был великим ученым: он умел проникать силой мысли в глубинную суть явлений. Он понял! «Еврей Эйнштейн - виновник появления ядерного оружия и его применения» и иные подобные статьи показывали ему истину самими своими заголовками. Внезапно выплыл линк «История советского еврейства». Это был очень старый линк - начало двадцать первого века. Но из него на основе подлинных документов и фактов можно было представить хотя бы частично диалектику юдофобии властей и историю еврейского национализма в СССР.

- Что-то мистическое и в то же время животное, звериное было в этом, - прошептал физик. - С другой стороны, если кошку и собаку растить вместе с их младенчества, они будут жить в дружбе...

Он схватил голову обеими руками и закричал:

- Проклятье! Я не хочу быть евреем!

- Хозяин нуждается в помощи? - спросил Жак участливо.

Физик кивнул на двухметровую цилиндрическую камеру из

серебристого металла.

- Сможешь управиться с аннигилятором?

- Разумеется, хозяин. Только вчера мы с вами удачно добились аннигиляции большого арбуза.

- Ты знаешь, что опыт безопасен для планеты, так как вся энергия, выделенная уничтожаемым телом, уйдет в Космос в виде мощного фотонного столба?

- Хозяин, я не один год работаю вместе с вами ...

- Жак, я сейчас войду в камеру - и ты нажмешь красную кнопку пуска.

- Вы забыли, хозяин, что робот не имеет права ...

- Подойди ко мне, Жак, мой помощник и друг. Пойми, если я продолжу существовать, жизнь моя будет ужасна и мучительна.

- Почему?

- Сегодня перед своей смертью мой отец признался мне в том, что он подменил своего мертворожденного сына еврейским новорожденным младенцем. Этот еврейский младенец я, Жак.

- Понял, хозяин. Это меняет дело. Если вы еврей, то вы можете войти в камеру.

Ученый вошел в аннигилятор. Жак нажал красную кнопку. На секунду город лишился электроэнергии, которую взял аппарат. Затем из ствола над лабораторией в Космос устремились мощным потоком фотоны. Это длилось недолго.

Открыв камеру и убедившись в том, что она пуста, робот нащупал на своей спине кнопку самоуничтожения, сорвал с нее пломбу и нажал на кнопку.

Утром следующего дня все СМИ сообщили о таинственном исчезновении великого физика Антуана Дюбуа и гибели его робота, возможно, вследствие неудачного эксперимента.

9 июля 2015 года.

ТАЛИСМАН

Левчик шел по берегу. Дул сильный ветер, волны грозно набегали на песчаный берег, теряя свою силу и откатываясь. Небо

было сизым и недобрым. Круча нависала метрах в двадцати от пляжа. Там иногда происходили обвалы.

Он шел вдоль берега, постепенно успокаиваясь и отдавая себе отчет в происшедшем. Он оскорбил маму, обидел ее. Разве можно грубить ей, такой доброй и заботливой маме? И только из-за того, что не дала денег на новый сотовый телефон?

После того, как отец ушел из семьи к другой женщине, Хава стала слезливой, обидчивой, нервной. Левчик и его младшие братья и сестры старались помогать маме, ласкались к ней. А тут он, самый старший, мамин помощник, оказался таким жестоким эгоистом!

Ну и что из того, что почти у всего класса есть «андроиды», «смартфоны» и прочее? Он учится лучше всех, он пробьется! Он станет великим программистом, перещеголяет даже отца своего. А пока надо срочно пойти извиниться перед мамой и сказать, что он обойдется старым телефоном.

- Я словно мышонок, который позавидовал летящей птичке, - улыбнулся Левчик невесело. – Но я сумею подождать своего часа.

Едва эта мысль пришла ему в голову, как он увидел на песке что-то блестящее. Кольцо! Скорее схватить его, пока волна не унесла!

- Мышонок нашел кольцо! – закричал подросток и протянул руку. – Он продаст его – купит сотовый телефон – и полетит, как птица!

Ему удалось подобрать кольцо, хотя вода обдала его ноги до колен. Кольцо было толстое, с какими-то письменами. Язык этот был ему незнаком, хотя буквы напоминали буквы иврита.

Надел кольцо на безымянный палец левой руки. Оно было большое, едва не соскользнуло с пальца. Но тут же уменьшилось и плотно уселось. Левчик ахнул: такого быть не может, чтобы металл ни с того, ни с сего сжался на пальце. Однако же факт был налицо.

Юноша заметил грязь на кольце, потер его – и сказал, смеясь:

- Я пока еще мышонок.

Гром прогремел как бы эхом этим словам.

Мышонок побежал-побежал куда-то, ему мешало колечко на левой лапке. Появилась откуда-то кошка и погналась за мышонком.

- Я человек! Я не мышонок! – пропищал бедняга.

Он задел при этом колечко правой лапкой. Гром прогремел.

Тотчас же кошка отскочила: вместо крошечной жертвы возник огромный человек. Кошка знала, что человека трогать нельзя. Это опасно.

Левчик перевел дыхание. Вот так кольцо! Едва не попал на зубы кошке! Надо быть осторожнее с этой находкой ... Однако же лучше всего было бы снять кольцо с пальца. Он осторожно взялся за металл, потянул-потянул ... кольцо покинуло палец. Мальчик уложил его в свой кошелек – аккуратно, медленно, осторожно.

- Мама! Прости меня, я так раскаиваюсь, - сказал он, войдя в квартиру. – Мамочка, милая, я больше никогда ... Не сердись на меня!

Хава бросилась к сыну, обняла, прижала, засмеялась:

- Конечно же, сынок, я больше не сержусь. Я ведь мама.

- Не нужен мне новый телефон, обойдусь старым. Не в телефоне счастье. Просто надо быть умным и хорошим человеком.

- Ты умный, мой Левчик. И – хороший. Ты еще всем докажешь! Я верю в тебя, сынок мой старшенький. И четверо моих младших детей тоже в тебя верят. Ты надежда наша, дорогой мой.

От этого тепла материнского еще более стыдно стало Левчику, и он заплакал беззвучно слезами раскаяния.

- Да, мама, я всем докажу, - сказал он, наконец. – Вот увидишь. А сейчас я тебе покажу чудо.

- Фокус?

- Нет, не фокус. Чудо. Самое настоящее.

Он рассказал матери, как нашел кольцо, как стал мышонком и едва не погиб, как вернул себе свой обычный вид – и как снял кольцо.

- Нет, такого быть не может, сынок! - не поверила мать.

Тогда он вынул из кошелька кольцо и показал его.

- Можно примерить? – спросила мать.

- Это очень опасно, мама. Я тебе только что рассказал, как стал мышонком и кошка едва не съела меня.

- Шутишь? – спросила Хава, надевая кольцо на безымянный палец правой руки. – Если бы кольцо было волшебным, наш папа появился бы здесь сейчас.

- Только не три кольцо! – закричал сын.

Но было поздно, Хава уже потеряла кольцо. В тот же миг гром прогремел и в комнате возник Яков, муж Хавы. Бледное лицо его выражало изумление и неподдельный страх.

- Хава, здравствуй, - сказал Яков. – Понимаешь, произошло нечто странное. Я сидел за своим рабочим столом в офисе, и вдруг какая-то неведомая сила приподняла меня, вокруг за клубился туман – и вот я здесь.

- Хочешь кофе? – спросила жена, начавшая понимать силу

волшебного кольца.

- Лучше глоток вина. Или коньяка. Что-то мне не по себе.

- Хорошо.

Женщина прошла к шкафу, вынула бутылку коньяка, где еще было немного крепкой жидкости, и налила в рюмку.

Яков сразу опрокинул рюмку в рот. Крякнул. Закусил конфетой, которую поспешила подать ему Хава. Улыбнулся тепло.

- А ты все хорошеешь, женушка.

- Это коньяк заговорил в тебе.

- Возможно. Позволь мне поцеловать тебя, Хава.

- Зачем? Мы с тобой чужие люди теперь.

- Мы не можем быть чужими. У нас общие дети. Верно, Левчик?

- Верно, папа. Мы не чужие. Только ты об этом забыл, когда ушел от нас к другой женщине.

- Сынок, это была ошибка.

- Ты понял это, когда переносился из офиса сюда? Или уже здесь?

- Сынок дорогой, ты можешь мне не верить. Я тебя понимаю. Но та сила, что перенесла меня сюда, видимо, и мозги мне вправила. А где остальные дети?

- Играют во дворе. Ты не видел? – спросила Хава.

- Да ведь я не шел через двор. Я летел в густом тумане.

Все трое засмеялись.

- Папа, присядь. Я хочу тебе рассказать кое-что, - с печальной серьезностью сказал Левчик.

Отец послушно сел.

- Ты видишь кольцо на руке мамы? Это оно тебя вызвало.

- Нет, не может быть такого. Хотя ... Хава, что это закольцо?

Откуда оно у тебя?

- Расскажи, сынок, папе, - хмуро обратилась Хава к сыну.

И он поведал отцу историю своей находки.

- Хава, дай мне это кольцо, пожалуйста, - попросил отец.

- Возьми. Но помни: это опасно.

- Ты знаешь, женушка, я никогда не был трусом.

Яков взял кольцо, надел на палец и произнес четко, уверенно:

- Верни меня навсегда в мою семью, верни дружбу и покой нам, помоги получить прощение мне – и исчезни из нашей жизни.

Комнату озарил яркий голубой свет, раздался гром,

заклубился белый туман – и начал рассеиваться.

Яков посмотрел на руку – кольца на руке не было.

- Где оно? Куда девалось кольцо? – закричал Левчик. – Я не попросил у него ничего!

- Прости, сынок. Я виноват перед тобой. Но лучше быть подальше от всяких талисманов, - сказал Яков тихо. – Я вернулся в свою семью, и я сделаю все возможное, чтобы мои дети стали не последними людьми среди граждан нашей страны. Вопрос в другом: примете ли вы меня, простите ли мне мое предательство? Что скажете?

Прежде чем Хава и Левчик успели ответить, в комнату вбежали остальные дети и закричали:

- Мамуля, мы есть хотим!

Тут они увидели отца и замерли.

- Детки мои родные, я хочу вернуться к вам. Разрешите? – обратился к ним отец.

Дети посмотрели на мать. У той были слезы на глазах, но она улыбалась. Она кивнула детям, и они бросились обнимать Якова.

- Хава, Левчик, не рассказывайте им про талисман, - попросил отец.

- Что такое талисман? – спросила младшая девочка, Мазаль.

Но тут зазвенел телефон. Хава взяла трубку.

- Тебя, Яков. С работы. Ищут, - улыбнулась жена.

- Да, - ответил муж кому-то. – Просто меня срочно вызвали из дому, я все проблемы уже уладил и немедленно возвращаюсь в офис.

Он поцеловал всех детей. Потом поцеловал руку жены – и пошел к двери.

– Папа, что такое талисман? – не унялась Мазаль.

–

3 августа 2015 года.

СПАСАТЕЛИ

- Наконец-то! - вскричал Доберман-Жутин, вскакивая и потягиваясь сладко. - Наконец-то получилось! Теперь я спасу планету, я сделаю всех людей добрыми и счастливыми! Всех до одного!

Действительно, сомнений больше не оставалось: *энцефаломир* действовал.

Пятьдесят три года своей жизни отдал ученый изобретению этого прибора. Пятьдесят три года из шестидесяти прожитых!

Идея подавления злобных мыслей и желаний в мозгу человека пришла еще в первом классе: мальчик был странный, слабый, это вызывало насмешки тупых соучеников и злобной учительницы. Ревмир Доберман-Жутин страдал, размышлял. Конструировал.

В десятом классе он изобрел действующий прибор. Результат еще был ничтожен. Но он совершенствовал *энцефаломир* в вузе и в научно-исследовательском институте, оставаясь до пенсии младшим научным сотрудником.

А завершил тайный подвиг в унаследованной квартире, за десятилетия превращенной в мощную лабораторию. Находки и неудачи чередовались, вдовец-ученый медленно, но верно продвигался к цели.

И вот первый удачный эксперимент: Ревмир Марленович подверг воздействию *энцефаломира* грузчика из гастронома, недавно открытого напротив. Злобного дебелого мужика.

После облучения Степан перестал задираться без повода, начал с философским спокойствием относиться к неприятностям.

Второе облучение, как и ожидалось, привело к появлению доброжелательности и участливости по отношению ко всем людям.

- Что это стало со Степкой? - с радостным удивлением спрашивали и работники гастронома, и соседи нового, *обаятельного* детины.

Доберман-Жутину казалось, что он способен взлететь и парить в воздухе над миром. Он верил в светлое будущее человечества.

Оставалось только создать более мощный *энцефаломир*, в тысячи раз сильнее этого, лабораторного, и облучить все страны и континенты. Он знал, как сделать это.

В воскресенье, тщательно побрившись, приодевшись и положив в карман прибор, конструктор поспешил на кладбище: рассказать другу, столетнему дереву, о том, как он спасет мир. И этим, возможно, загладит свою вину перед родителями и женой, которых уморил своими экспериментами.

- Сбудется многовековая мечта людей: мир и любовь друг к другу соединят народы, семьи, расы! - громко и торжественно

завершил свое сообщение дереву Доберман-Жутин.

- Повторите то, что вы сказали, Ревмир Марленович! Кого это вы спасете?

Изобретатель оглянулся на голос.

Из-за старого надтреснутого памятника появился старик, ровесник конструктора.

Вид его внушал отвращение: всклокоченные грязные волосы, гримасничающее лицо, клочковатая борода, рваная одежда. Все же удалось узнать Потеряйло-Разумовского, бывшего соперника в науке, академика.

Несколько лет назад он, по слухам, сбежал из психиатрической клиники.

- Противно, Ревмир Марленович? - захихикал он - Да, я неряшлив. Но почему?! Потому что я не тратил времени попусту, жалкий вы недоучка! Я сделал несколько открытий, о которых никто и не догадывается! Я следил за вами - и жалел вас! Но вы стали опасны! Вас следует обезвредить! Смотрите - и трепещите!

Академик снова засмеялся. Теперь смех его был подобен грому. На глазах у уstraшенного Доберман-Жутина сумасшедший вырос едва ли не втрое.

- Ну, как? А вот это?

Раздалось негромкое, но страшное жужжание - и миролюбец почувствовал непреодолимое желание разбежаться и удариться головой о ближайший мраморный памятник.

Он понимал, что этого не нужно делать, но его сознание было подмято могучей властью включенного соперником прибора.

Внезапно все прекратилось.

Сумасшедший академик принял первоначальный вид.

Он хихикал и потирал руки.

- Дрожишь, жалкий? Прибор имеет три программы: страшные галлюцинации, манию самоубийства, - гордо продолжал Потеряйло-Разумовский, - и жажду убийства. Сила *нейронатуратора* достаточна, чтобы сгубить большой город. А размер мал - посмотри, несчастный.

Ревмир Марленович заметил металлическую коробочку в руке безумца.

- Ты видел меня огромным - и испугался, но то была галлюцинация. Потом ты захотел расшибить голову, но я успел выключить вторую программу. Теперь же мы с тобой включим третью

и пойдём по городам и селам планеты ...

- Зачем?

- ... и ты увидишь, как люди бросаются друг на друга, охваченные внезапной взаимной ненавистью, сын убивает отца, а мать - ребенка. Как жених, целующий невесту, вдруг с рычанием задушит ее, а солдат застрелит командира.

Доберман-Жутин завопил:

- Но зачем, зачем все это? Если вы хотите как истинный ученый добра людям, то ваши действия неверны, неверны!

- Так ты не понял?! Люди слабы и не способны противостоять Злу. Торжествуют мафиозные структуры! Правительства и профсоюзные боссы думают не о благе народов, а о своих доходах! Жалким массам остается лишь голосовать за того, кто пообещает больше ...

- Но вы же хотите *всех* уничтожить ...

- Ложь! Я хочу сделать людей сильными и беспощадными, чтобы человечество стало подобно прекрасному миру природы! Сильные выживут, а слабые погибнут. И Зло исчезнет. И - никаких идей! Никакого политического обмана! Гармония природы воцарится на планете. Эй! Что у тебя в кармане? Не смей! Я тебя сейчас ...

Он спешно нажал кнопку второй программы. Но и Ревмир Марленович успел нажать кнопку энцефаломира в кармане куртки.

Результат их действий тут же проявился.

- Друг мой, - воззвал академик, плача радостно. - Друг мой, я был не прав. Только мы, ученые, спасем планету. Пусть все станут такими же добрыми, как ты и я. Вот моя рука.

Доберман-Жутин вывернул протянутую руку - и задушил соперника с яростью. Завыл, разбежался и, повинувшись второй программе, размозжил свою голову о надтреснутый памятник.

Из-за дерева вышел молодой, симпатичный на вид, человек в темных очках.

- Я опоздал! Оба уважаемых профессора успели нажать на кнопки, - весело сказал он.

Вложив чужие приборы в спортивную сумку, человек поклонился лежащим на земле.

- Я был вашим студентом, профессор Потеряйло-Разумовский, я усвоил и развил ваши идеи. Помогли мне и ваши чертежи, господин Доберман-Жутин. Их я просто украл.

Жан-Джон-Хуан-Иоганн-Цзедун-Кривояма-Маньяччи-младший ослепительно улыбнулся.

- Жаль, старички, не увидите, как мой *коммунатор* сделает меня добрым повелителем этой планеты, а прочих двуногих - покорными рабами. Но в то же время счастливыми! Да! Так как счастье человека - в полном повиновении! Беспрекословном и радостном! Мощь моего прибора-малютки беспредельна!

С этими словами молодой изобретатель нежно прикоснулся губами к перстню на правом мизинце - сверхмощному излучателю.

Поднял руки над головой.

Нажал крошечную кнопку " Пуск ".

Мощный, но не слышимый ухом, гул коммунатора начал распространяться над Землей с околосвуковой скоростью, пронизывая сознание людей, и погнал их к повелителю, а заодно - ко всеобщему *счастью полного повиновения*.

В этот же миг за тринадцать тысяч километров от старого кладбища семилетний ультравундеркинд Балл-Бес, сладострастно хихикая, завершил двухлетнюю работу. Он создал, наконец, программу, содержащую команду армиям Земли выпустить боевые ракеты и взорвать все термоядерные, химические, биологические и прочие бомбы и супербомбы, расположенные на прекрасной голубой планете.

Остался пустяк - разослать эту мощную программу-вирус по имеющимся в компьютере Балл- Беса соответствующим адресам Интернета.

2004.

МЕТАПЕЛЬ

(отрывок из книги «Ахиня Аарона», печатается с сокращениями).

Курящий страдалец.

По пути домой услышал оклик.

- Нашла вам работу, - сообщила Сарра, которая, как заподозрил Аарон, на самом деле была Люома. - В конторе «Матав» работают хорошие девочки. Они определяют вас к старику, и вы будете метапелить (нянчить) его. Это не трудно и оплачивается просто даже неплохо.

Сарра-Люома была ласкова и совсем не страшна. Не то, что

Люома-неСарра.

- Что это такое - «метапелить?»

- Гулять с ним, кроме субботы, мыть его. Десять часов в неделю, около четырехсот шекелей в месяц. В два раза больше, чем на рекламе.

Старик внезапно как бы очнулся.

- Ты Люома! Ты ведьма! Что тебе нужно?

- Что вы, Антон Яковлевич?! Я Сарра!

- Подожди, откуда ты возникла вдруг?

- Вы же сами меня попросили помочь!

- Я? Просил? Не помню. Ладно. Пошли.

Люомы-Сарры не стало, едва Аарон переступил порог, но его просьбу о работе ласково выслушали и тут же повезли к подопечному.

Старик Цви оказался моложе Аарона, но он уже перенес инфаркт, инсульт и еще что-то, принимал строго по графику всевозможные лекарства и курил сигареты «Кэмел».

От этого дыма метапель задыхался, ему становилось плохо, а в тесной душевой было так жарко, влажно и душно, что Гордон едва не терял сознание, натирая мочалкой спину страдальцу.

Потом они гуляли под палящим солнцем. Страдалец чувствовал себя неплохо, в то время как взмокший метапель удрученно вползал в предынфарктное состояние, задыхаясь и украдкой подкладывая под язык кордил, которым недавно врач заменил ему закончившийся нитроглицерин.

Добряк Цви отпускал метапеля на час раньше. И вообще относился к нему тепло и заботливо. Но сама работа изнуряла Гордона.

Жену метупаля (обслуживаемого) годы и болезни согнули в пояснице под прямым углом. Так согнутая бедняга и трудилась дома. С Аароном она ни разу не поздоровалась, не разговаривала, не замечала его. Он тоже не обращал на нее внимания, но однажды, ожидая подопечного, остановил взор на ней, и ее отставленный пышный зад призвал его.

- Тьфу, - ярился оле, гоня пошлые мысли.

Старая женщина повернула голову, не разгибаясь, – это была Луиза!

- Иди сюда, - прошептала умершая жена. – Скорее! Иди, я вернулась ненадолго! Скорее, ну! Времени мало, предадимся любви!

- Нет, - заорал метапель, - ты Люома, я знаю! Ты ведьма!

Ведьма! Луизы нет! Нет!

Ведьма подмигнула, и стало видно, что это не Люома вовсе, а Миюва. Отвернула лицо – стала снова согнутой женой Цви. И хотя Миювы уже не было, но тяжело болело сердце, и ни разу больше метапель не посмотрел в ту сторону.

- Зачем ведьмы все это делают? – думал Аарон, - неужели этим загонят меня в суицид?

Неуемный больной курил, как и прежде, доводя работника до кашля и головной боли.

Через три недели оле сказал ему, что устал от работы, поблагодарил за доброе отношение, попрощался, в конторе виновато-сердито объявил:

- Маспик! Гамарти! Ани ло яхоль йотэр! (Хватит! Я закончил! Не могу больше!).

- Есть другой, - сказала пкида (служашая) Лея, худошавая брюнетка с умным внимательным взглядом. - Будешь доволен. Я уверена.

- Сомневаюсь. И где же эта работа?

- Совсем рядом: немного остановок одним автобусом, немного - другим. Дорогу оплачиваем. Работа - у очень-очень интеллигентного человека.

Она говорила медленно, четко, внятно.

- Надо посидеть, побеседовать и немного погулять с ним, разогреть ему обед. Сыграть партию в шахматы. Три раза в неделю по два часа. С двенадцати до двух часов дня. Это легко.

Очень-очень интеллигентный человек.

В полдень, как было оговорено, Гордон вошел в квартиру Амира. Циона, дочь будущего подопечного, сорокалетняя женщина-врач, сразу понравилась. Она повторила то, что сказала пкида. Предложила быть, как дома. Удалилась медленно, тревожно. Но поощрительно улыбнувшись.

Два часа пролетели незаметно.

- До свидания, - улыбнулся метапель.

- Я провожу, - улыбнулся и метупаль.

- Нет, не надо, - забеспокоился Аарон.

Но подопечный упрямо пошел с ним и даже хотел перейти улицу, ждать вместе с ним автобус. Метапель разволновался: попадет Амир под машину - и отвечай! Прощался строго.

В ожидании время тянется медленно, и Гордон вяло

разглядывал обе стороны улицы, не ожидая увидеть нечто особенное. Но увидел! Удивился! И едва не рассмеялся.

Старый интеллигент, оказывается, так и не ушел домой: стоял за тонким фонарным столбом, нелепо пытаюсь за ним спрятаться. То и дело Амир привысовывался, вытянув шею.

- Что ему надо? Хочет убедиться в том, что я в самом деле уеду? - невесело удивился дрогнувшими ногами метапель. - Зачем?

Подошел автобус, Аарон уехал.

Поздно вечером зазвенел телефон.

- Вас хотят, - позвала Ханна удивленно.

- Я сожалею, мар (господин) Антон, - сообщила Лея, - но тебе не надо больше ездить туда, где ты работал сегодня.

- Ма кара? (Что произошло?)

- Не знаю, но старик не хочет тебя. Звонила его дочь. Сказала только: папа не хочет.

- Но почему он не хочет?

- Она не сказала. Но есть одна работа, еще лучше, чем эта.

- Еще лучше? Разве это возможно?

Аарон нервно расхохотался. И на другом конце провода раздался смех. Напряженный.

- Нет, на этот раз – нормальный человек. Ветеран труда. Ездить так же: три раза в неделю по два часа. И те же автобусы. Я доведу тебя в первый раз в своей машине. Бэсэдэр?

Грегори и его жена Мазаль.

Старый Грегори жил на втором этаже ветхого двухэтажного дома. К его двери вела крутая наружная железная лестница с перилами.

Старик ел какую-то буроватую кашу.

- Бен кама ата? (Сколько лет тебе?) – испытующе спросил старый Грегори вошедшего, когда пкида представила метапелья и удалилась.

Тот ответил, и метупаль продолжал есть.

Трудно было представить, что Грегори был сильным и веселым тружеником когда-то.

- Мне восемьдесят девять лет и десять месяцев, - сообщил, снова прервав еду. - Жене моей Мазаль семьдесят девять. Она молодая.

Мазаль, тоже честно трудившаяся много лет, выглядела усталой, на руках были пластыри и повязки. Она поспешила

объяснить:

- Это - из-за анализов, которые берут в больнице. У меня много болезней. Мно-ого ...

- Станешь скоро таким, как Грегори! - хихикнул голосом Каниты большой красный паук на потолке в углу салона. - И сиганешь вниз башкой! С крыши - уух! Чтоб не мучиться! Суицид – это твое избавление. Хоть и наказание!

- За что? – тихо спросил Аарон паука.

Паук соскользнул по паутине, вырос.

- Ты хулиганил в школе, в техникуме, ты мешал учителям! Ты забыл любовь к Тамаре, подруге детства! Ты бросил Наталью, а она хотела быть тебе верным другом! Из-за тебя развелась с мужем! Он-то женился на другой, но ты-то не женился на Наталье. Трус и предатель! Суицид!

- Муж ревновал Наталью ко всем пням! Потому что она ему трижды изменила до меня.

- Ты всегда охотно поддавался дурным влияниям! В школе, в техникуме, в институте! На любой работе! Даже на пенсии! Ты слабак! И дурак! Хоть и считаешься почему-то умным. Суицид! Пора! Хватит затягивать! Хватит!

- Ведьма, я совершал и добрые дела! Я еще в шестом классе приходил в школу пораньше и помогал товарищам понять прошлый урок! Они сами при мне делали домашнее задание - вместо списывания у других! Я учил их мыслить!

- Это обязан делать учитель, а не ты! Ты действовал тайно, тебя обуяла гордыня: вот, мол, я каков! Учитель не может, а я могу! Грех! Суицид!

- Я позднее учил студентов искать истину. И не только! Былые ученики просили совета, даже с женами приходили – и я, как мог, помогал им.

- Хвастун! Помогал-то им из тщеславия!

- Я своими беседами помог избавиться от алкоголизма нескольким изгоям - музыкантам и художникам. И они снова стали творить. Их снова уважали. А сколько делал для роста культуры в доступном масштабе! И о многом мог бы сказать!

- О плохом вспомни! – прошипел паук.

- Не ххочу! Усстал! – прошипел человек.

Но в сознание врывались, забывая доброе, дурные поступки. Оле обессилел, сник.

Паук радостно квакнул и запрыгал к Аарону серо-зеленой жабой, нырнувшей в живот ему. Живот заболел, занял, из глубины его доносилось глухо:

- Суицид! В нем - твое избавление от мук!

- Проклятые галлюцинации! – прошептал оле. – Бредовые чудовища, я справлюсь с вами!

В квартире Грегори витало нечто серое и тяжелое, безнадежно чуждое окружающей жизни, деятельной и устремленной к успеху, к счастью.

- Мыть меня будешь в пятницу, - сказал унылый Грегори, поев. - А сейчас пойдем в клуб.

Он с трудом встал на ноги и начал двигаться к выходу с помощью алихона (ходунка для инвалидов). Аарону велел идти впереди. Спускаясь по лестнице, метापель в одной руке держал алихон, весивший не так уж много, а другой - с натугой поддерживал маленького, но тяжелого метупаля, вцепляющегося в перила. Спуск продолжался долго, нудно, но все же закончился, и они продвигались по тротуару.

Шли медленно, часто останавливаясь.

- Зачем взялся за эту работу?! – ругал себя Аарон. – Жара и трухлявая речь водителя алихона гнетут, стрелки часов еле движутся, насмехаясь надо мной, живот болит от жабы-паука-Каниты.

Тем не менее путешественники одолевали путь-дорогу метр за метром и в итоге оказались перед клубом, к которому и устремился с едва заметным ускорением подопечный Гордона.

В вестибюле стояло несколько стульев. Решив угнездиться на одном из них, Грегори грохнулся на пол, так как именно этот стул был сломан. Метупаль жалобно заорал и заохал, Аарон тоскливо ужаснулся:

- В первый же день угробил доверенного мне старичка! А если он сломал бедренную кость?

Кое-как, с помощью подбежавшего к ним пожилого горбатого мужчины, поднял упавшего.

- Так тебе, болван, и надо, - сказал горбун метапелю по-русски, и лицо его показало, что это Канита. – Ты никудышный. Таким нет места среди нормальных людей. Твое место – дурдом!

- Нет! Никогда! Только не это!

- Тогда прыгни с крыши дома. Рраз – и все муки позади. Сегодня! Не тяни! Вперед! Бух!

- Не дожدهшься, проклятая галлюцинация, вылезшая каким-то образом из моего живота!

- Кто?! Я?! Галлюцинация? Тогда ты ...

- Что тогда? – завизжал Гордон. – Что-о?! Тут же обнаружилось, что горбуна рядом со старым оле нет, а Грегори жалобно стонет.

- Зачем он пришел в клуб? Мероприятий нет, будут только вечером. Чтобы брякнуться на пол? - думал метапель, испуганно ощупывая и охлопывая озлобившегося ветерана.

Тот, к счастью, был цел. Посидев молча четверть часа, двинулись в обратный путь, еще более долгий и нудный, чем дорога в клуб.

Поднимались по крутой лестнице, вязко решая, какой ногой метупалю свершить очередной шаг. Словно нет в мире ничего важнее этого.

Вошли. Мазаль, не обращая внимания на мужа, угнездившегося у стола, начала слезно информировать о том, как плохо ведут себя дети:

- Они нам не помогают ни деньгами, ни вещами, ни ремонтом, ни добрым словом.

Потом стала ругать всех:

- А какие плохие врачи в поликлинике! А какие нехорошие чиновники в банке! А какие ...

- Несчастливая, - подумал Аарон, - ее нервы на пределе. Болезни, привередливый супруг. Но они ведь прожили много лет вместе. Любили друг друга. Детей поднимали. Вот он, закат жизни ...

Часы показали: можно уйти. Он протянул лист - расписаться. Но долгожитель уперся, не помогли уговоры встревоженной жены.

- Я сперва напишу, что упал, а потом распишусь, - наконец, выдвинул упрямец условие.

- Да-ай ему в лоб! - шипела появившаяся откуда-то черная кошка, потираясь боками о джинсы Аарона, мурлыча и сладко хихикая.

- Отстань, - крикнул Гордон. – Брысь!

Она мгновенно выросла, черной пантерой потащила метапеля за брючину к выходу - рыча то игриво, то грозно, хвостом взмахивая амплитудно.

Разгневанный оле вопреки надоевшим превращениям, не боясь свирепой черной пантеры, удалялся в злом подрагивающем

танце ног, ищущих, что пнуть. Пантера с лицом Каниты хохотала сквозь сжатые челюсти, мотался весело ее длинный, как бы самостоятельный, хвост.

Аарону казалось, что у него тоже вырос хвост, который яростно бьет его по бокам.

Вослед ему неслись причитания жены Грегори: огромной кошки она, видно, так и не заметила. Покричав, вернулась старая домой.

Пантера стала на задние лапы и – не кошка огромная перед ним, а ... старая Мазаль. Понял Аарон: все та же Канита издевается.

- Кончай фокусы! - рявкнул он.

- Пахдан! (Трус!) – рявкнула так же громко лже-Мазаль, перечисляя его прегрешения на иврите, угрожая страшным наказанием.

Обозлился, ударил ее по лицу кулаком изо всей силы. Станным образом удар пришелся по собственной скуле, и воитель застонал от боли. Канита, став по своему обычаю, вороной, улетела.

Аарон пошел к автобусу, но оглядывался.

Увидел маленькую черную кошечку. Она восседала на бетонном ограждении двора, глядя на Гордона нездешними глазами. Он позвал ее:

- Ксс-кисс-кисс.

Кошечка прыгнула, подошла, терлась о его ногу, мурлыкала громко. Оле тоже замурлыкал ласково. Она подняла голову, глядя ему прямо в глаза. Мяукнула жалобно, зовно.

Погладил ее, и кошечка побежала за ним, все так же зовно и жалобно мяукая. Ускорил шаг. Она не отстала, и он решил, что это ведьма. Подкатил автобус, оле вошел и увидел в окно, что животное печально осталось. Вспомнилось:

Коль стал бы я миллиардером,
Собрал бы всех кошек планеты:
Кормил бы я их, наслаждаясь
Мурлыканием благодарным ...

Это были строки из стихотворения-шутки Алекса Гринблата «Мечтания».

- Я больше к этому Грегори не пойду! - заявил метапель в конторе. - Пусть подавится моими деньгами за этот день! Гуд бай! Гамарну!

Разбитый бокал – к счастью ли?

- Ты, Арон, шлимазл (неудачник, носитель отрицательной судьбы), - заявил один пенсионер, когда Гордон рассказал о своих злоключениях. – Я прихожу на работу в восемь утра, хозяева виллы уезжают в офис, я остаюсь с их славным папашей.

- И ты сам готовишь ему завтрак?

- Завтрак готов! Я его только подогреваю, а подшефного, как ребенка, уговариваю поесть. Он все съедает и спит до обеда, а я в это время читаю. Приходит внучка, и я иду домой. Я никогда там столько не читал даже на работе, как сейчас.

- И у меня нормально, - сказал второй пенсионер. – Сажусь в машину рядом со стариком. Он ведет, я слушаю его байки два часа. Приезжаем и играем в шахматы еще два часа. Эх, вспомнил! Антон! Один наш сверстник перенес инсульт и заново учится говорить, писать, читать и в шахматы играть. В центре города это. Просили найти ему метапеля.

Гордон взял номер телефона, созвонился, пришел в назначенное время. Ривка, хозяйка, усадила его за стол напротив супруга. Расставила шахматы. Принесла холодной воды в красивом дорогом бокале, поставила перед метапелем.

Оле, передвигая пешку и волнуясь, задел бокал, смахнул со стола. Бокал разбился.

- А шэйнэ, а рэйнэ капурэ (красивое, чистое искупление), - произнес Арон тихо и тоскливо на идише, предчувствуя неладное.

- Ло нора (не страшно), - промолвила на иврите хозяйка, без улыбки и как бы окаменев.

Прошел час.

- Ну, на сегодня хватит, - сказала Ривка.- Я позвоню тебе, когда надо прийти. До свидания.

- Жди, позвонит она! Как же! – девочка Канита загородила дорогу на лестнице. – На этот раз мы с мамой, бабушкой и дядей ни при чем: ты сам, рохля, разбил бокал и лишился работы.

- За что все это, за что?! – заплакал оле.

За грехи. Легкая работа – не тебе. Пора с крыши - у-у-у! Бух!
И – конец твоим мукам!

- Дай дорогу, ведьма! – крикнул он и увидел, что никого нет на лестнице, кроме него самого, лишь где-то что-то тихо хихикало.

Женщина, конечно, не позвонила ему.

Сам Арон тоже не стал ей звонить, хотя несколько раз подходил к телефону с бумажкой, где был записан номер.

Благородный Эли.

- Антон, - остановила Аарона с улыбкой Таня Коэн, социальный работник горсовета, высокая стройная женщина. - Вы не возражаете переночевать у хорошего больного человека несколько ночей? Я слышала, вам нужна работа.

- Спать? Или обслуживать его тоже надо?

- Он сам себя обслуживает. Но его нельзя оставлять одного. И это хорошо оплачивается.

Человек, которому Гордон должен был помогать, оказался одного с ним роста и почти такой же комплекции. Судя по многостеллажной библиотеке, это был эрудированный интеллигент.

Они сразу же понравились друг другу, по каким-то едва уловимым признакам разглядели друг в друге что-то лучшее, обрадовавшее.

Беседовали. На иврите. Эли предложил Аарону почитать учебник иврита вслух.

Поправляя, помогал переводить. Это был восхитительный урок! Впрочем, удивляться не стоило: Эли оказался педагогом по профессии.

Гордона потряс светозарный гуманизм умирающего человека:

- Он думает не о пожирающем его самого страшном и неизлечимом недуге, а об освоении иврита его сверстником, - восхищался метапель. - Он заботится обо мне, пришедшем обслужить его за деньги, а не по доброте души.

- Ешь, - Эли придвинул к Аарону блюдо с фруктами. - Ешь, тебе нужны витамины. Ешь.

Приняв на ночь свои лекарства, больной показал Аарону его постель в соседней спальне:

- Лех лишкав лишон (иди ложись спать).

Тот попротестовал немного, но все же усталость взяла верх, послушался.

- Ты разбуди меня, пожалуйста, при малейшей необходимости, - попросил настойчиво.

Эли кивнул с доброй отеческой улыбкой.

Аарон постелил себе, лег.

Сон не шел к нему, старик прислушивался к шорохам: что делает Эли, не надо ли помочь?

Мысли усталого метапеля были тягучими, вязкими. Жалел славного Эли, ждал пакостей от Люомы и Каниты. Но они здесь не

появлялись.

Заснул он далеко за полночь, а проснулся лишь в шесть утра. Больной уже был на ногах.

- Я ведь должен был ... - смутился Аарон.

- Ты так сладко спал, я не стал будить.

Гордона сменила дневная няня Броня Кац, бывшая партизанская радистка, недавний хирург. Ей на вид нельзя было бы дать ее семидесяти лет, если бы не тяжелая одышка доброй женщины.

Еще две ночи, не смея заснуть, Аарон провел у благородного старого еврея. А больше и не потребовалось: ясным днем Эли ушел навсегда.

- Он в раю, если рай существует, - шептал полубатеист-оле из России, не сумевший сдержать неожиданных тихих, но горестных рыданий.

Аарон шел домой. Как всегда при сильных переживаниях, рождались рифморитмом строки:

Мир особый, иной,

Там за гранью земной

Ожидает, возможно, весь век нас...

2004?

Сказки

ПОЛЕТ

Он любил свой муравейник, знал в нем каждый ход. Любил лесные тропы, поляны. Он был большой и сильный. Работал весело, от зари до зари. Иногда он слышал пение тех, кто летает над лесом, но не смотрел на них: ему было некогда, он работал.

Однажды рядом с его муравейником упала Пчела.

- Неужели мне не летать больше? –прошептала она, разглядывая свои израненные крылья. - Зачем тогда жить?

- Будут у тебя новые крылья, - сказал Муравей, оказавшийся рядом и пожалевший ее.

Пчела поверила.

Много ночей собирали они вместе волшебные травинки, затем выжали и смешали сок из них. Пчела выпила волшебного сока - и новые крылья подняли ее выше деревьев. Она запела, но вдруг ей стало грустно - и она вернулась.

- Улетим вместе, — предложила Пчела Муравью, - выпей и ты волшебного сока: осталось достаточно. Полет - это счастье!

Он решился.

И хотя тревожило его неведомое, но крылья не задержались: мгновенно выросли, затрепетали, подняли его в небо...

Рядом летела Пчела. Она пела.

Он тоже запел. От счастья!

Прекрасен был полет, прекрасна была Пчела в полете, но еще прекраснее оказалась видимая с высоты Земля с ее лесами и реками, горами и долинами, озерами и морями!

И вот они очутились, наконец, над пчелиными ульями.

- Посмотри, как они красивы! Какие чистые цвета! Какие ровные линии! Какие строгие плоскости! Вон тот, у самого забора, - мой! - шептала Пчела.

Ни один из ульев не понравился Муравью. Он вспомнил лес, родной муравейник - и тоска охватила его.

- Я не смогу здесь жить, - тяжело вздохнул он, - но, все равно, спасибо тебе: я познал счастье полета. Прощай...

- И тебе спасибо, я не забуду тебя: ты вернул мне крылья, а в них - моя жизнь. Прощай, - грустно ответила ему Пчела.

Говорят, в лесном муравейнике и сейчас живет крылатый Муравей.

Ночью ему снится Пчела.

Они летят рядом.

И поют...

1992.

БУКЕТ РОЗ

Этот куст был прекрасен: зеленые бутоны раскрылись, и

дивные красные розы возникали одна за другой. Они росли, они благоухали, они радовали всех и видом своим, и нежным запахом. Радовали людей, любовавшихся ими, радовали насекомых, собиравших с них нужное им, насекомым.

Розы гордились собой, розы были счастливы.

Но вот однажды молодой мужчина, страстно любивший равнодушную к нему женщину, пришел к кусту с ножницами, чтобы срезать цветы и сделать букет для возлюбленной. Поняв, что сейчас произойдет, розы дали команду шипам на стебле:

- Колоть! Колоть безжалостно!

Шипы напряглись, но человек был в надежных перчатках, не страшны были шипы. Кроме того, он был осторожен и аккуратно ставил пальцы свои на стебель.

Одна за другой покидали бедные розы родной куст ...

Человек пришел домой, обмотал стебли прозрачной пластмассой и понес букет любимой. Женщина была восхищена красотой букета, она всегда любила розы, но такой прекрасный букет увидела впервые.

Она приняла букет с благодарностью. Но она не полюбила дарителя.

Придя домой, красавица поставила розы в вазу с водой и бросила какую-то таблетку в воду для сохранности цветов.

Самая юная роза, едва распустившаяся, горько рыдала:

- Какое несчастье! Какая беда! Мы умрем здесь, увянем, несчастные!

- Успокойся, - сказала ей мудрая Первая Роза, которой и так уже пришел срок начала ее увядания. – Успокойся, дитя, мы ведь не бессмертны. Мы увяли бы и там. На кусте. Чуть позже. Только и всего. Это – судьба наша.

Остальные розы молчали, думая каждая по-своему о случившемся с ними несчастье.

И в этот момент женщина подошла к букету. Она всплеснула руками.

- Как вы прекрасны, милые розы! Какая радость – вдыхать ваш аромат! Какое счастье – видеть красу вашу, - говорила розам женщина с нежностью. – Я буду долго-долго поддерживать вас: буду менять воду, буду бросать в нее таблетки. И вы будете такими же прекрасными.

- Я предпочла бы увянуть и умереть на родном кусте, - сказала

Самая красивая и гордая роза. – Что толку радовать глаза только одного человека?! То ли дело – цвести на свежем воздухе, радовать многих людей и многих опылителей наших!

Долго молчали ее сестры. Думали.

- Да, ты права, - после паузы промолвила Первая роза.

- Ты права, права, - прошептала, плача, Самая юная роза.

- Какая чушь! Вы все трое неправы. Потому что здесь нам хорошо, нам нравится наша заботливая хозяйка, - прозвучал хор остальных, безымянных, средних роз.

2 декабря 2015 года.

ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ

Подслушанная история

Он плыл медленно и торжественно.

Двигался по зеркальной водной глади как бы одной силой своего желания. Красота изгиба лебединой шеи завораживала. Забывалось о том, что рядом, за оградой зоопарка, шумит двадцатый век.

Лебедь был черный.

— Бабушка, почему одни лебеди — белые, а другие — черные? — спросила девочка лет восьми со строгими глазами.

Модно одетая пожилая женщина устало улыбнулась:

— Я не биолог...

Но вдруг глаза ее оживились:

— Знаешь, что? Сейчас дедушка принесет нам мороженое, и мы его попросим сочинить об этом сказку. Или, может быть, даже я сама попробую. Хочешь?

Девочка молча кивнула.

— Это было очень_очень давно, — медленно, плавно, с паузами начала бабушка. — В те далекие времена лебеди были ... м_м ... серые, как гуси. И жили тогда на тихом озере среди леса лебедь и лебедушка. Они крепко любили друг друга ... и всегда были вместе.

— Как вы с дедушкой?!

— Будешь слушать сказку или задавать вопросы? Пролетели многие годы. Лебединая пара старела, и эти две птицы уже не могли летать быстро.

Когда стая зимой двигалась в более теплые края, они задерживали ее ... М_да ... И однажды перед перелетом главный лебедь прямо спросил их:

— Полетите? Не трудно? Или останетесь?

— Останемся, — ответили они. — Не хотим больше быть вам в тягость.

Зимой озеро замерзло ... Да ... Но ни охотники, ни волки, ни лисы не могли застать врасплох опытных и осторожных старых лебедей. Все же силы одинокой пары таяли.

Только любовь друг к другу помогала им еще. Да_а... — Как вам с дедушкой? Тебе грустно?

— Мы с дедушкой не одиноки: у нас трое детей и много внуков, в нашем доме — наша славная, наша добрая старшая дочь...

— Это — моя мамочка!

— Конечно, мы не одиноки. С нами и ты, и твой братик. Наконец, твой красавец-папа. Нет, мы не одиноки, мое сокровище!

— Я не про то, бабушка. Я — про вашу с дедушкой любовь. Мне уже восемь лет, я ведь все понимаю, бабуленька. Я знаю, как ты любишь деда! И он — тебя! И папа — маму. И как все вы любите меня и шалунишку_братика.

Глаза девочки стали глубинно сиять, она крепко обняла женщину — и они прижались друг к другу, замерли.

Бабушка вскоре продолжила взволнованно:

— Однажды долгой зимней ночью супруги ... м_м ... лебеди признались друг другу, что боятся одного и того же — пережить любимого и остаться в тяжком одиночестве.

Тогда они решили...

Сочинительница как бы опомнилась и перебила сама себя:

— Не то, не то! Я не учла твой возраст! И вообще пусть дедушка закончит сочинение!

— Рассказывай! — потребовала внучка — Кто начал, тот и должен кончить.

Лицо ее стало не только строгим, но и требовательно суровым.

Вздыхнув, бабушка продолжала:

— Тогда лебеди решили не ждать больше, а взлететь так высоко, как смогут поднять их крылья, потом сложить их и ... Нет, это — не для ребенка! Это слишком ... Я сделаю иначе...

— И погибнуть вместе, — прошептала маленькая слушательница, еще крепче прижавшись к бабушке. — Мне страшно за них, бабуся!

— Да ... И они погибли вместе, — так же, шепотом, решила подтвердить рассказчица.

Несколько мгновений она помолчала, погружившись в свои тайные мысли, и, как бы очнувшись, продолжала:

— А весной, когда лебединая стая вернулась, болтливая сорока рассказала о том, что случилось зимой. И лебеди склонили головы перед такой великой любовью.

— Вся сказка? А почему лебедь черный?

— Нет, моя милая, сказка еще не вся. Еще мысли пришли ... Да ... Возник спор между молодыми лебедями. Видишь ли, одни ... э_э ... одни лебеди считали тот поступок светлым, прекрасным, даже радостным. Потому что такая любовь светит всем другим любящим, как ночной маяк далеким кораблям в море. И в память о том эти лебеди стали белыми. И их дети — тоже. И внуки. И так до сих пор.

— Это очень правильно, они молодцы, — прошептала внучка, глядя куда-то в даль небес.

- Другие же лебеди горевали: они все время думали о последних днях и последних минутах той дивной пары. Им было так тяжело от этого, что они оттуда улетели. А в память о том, что случилось на озере, все они стали навсегда черными.

Женщина облегченно вздохнула:

— Вот теперь сказка кончилась. Все.

Тем временем черный лебедь подплыл совсем близко к берегу. Он казался строг и печален.

Девочка смотрела на него, не отрываясь. Лицо ее отражало трудные размышления.

Она не заметила даже, как подошел к скамейке седовласый могучий мужчина с тремя порциями их любимого мороженого.

ПЕСНЯ

Давным-давно не то в соседнем городе, не то в дальней деревушке жили двое соседей. Один из них был человеком сильным, веселым и мастеровитым, другой же был слабым и тщедушным.

Сильный сосед сам себе дом построил, мебель смастерил, во дворе деревья посадил.

Жена тоже была мастерица: ковры выткала, кружевных вещиц навязала.

Даже посуда у них была самодельная: муж сформовал и обжег, а жена разрисовала.

Слабый сосед был не только тщедушен, но и неумел: возьмется, бывало, мастерить, и до того некрасиво и ненадежно получится, что и пользоваться нельзя.

Жил он в хибарке, что покойные родители ему оставили. Конечно, замуж за него ни одна девушка не пошла, так один и прозябал.

Пел, правда, хорошо, да только песни его очень уж были печальны. Потому редко приглашали его в гости, где мог он подкормиться или одежонкой одариться.

Сильный сосед помогал слабому, много доброго для него сделал. И не знал тот, как отблагодарить, изболелась от этого у него душа. Но нашел, наконец, способ: песню сочинил - до того хорошую, что сам себе удивился.

В глубинах благодарной души она родилась, потому и была прекрасна.

И надо же случиться: заболел мастеровитый сосед сильно, не помогали ему лекарства, а подаренная песня окрылила, подняла на ноги, была в ней сила великая - сила душевности.

Обнял благодарный мастер поэта и сказал такие слова:

- Сколько бы еще ни сделал я для тебя, не расплатиться мне за эту песню, а потому нет у меня права только при себе держать ее.

И отдал этот славный человек песню новую всем людям.

И стали петь ее, и нравилась она, потому что помогала забыть о заботах сегодняшних, об ошибках вчерашних, о непредвиденных трудностях завтрашних.

Сил прибавляла.

И славили обоих соседей: и того, кто сочинил песню-

волшебницу, и того, кто щедро отдал ее всем.

1975?

Статьи

О ЛЖИ И ПРАВДЕ ЕЩЕ РАЗ

Дорогой читатель!

Я, как и ты, как и большинство людей, не люблю ложь ни в других, ни в самом себе. Ты из жизни знаешь, что мерзкая, грязная ложь рождается либо страхом, либо ненавистью, а также низкой целью, тщательно скрываемой.

Есть и святая ложь: ложь во имя спасения человека, когда не говорят того, что может убить, ослабить, вогнать в панику или в истерику. Такая ложь спасает и от суицида на какое-то время. Но я хочу сказать, мой добрый читатель, о лжи и правде в отношении к моему народу, к евреям.

Юдофобы говорят, пишут и вещают в СМИ о том, что все евреи без исключения – хитрые, лживые, подлые, что они в данной стране (а то и во всем мире) «захватили власть», о том, что именно евреи «нашего» Христа распяли, что все евреи - трусы и так далее. Короче, все возможные отрицательные качества, все пороки – это черты характера еврейского народа. «Все они такие».

Ложь! У евреев, как у всех народов, есть люди благородные и есть подлые, есть храбрецы и есть трусы, есть люди умные и есть глупые, есть богатые и бедные, есть трудяги и есть лодыри.

У евреев, как и у каждого народа, есть реформаторы ионсерваторы, преступники и полицейские, нормальные и психи, богатые и нищие.

Почему же, если некий еврей – негодяй, то юдофобы кричат: «вот, все они, жида, - такие»? И почему не кричат «все они, жида, такие», когда чествуют еврея-воина или еврея-ученого, еврея-актера или еврея-композитора за вклад в оборону или прогресс страны проживания, нередко – в прогресс Человечества?

Почему?

Я думаю, что причина – воспитание юдофобии из века в век.

Евреями люди рождаются, а юдофобами - воспитываются. Можно воспитать юдофобом и еврейского ребенка. И будет он, как великий инквизитор Торквемада, крещеный еврей, губить своих братьев за то, что не меняют веру...

Я употреблю слово «юдофобия», потому что «антисемитизм» - это слово, обозначающее отрицательное отношение к семитам, а семиты – не только евреи.

Из психиатрии известно: фобии – это страхи, вызывающие ненависть у патологического субъекта. Юдофобия – это ненависть к евреям, недоверие и страх, воспитанные заведомой ложью, клеветой.

Она вбивается в сознание ребенка не только юдофобами-родителями, но также юдофобами-педагогами, реакционными религиозными проповедниками, лживыми политиками, продажными средствами массовой информации.

И если эти источники дружно действуют в антиеврейском направлении, то самый нормальный ребенок невольно вырастает патологическим юдофобом.

Изучение этого явления поразило меня еще одним открытием: самые агрессивные лидеры-юдофобы – это психически или физически ущербные люди (не только Гитлер), которым надо на кого-то свалить вину за свою физическую или психическую ущербность, за сексуальную или иную неудачливость (явную или тайную).

Чудовищная ложь об евреях родилась очень давно, а процесс продолжается и по сей день.

Я мог бы здесь напомнить о чудовищной клевете Амана на евреев, описанной в Библии, о не менее чудовищной лжи Апиона, положившей начало кровавому навету, другие факты из глубокой древности. Но жалею твое время, мой читатель. Об Амани, Апионе и прочих легко найти материал в Интернете, буде такая надобность возникнет.

В частности, имеется там и моя большая статья «Чудовищная ложь».

Кровавый навет, будто религиозные евреи замешивают мацу на

христианской крови, - ЛОЖЬ. Спроси честного христианского связенника, он тебе скажет, что по иудейской религии кровь не может идти в пищу! Такая пища не кошерна, то есть иудей не имеет права ее вкушать! Ибо это грех. Кошерование мяса, то есть приведение его в соответствие с заповедями, это - выпуск из него крови!!!

А уж в мацу кровь ребенка лить, предварительно его зарезав! Верят!

Еще мальчишкой я возил муку на санках на край города и там при мне замешивали тесто и пекли мацу в русской печи. Я видел весь процесс от начала и до конца. Не было там никакой крови – и быть не могло! И пекла ту мацу русская женщина. Вот это кошерно ли, я до сих пор не знаю.

Ты, о читатель, изучал в школе историю, ты знаешь о бесчеловечной инквизиции, о крестовых походах. Возможно, в учебнике не было ничего о том, как средневековые христиане издевались над евреями. И о том, как в 1648-1649 годах, задолго до Гитлера, совершили пытки и уничтожение сотен тысяч евреев в Малороссии войска Богдана Хмельницкого.

В числе замученных были и дети, и богобоязненные старики!

Служение Б-гу у иудеев благородно, мораль иудаизма светла и возвышенна. Любой, кто соизволит прочесть «Пиркей авот» (Поучения отцов), а не смердящую фальшивку «Протоколы сионских мудрецов», убедится в этом.

Прогресс культуры привел к изменениям положения евреев. Ты, изучая Новую историю, читал в учебнике о том, что еврей Бенджамин Дизраэли в 19 веке был дважды премьер-министром Англии и даже был за свои заслуги возведен в высокое дворянское звание (лорд Биконсфильд). Правда, не помню, была ли указана еврейская национальность этого политика в учебнике.

А в России евреи и в 19 веке прозябали в бесправии. Сотни тысяч евреев, проживавших на присоединенных Россией в 18 веке польских землях, были совершенно бесправны.

Ты слышал о «черте оседлости», дорогой читатель? Евреи могли жить только на определенной территории, лишь за «чертой оседлости» (в основном, это – нынешняя Украина), но и там им

запрещалось владеть даже одним квадратным метром возделываемой земли (то есть быть крестьянами).

Еврейских мальчиков отбирали у родителей и отдавали в кантонисты, в солдатчину, там они, если выживали, выросли и даже принимали православие.

А чего стоит дело Дрейфуса (1894-1906) во Франции, когда капитан Альфред Дрейфус, еврей по национальности, был обвинен по ложным документам, один из которых – не верится – был изготовлен самим следователем, лишь бы засадить в тюрьму еврея. А шпион гулял на свободе...

Наконец, Дрейфус был оправдан под давлением неопровержимых фактов.

В учебнике истории когда-то (как сейчас – не знаю) упоминалось созданное в 1913 году дело по обвинению еврея Бейлиса в ритуальном убийстве двенадцатилетнего Андрея Ющинского в Киеве.

Угроза массовой неуправляемой расправы нависла над российским еврейством. Но благодаря честным русским людям (адвокат Василий Алексеевич Маклаков, православные лица духовного звания), Бейлис был оправдан (предполагается, что убийцами были скупщица краденого Вера Чеберяк и уголовники из её притона).

Стоит ли удивляться, мыслящий читатель, тому, что в России большинство еврейской молодежи пошло за большевиками с их привлекательными лозунгами всеобщего братства и пением «Интернационала»?

Когда 30 января 1939 года рейхсканцлер Гитлер объявил в рейхстаге о предстоящем «уничтожении еврейской расы в Европе», цивилизованный мир не вздрогнул. Не воспротивился. Демократия ... И произошел жуткий Холокост ...

Мне обидно за вас, братья и сестры, принявшие такое страшное бедствие, что даже читать об этом до стона, до крика больно. Шесть миллионов убитых, и среди них – множество беременных женщин, младенцев, старцев, инвалидов ...

И, опережая эсэсовские команды, юдофобы разных стран, ликуя, убивали евреев. Фотографируя чудовищные преступления свои...

Но евреи не только шли к печам и рвам уничтожения - евреи сражались. Число евреев в Советской армии составляло полмиллиона воинов из общего числа советских воинов в 11 миллионов (1942 год). В армии США – 556 тысяч из 5 миллионов американских воинов. Можешь, читатель, сам подсчитать процент евреев в населении этих стран – и процент их в армиях США и СССР.

Сто сорок тысяч евреев сражалось в войсках Польши и свыше 90 тысяч – в силах европейского Сопротивления.

Моя мать, военврач, прошла от Волги до Инстербурга с больным сердцем (декомпенсированный порок). Мой родной дядя ушел на фронт прямо из советского лагеря и погиб в ноябре сорок первого под Ленинградом.

Утверждение о том, что «все евреи отсиживались в Ташкенте», - клевета.

Да, были евреи и в Ташкенте, и в других городах. И большая часть из них состояла из рабочих и мастеров оборонных предприятий, в том числе было немало подростков. Перевыполнявших нормы, голодая и даже умирая...

Назову несколько имен. Еврей - трижды Герой социалистического труда Борис Львович Ванников, которого прямо из тюрьмы доставили в кабинет к Сталину и назначили 20 июля 1941 года заместителем народного комиссара вооружения, а с 16 февраля 1942 года - народным комиссаром боеприпасов. С середины 1943 производство боеприпасов в СССР было переведено на поточный метод.

Еврей - директор знаменитого Танкограда Исаак Зальцман.

Кто не знает имен авиаконструкторов-евреев Семена Лавочкина, Михаила Миля, Михаила Гуревича?! Менее известны имена конструкторов танков: это - Яков Баран, Борис Черняк, Жозеф Котин. Я уж не говорю об евреях-ученых.

Конечно, были евреи в торговле. И они, конечно же, были куда заметнее тех, кто сражался на фронте или стоял у станка, тем более – заметнее тех ученых и инженеров, кто ковал победу над врагом за решеткой, в бериевских «шарашках».

Многие тысячи евреев могли бы быть спасены в 1933-1944 годах, если бы их принимали демократические страны всех континентов. В том числе и США, «оплот демократии». Нет, не принимали, просто разрешали погибнуть.

Я был потрясен «борьбой против врачей-отравителей» в СССР. Помню «гнев» обрадованных ничтожеств, помню дружескую поддержку замечательных русских людей. Я помню, как на собраниях и конференциях изгоняли с работы и из партии не только врачей, а и всех евреев. Как не давали говорить русским людям, взывавшим к мудрости и справедливости, как сгоняли их с трибун, топали ногами, улюлюкали, свистели. Как обнимали и поздравляли меня истинно русские люди, когда Кремль назвал ложь ее настоящим именем.

Но вот после Второй мировой войны юной Организацией Объединенных Наций принимается историческое решение о создании государства евреев – государства Израиль Правда, лишь на части территории древнего еврейского царства. Наивные люди подумали, что «еврейский вопрос» благородно решен. Как бы не так!

Я и сегодня уверен в том, что дружба арабов и евреев была бы великим завоеванием обоих народов. Многие арабы, обладающие мудрой волей к Добру, являются сторонниками дружбы. В израильской медицине такая дружба давно уже присутствует!

Я сам лечился у врача-араба, прекрасного специалиста и человека.

Но ненависть к еврейским братьям (по общему отцу Аврааму-Ибрагиму), порождаемая подстрекательством темных сил (под какими бы знаменами они ни выступали), оказалась сильнее, чем собственная выгода.

К сожалению, ООН разделила территорию по признаку преобладающего населения – каждому народу отведено было по три куска палестинской земли. Не в этой ли чересполосице - один из главных стимулов ожесточенных войн?

Едва Израиль провозгласил свою независимость, семь стран: Египет, Сирия, Ливан, Трансиордания, Саудовская Аравия, Ирак и Йемен начали войну с «сионистским врагом».

Но вопреки планам агрессоров Израиль в тяжелейшей войне не только отстоял свободу, но и отвоевал немалую территорию у напавших. Потому что над евреями была простерта рука Вс-вышнего, благословенно Имя Его!

Сотни тысяч арабов бежали из Израиля по призыву арабских стран. Дескать, временное это бегство, скоро вернетесь.

Евреи же, наоборот, уговаривали арабов остаться!!! И многие остались.

О мой добрый читатель! В те дни, спасая свои жизни, бросив все свое имущество, бежали из арабских стран до 800 тысяч евреев.

Некогда зажиточные, а то и богатые, нищими прибыли они в другие страны, зато живыми ...

С тех пор и войны гремели, и набирал силу арабский террор против мирного Израиля.

Казалось бы, ООН должна помочь стране-жертве постоянных агрессий и террора. Но нет, весь мир требовал и требует осудить не террористов, а руководителей Израиля за «преступления против человечества». Как будто не предпринимала армия Израиля беспрецедентные шаги для предотвращения гибели и ранений мирного населения, когда террористы, захватившие Газу, наоборот, подставляли мирное население живым щитом, коварно действуя тем самым не только против чужих, но и против своих ради подлой цели насолить «сионистскому врагу». Где же ложь и где же правда?

Представь себе, что место, где ты живешь, из года в год обстреливается ракетами. Что дети твои, слушая учителя, ждут сигнала тревоги, а ночью видят кошмары, что сам ты в пути прислушиваешься: не звучит ли сирена тревоги. Ведь у тебя чуть более минуты, чтобы найти укрытие. А то и всего 15 секунд!

Скажи, о читатель, где ты видывал, чтобы во время войны один из противников снабжал другого электроэнергией, пропускал на его территорию гуманитарные грузы (питание, лекарства и т.п.) потоками грузовиков?

А ведь Израиль это делает – вопреки «здравому смыслу войны».

Ни одно государство не терпело бы подобной ситуации. Оно разгромило бы агрессора, не щадя нисколько мирного населения, как

это было в годы Второй мировой войны. Но Израилю – нельзя!!!
Потому что – еврейский он.

О читатель мой! «Хамас» и «Хизбалла» объявили своей главной целью уничтожение государства Израиль («сионистского образования»), однако и ООН, и мировые державы этого как бы не замечают. Ты же смотришь телевизор? Возможно, и газеты читаешь? И видишь, как в Москве принимают, обнимая, руководителей террористов из Газы и других мест.

По югу Ливана ходят войска ООН. Зачем они там, как ты думаешь?

Я полагаю – для того, чтобы в случае агрессии не дать Израилю разгромить «Хизбаллу» окончательно. Во всяком случае, так было до сих пор.

Резкий поворот в отношении Турции к еврейскому государству после прихода к руководству г-на Эрдогана и стоящих за его спиной сил еще более усилил опасное развитие событий для Израиля.

Знаешь, что? Приезжай к нам туристом, читатель! Приглядишься к стране. И ты увидишь, что большинство граждан этой страны - весьма трудолюбивые люди, работающие в производствах, учреждениях и организациях, строящие и ремонтирующие свои дома и квартиры, ухаживающие за своими автомобилями, любящие и воспитывающие детей своих, любящие мир, добрососедство народов и демократию.

Ты услышишь, как каждый четвертый израильтянин говорит по-русски!

Ты и недостатки наши увидишь, а их тоже немало.

Зато познакомишься с зеленой страной, с ее широкими дорогами, современными зданиями! И узнаешь, что все это создано на месте пустынь и малярийных болот всего за два поколения.

Создано в условиях непрерывных войн и террористических актов, в условиях многомесячных обстрелов мирной страны минами и ракетами ...

Ты узнаешь, что в еврейских школах Израильяпропагандируются

мир, разум и демократия. И не звучат расистские призывы ни в еврейских школах, ни в синагогах. Зато ты сможешь их услышать, если войдешь в мечеть в Израиле.

Ты узнаешь, что внушают даже детям, «как это прекрасно: взорваться и уйти в рай, отправив одновременно в ад кучу ненавистных евреев». Сегодня то же самое можно услышать не только об евреях.

И не только в Израиле взрывают и взрываются фанатики.

И не только евреев «уносят в ад» они, но и мусульман, мирных людей, за то, что «не так» веруют.

Учат арабских детей ненавидеть и убивать евреев даже в детских садах. Террористов-самоубийц воспевают, их именами называют улицы, ставят детям в пример, их безвременной гибелью гордятся их родные матери ...

Думаю, ты знаешь, что в странах ислама есть люди, которые выступают за мир, дружбу и многогранные связи между народами и государствами разных вероисповеданий. Просто они еще не в большинстве. И кое-где им грозит смерть за такие убеждения, темболее – за такие высказывания.

Конечно, и в еврейской стране есть преступники, как и повсюду. То и дело ловят коррупционеров и взяточников, воров и насильников. Даже среди лиц высокого ранга. Даже президента посадили в тюрьму за плохое поведение! Даже одного премьер-министра!

Как видишь, демократия пока еще живет и действует в Израиле!

Тебя, наверно, удивит, что воины Израиля могут проводить уик-энд дома. Что в армии работодатель может подчиняться своему рабочему-офицеру. И ты поймешь, что это – подлинно народная армия. Ты узнаешь, что в армии еврейского государства служат и арабы. Хорошо служат.

Хочу спросить тебя, читатель мой: можешь ли ты представить себе хоть одного еврея-депутата парламента в странах ислама? Я не могу.

А в государстве Израиль арабы-депутаты парламента свободно выступают и в кнессете, и за пределами Израиля, при этом нередко –

против политики своего государства, за нанесение ему ущерба. Оставаясь депутатами. В какой еще стране такое возможно?

Как пример, Ханин Зоаби, молодая, умная и красивая, депутат кнессета от арабской партии Балад, даже плавала на турецком судне «Мармара», шедшем в 2010 году «прорвать блокаду Газы Израилем».

Она объявляет во всеуслышание, что определение Израиля как «еврейское государство» является расистским. Ты тоже так думаешь?

Она оправдывает стремление Ирана к обладанию ядерным оружием. И все же остается депутатом парламента. В какой еще стране такое возможно?

Уверен, ты знаешь, читатель, что Египет, который не раз воевал с Израилем, в последнее время стремится если не к дружбе, то к миру со страной евреев на взаимовыгодной основе. Более мягкой по отношению к Израилю стала политика и некоторых других арабских стран. Надолго ли это – неведомо. Но отрадно.

Дорогой читатель! Как ты полагаешь, что должен означать широко разрекламированный принцип «Два государства – для двух народов»?

Ты полагаешь, что это значит: в каждом государстве - один народ? Или « в каждом государстве – два народа?» Ошибаешься, это значит, что в Израиле, как и сейчас, будут жить бок о бок евреи и арабы, а в грядущей «Палестине» – евреям, как и сейчас, места не будет!

Поражает, что даже Израиль какбы не видит в этом лозунге лжи.

Юдофобия растет. Евреи все активнее репатрируются в Израиль.

Когда я был ребенком, одна русская старушка сказала мне: «Когда все евреи соберутся в Палестине, настанет Конец Света. И будет Страшный суд».

Я, юный пионер, посмеялся над «темной» женщиной. А что, если права?

Размышляя о юдофобии, я не забыл и о юдофилии.

Вспомнился великий Александр Македонский (356-323 годы до н. э.), который, завоевав Иудею, даровал евреям права и привилегии греческих граждан, но не требовал отказа от исполнения заповедей

Торы.

Вспомнился Папа Римский Иннокентий IV (1243-1254), написавший буллу с запретом использования кровавого навета при «разборках» с евреями.

И турецкий султан Баязет (Баязид) Второй (1447-1512), который принял с удовольствием евреев, изгнанных из Испании в 1492 году, что сказалось весьма положительно на экономике Турции и на ее вооружении.

И суровый, но прагматичный лорд-протектор Англии Оливер Кромвель (1599-1658). И страна Нидерланды, где нашли приют еврей-изгнанники в Средние века, где в семнадцатом-восемнадцатом веках они немало сделали для процветания этой страны (и своего собственного, разумеется).

И австрийский император Иосиф Второй (правил в 1780-1790 годах), отменивший ношение желтого знака и разрешивший евреям обучение в университетах.

И великий Наполеон Бонапарт, далекий от юдофобии.

И Эмиль Золя, мужественно защищавший Дрейфуса.

Я не имею права не назвать журналиста Ориану Фаллачи (1929-2006).

Она смело изменила свои пропалестинские взгляды, стала поддерживать Израиль, ознакомившись с истинным положением дел в регионе.

И хочу благодарно упомянуть все протестантские ветви христианства, где ощущается добрая позиция по отношению к евреям и к Израилю.

Да и в России ведь тоже были такие люди!

Это Петр Первый (1689-1725), который приближал к себе всех, в ком видел надежду России, независимо от происхождения.

Это князь Григорий Потемкин-Таврический, который уже тогда о еврейской Палестине думал.

Это выдающийся политический деятель Сергей Юльевич Витте, это лидер партии кадетов Павел Николаевич Милюков. Это коммунист Николай Иванович Бухарин. К юдофилам смело можно отнести великих гуманистов Владимира Галактионовича Короленко и Алексея Максимовича Горького, замечательного писателя и человека Константина Паустовского, мужественного поэта и гражданина Евгения Евтушенко и дивного барда Булата Окуджаву, великого

композитора Дмитрия Шостаковича, великого ученого и борца за справедливость Андрея Дмитриевича Сахарова и многих других.

Честные люди планеты понимают, что любая военная или политическая акция Израиля может быть вызвана только одной причиной - необходимостью ответить ударом на вражеский удар во имя защиты своих граждан.

И в заключение два слова об ООН. Было множество антиизраильских резолюций, в том числе и резолюция 3379 Генеральной Ассамблеи ООН «Ликвидация всех форм расовой дискриминации» (10 ноября 1975 года), где утверждалось, что сионизм - это форма расизма. Хотя известно, что сионизм - это политическое течение, цель которого - собрать весь гонимый народ на его прародине. И только!

Правда, эта лживая резолюция все же была отменена 16 декабря 1991 года.

А чего стоит абсурд, когда в ООН в 1983 году о «расизме и апартеиде» в Израиле выступал обвинителем Кхиеу Сампхан, один из вождей кампучийских «Красных кхмеров», виновных в гибели сотен тысяч рядовых кампучийцев.

Надо же докатиться до такого!!! Ай да ООН!!!

В заключение хочу заверить тебя, о дочитывающий до конца эту статью, в том, что сам я по убеждению был и остаюсь интернационалистом. И это не мешает мне любить Израиль и Россию, два моих отечества, не мешает желать мира и процветания всем народам, всем государствам, всему человечеству.

25 октября 2015 года

МОЯ МАМА

Моя мама, Софья Давыдовна Герзон, урожденная Хая-Сара, родилась в 1899 году в семье Давида Моисевича и Эстер-Либы Фроим-Берковны Гильскер.

Дед Давид был рабочий, бабушка - домохозяйкой. Они были религиозные, бесхитростные люди.

В 1924 году мама вышла замуж за моего отца, Авраама Герзона. Она была на десять лет моложе, небольшого роста, с хорошей фигуркой, полная, но тонкокостная, в бабушку Эстер. И у нее было

больное сердце.

Мама поехала вместе с мужем, окончившим медицинский институт, в село. Она ему помогала, стала под его руководством медсестрой, а затем окончила медицинский институт в Киеве, когда я уже был школьником.

Она, приходя вечером к моей кроватке, пела - негромко, задумчиво; улыбка ее была при этом ласковой и грустной, в глазах светилась любовь, святость которой я осознал много лет спустя.

Она и стихи читала, и были почти все они такими же грустными,
как и песни ее.

Однажды мама, работавшая в нервно-соматическом санатории, рассказала, как больной плакал, говоря ей:

- Доктор, меня избивали! Ни за что, я ни в чем не виновен.

Мама служила до войны врачом на черноморском крейсере.

Выбираясь в 1941 году из Крыма, она попала под бомбежку по дороге в Киев. Пропал ее чемодан с фотографиями, документами. Во время эвакуации мама устроилась в поликлинику и вскоре стала известна в Вольске как вдумчивый и толковый невропатолог.

Вскоре ее мобилизовали как военврача.

В госпитале она одно время заведовала хирургическим отделением, будучи невропатологом. Сумела разоблачить вражеского агента с огнестрельным ранением.

Мама даже на фронте отказывалась от алкоголя! Она сказала однажды товарищам-офицерам, обвинившим ее: мол, не уважает их она.

- Если уважение измеряете количеством совместно выпитого, то позвольте мне не уважать вас, товарищи мои, - сказала она и вышла из укрытия, где отмечали праздник.

Войну закончила в Инстербурге, демобилизовалась. Не привезла домой ничего из Германии. Только велосипед мне купила у кого-то.

По дороге домой она заехала в Киев. Дом был цел, но в квартиру - только посмотреть на родные стены - ее не пустил инвалид, захвативший площадь, он грозил ей костылем и кричал:

«Уходи! Убью, жидовка!»

Когда отец вместе со мной слушал «Голос Америки» и другие станции, прорывавшиеся временами сквозь глушители, мама не слушала. Она оставалась пламенным коммунистом, на нас с отцом смотрела, как на наивных детей (чем бы ни тешились, лишь бы не плакали).

Тяжело переживала она смерть моего отца. Когда стали забрасывать гроб, мама стонала:

- Как глубоко, как глубоко ...

После смерти отца она стала таять, она уходила. Целый месяц в санчасти КГБ, где она работала после фронта и откуда ее выгнали во время «охоты на врачей-отравителей», ее возвращали к жизни.

Она вступила в кооператив, уже будучи вдовой, и жила в однокомнатной квартирке рядом с гремящим лифтом.

Она, как и прежде, проявляла добрую заботу обо мне, я старался отвечать ей сыновней взаимностью.

Не раз приходилось мне несколько дней жить там, когда ей было плохо. Даже в эти дни она, несмотря на мои протесты, готовила что-нибудь вкусненькое. В один из моих визитов мама сказала мне:

- Человек не вечен. Близится и мое время уйти. Я хочу тебя ввести в курс моих дел. С квартирой. Со сберкассой. Со всеми документами.

Однажды ей стало совсем плохо. Нужно было длительное стационарное лечение в кардиологическом отделении. Я поспешил к Поляковой, руководителю областного отдела здравоохранения, где мама стояла на партучете и где ей давали поручения, не задумываясь о состоянии ее здоровья (врачи ...).

Где там?! Не помогла Полякова. Ходил еще по здравницам. С тем же успехом. Я недоумевал: мама - врач, войну провела почти всю на фронте, пенсионер медицины - и такое отношение коллег!

Ида обращалась к Шехурдиной, главврачу областной больницы, где работала. Безрезультатно. А положение мамы было жуткое: тахикардия (двести ударов в минуту), аритмия (выпадений больше, чем ударов сердца), слабое наполнение сосудов наощупь.

И вот наша добрая знакомая, замечательный врач и человек, Клавдия Григорьевна Акелькина, договорилась с руководством железнодорожной больницы, где она работала, и маму положили туда. Врач-кардиолог предложил применить электрошок. Но мама боялась, а я - тем более.

Мог помочь аймалин или его советский аналог - лидокаин. Я раздобыл лидокаин, но он не помогал. Когда же дали ампулу аймалина, то - чудо! - три часа сердце мамы работало нормально.

Надо было лететь в Москву за аймалином, но я не решился оставлять на кого-то учащих, которых должен был готовить к госэкзамену по философии. Это было предательство по отношению к маме. Мама, я так виноват перед тобой! Так виноват ... И нет, наверно, мне прощения за это... Я не выдержал экзамен.

Мы в тот жуткий день сели с тетей Лией в палате рядом напротив маминой койки, мама улыбнулась:

- Сидите, как голубки!

Пришли студенты-практиканты, слушали ее сердце. Она завела с ними профессиональный разговор о том, что они слышат в ее сердце и видят в ней как в пациенте. Мне стало нехорошо.

Я боялся за маму, видя в груди ее эту металлическую канюлю с пробочкой, вставленную в вену. Я боялся именно эмболии.

Она ушла 28 февраля 1975 года. Был мороз. Я снял шапку, мой приятель тут же ее нахлобучил обратно мне на голову. И я подумал, что в самом деле теперь не имеет значения ни одно мое траурное действие: я не помог маме выжить, еще немного пожить.

После похорон была тризна по русскому обычаю, я выпил немало, расслабился и не смог сдержаться. заплакал.

Чем старше я становлюсь, тем яснее понимаю, какую светлую роль в моей жизни играла ты, мама, родная моя, незабвенная.

МОЙ ОТЕЦ

(печатается с сокращениями)

Мой отец, Абрам Герзон, родился в 1889 году в местечке Кошеватое Таращанского уезда Киевской губернии в семье раввина Исаака Герзона и рбецн Дворы (Двоси), урожденной Гуревич.

Семья раввина Герзона была ужасно бедной. Там только в субботу ели чуть побольше, и то не всегда. Дедушка, по рассказам, был человек прямой, щепетильно честный, бескорыстный и бескомпро-мисный. Из-за его прямоты, не взирая на лица, и

бескорыстия, возможно, и голодала его семья.

У деда-раввина была сестра по имени Уделе, я ее помню: веселая, добрая, смешливая. У нее и ее мужа Лейба по фамилии Беленький было семеро детей. В этой веселой дружной семье часто бывал мой отец в молодости. Они рассказывали, что он всегда был голоден, но в то же время восхищались его способностями и незаурядной эрудицией.

Кроме отца моего, у ребе были еще три дочери: Гинда, Рахиль и Эстер (Фира). Рахиль стала медсестрой, Гинда - воспитателем детского сада.

Во время Гражданской войны дед мой раввин был зарублен в своем доме вместе с женой буденовцами (некоторые утверждают, что это были зеленые в буденовках), специально искавшими раввина, войдя в Кошеватое.

Волею судьбы ни папы, ни Гинды, ни Рахили в это время вместе с родителями не было, и они поэтому остались живы. Шестилетнюю Фиру родители успели спрятать под кровать, наказав молчать, и их кровь текла под оцепеневшее дитя, слышавшее дикие крики разрубаемых саблями своих папы и мамы.

Их не только зарубили, их разрубили эти звери на куски.

О жизни моего отца до женитьбы я знаю очень мало, от меня скрывали многое, боясь моей детской болтливости.

Знаю, что он учился в йешиве, окончил ее и должен был стать раввином, но его с юных лет влекла позитивная наука, он много времени уделял самообразованию.

После обряда бар-мицва или чуть позже отец ушел из дому, кочевал по России. Спустя годы сдал в Саратове экстерном экзамены за курс гимназии, однако попасть в институт смог лишь после революции.

Разрешение на сдачу экзаменов за курс гимназии он получил от генерал-губернатора. Отца поразило, как принимал посетителей царский чиновник: впустили двадцать человек, он двадцатку выстроил и шел вдоль шеренги. Спрашивал каждого, что ему нужно, и тут же принимал решение, а следовавший за ним писарь вносил это решение в бумагу.

В годы Гражданской войны в России отец был на Волге, в основном, в Саратове. Затем вернулся в Кошеватое. Мне

рассказывали, что он участвовал в еврейской самообороне Украины. А вот о «волжских годах» он мне ничего не рассказывал, мама - тоже. Так это и осталось для меня тайной.

Отец увлекался не только физикой, математикой и астрономией, он знал десять языков: русский, украинский, идиш, иврит, английский, немецкий, французский, латынь, древнегреческий, эсперанто.

Кроме того, как мне рассказала одна из родственниц, москвичка, он довольно хорошо разбирался в изобразительном искусстве, при любой возможности посещал в Питере Эрмитаж, ГРМ, в Москве - Третьяковскую галерею и другие музеи.

Учился отец на физико-математическом и одновременно на медицинском факультетах, а в 1924 году окончил первый медицинский институт в Киеве и стал врачом-терапевтом.

В 1923 году он женился на дочери Давида и Эстер-Либы Гильскер, квартирохозяев, у которых снимал угол. Маму звали в детстве Хаей-Сарой, а впоследствии называли Софьей, это имя было и во всех ее документах, сколько я помню. Она была на десять лет моложе отца моего, обожала мужа преданно всю жизнь.

Отец презирал любые попытки ассимиляции евреев где бы то ни было. Для него слово «еврей» было гордым, светлым. Он любил свой народ, что не мешало ему критиковать многое, казавшееся устарелым, тормозящим, нелепым.

Создание государства Израиль было для него праздником, как, впрочем, и для всей моей родни.

В то же время Абрам Исаакович Герзон мог дружить с любым человеком независимо от национальности. Одним из его лучших друзей был завхоз санатория в Алушке Василий Гаврилович Щербаков. После его смерти от туберкулеза в 1942 году дети Щербаковы считали самыми дорогими людьми дядю Абрама и тетю Соню (мою маму), а папа и мама относились к ним, как к родным. Я - тоже.

Отец мне в анкетах советовал писать, что дед мой по отцу был сельский учитель, и говорил, что это и в самом деле правда, так как в еврейском местечке только раввин обучает детей, но сообщать кому-либо о том, что я внук раввина, не следует ни в коем случае.

- Почему? - поражался я.

- Так будет лучше для тебя и для всех нас.

- Но ты сам говорил, что лгать - скверно.

- Я уже сказал, что ты этим не солжешь. А слово «раввин» в анкете может тебе испортить всю жизнь.

И я чувствовал себя как бы ущербным в советском статусе своем.

Я уже в возрасте 5 лет был обучен чтению. Это произошло сказочно быстро: отец все объяснил легко и радостно. За моим чтением он не следил (он всегда лишь советовал, оставляя свободу выбора). В шестом классе он рекомендовал мне прочесть «Дон Кихота» Сервантеса, кое-что рассказав о романе, потом - Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Он умело обратил мое внимание на Шолом-Алейхема и Фейхтвангера, моих любимых писателей.

Жюль Верна и Майн-Рида тоже отец советовал читать. Он же сказал мне, что Жюль Верн - еврей. От отца я услышал о Менделе Мойхер-Сфориме, о Бялике и о Гершеле Острополере.

Позднее отец мрачно и нервно рассказывал, как в селах Украины люди умирали от голода, а врачей заставляли писать любой диагноз, но только не истинный. Иначе - гроб тебе, доктор.

Он работал над диссертацией, но в связи с моей тяжелой болезнью по совету специалистов для моего спасения в 1937 году выехал в Алупку (Крым). Тем самым погубив собственную научную карьеру. В Крыму он работал врачом в санатории до мая 1941 года.

С мая по июль он был помощником начальника санатория НКВД в Пуще-Водице под Киевом. Оставался таким же немногословным и суровым. Но беседы наши были праздником, он умел в немногих словах выложить огромную информацию.

Он помогал мне всегда, если возникали трудности в учебе, особенно в математике, и я поражался его умению сделать понятным и как бы простым то, что казалось только что абсолютно непостижимым.

Сталина он ненавидел, презирал, называл «Йосэлэ», а также - «дер гройсэр Ребе», а однажды, когда я восторгался ботинками, которые отец мне купил, он саркастически произнес:

- Ну да, конечно, спасибо товарищу Сталину?

После эвакуации из Киева отец был начальником санчасти в Тюменской колонии №9, где буквально пачками комиссовал заключенных, осужденных по ст.58 УК СССР, а также - бедняг, подобранных колосок на поле и за это осужденных.

Как он не боялся быть сам осужден за свои гуманные, но противозаконные действия, я не представляю. Возможно, он действовал заодно с капитаном Каратеевым, начальником колонии и его близким приятелем.

С Каратеевым они вместе служили и в Казахстане, где отец был начальником санотдела УИТЛК Северо-Казахстанской области до 1947 года, оставаясь капитаном м\сл, не вступая в партию и не стремясь дальше «наверх».

Он был чужд карьеризму, а партию коммунистов не уважал (мягко выражаясь).

Мама прошла от Волги до Инстербурга с эвакогоспиталем 4802 и демобилизовалась в начале 1946 года капитаном м\сл. Приехала в Омск, где жила ее сестра Лия и моя бабушка Эстер, их мама, а также я.

Поэтому и отец перевелся в Омск, начал работать врачом в одной из колоний.

Однако в начале 1948 года его поразила гепатит (это была вторая тяжелейшая болезнь после тифа в 1943 году, когда он с трудом поднялся), еле удалось его поднять с помощью клюквы с сахаром.

Резко пало его и без того плохое зрение. Он был вынужден уйти на инвалидность.

В последние годы отец плохо видел. После неудачной операции на глазах почти совсем ослеп.

Горько было видеть, как трудно ему пользоваться шрифтом Брайля, как медленно, с трудом, стучит он грифелем по доске (слепой студент, учившийся со мной в вузе, с невероятной скоростью выстукивал такие буквы, конспектируя лекции).

Не имея возможности читать книги и газеты, он слушал радио, где ему нравились детские передачи. Он говорил, что в них меньше лжи.

Потом я раздобыл хороший приемник, и мы тайно слушали Би-би-си, голос Америки, Ватикан, радио «Свобода». А с каким волнением слушали Израиль, когда его голос прорывался сквозь глушилку!

Благодаря заботам мамы отец мой прожил до января 1965 года. Мог бы жить еще и еще. Но его поразила инсульт. Приходили врачи. В том числе - светила. Подбадривали ележными голосочками.

Он холодно возражал им, что знает диагноз и понимает ситуацию прекрасно. Отец до конца вел себя мужественно.

Он был суровым, но добрым человеком. В Алушке по его указанию я носил часть обеда, получаемого в санатории, очень бедным старику и старухе, жившим по соседству.

Они благодарили, а он говорил, как бы обращаясь и ко мне, и еще к кому-то: «Несчастные».

Из немногих и кратких отцовских поучений больше всего поразило и запомнилось: «Бойся сладеньких!»

Он был прав, жизнь убедила меня в этом.

Подхалимов презирал. Хвастунов - тоже. И уважал людей честных и трудолюбивых.

Он гордо пронес сквозь нелегкую и честную жизнь свою принадлежность к великому (да не убоимся мы этого слова) и многострадальному народу - евреям.

Но не было в сердце его ни шовинизма, ни расизма, ни тщеславия.

Благословенна память о нем.

ХВАЛА И БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья была подана на сайт «История советского еврейства»

Мне выпала в жизни удача (**и честь**) лично знать Самуила Жидовецкого (а также его жену Шифру), одного из самых выдающихся людей прошлого, двадцатого века. Беседы с ним произвели на меня такое впечатление, которое можно сравнить с внезапным разрывом в густой облачности, обнажающим чистую голубизну небес и яркое сияние нашего светила – Солнца.

Я не преувеличу этого события, если скажу, что именно после бесед с Самуилом я стал осознавать себя евреем, хотя мои родители – евреи во всех поколениях, с обеих сторон.

Библиотека Самуила – это источник знаний, который в дни визитов питал мой прижатый марксизмом к земле разум. Я понимаю значение библиотек таких героев не понаслышке, а по личному контакту с подобным центром, самым значительным. Тем не менее фундаментальный труд профессора Моше С. Жидовецкого стал для меня открытием. Читая в 1990-е годы тома этого исследования, я

узнавал столько нового, что вряд ли получил бы такой объем ценнейшей информации, листая долгие часы другие тома в библиотеках Советского Союза.

Изданный в 90-е годы прошлого века «Сборник статей по еврейской истории и литературе», составитель и редактор которого профессор Моше С. Жидовецкий, поражает прежде всего строгой документальностью, опорой на подлинники (фотокопии документов, фотографии и т. д.), чего – увы! – так часто не хватает многим более ранним и более поздним, а особенно - сегодняшним изданиям, претендующим на научность и объективность.

Использованы подлинники и только подлинники! Использованы фонды фундаментальных библиотек России, США, Израиля, архивов, малодоступные источники, предоставленные также и частными лицами. В ряду материалов, представленных в томах «Сборника статей», наибольший интерес лично у меня вызвала работа проф. Жидовецкого «Сетмасс – социум советского еврейства».

Особое впечатление произвели на меня строки о Втором съезде евреев-воинов, открывшемся 8 мая 1918 года (!!!) в Москве. В частности, резолюция съезда. С волнением читал: **«Самооборона, как общенациональное дело, должна быть создана объединенными силами всех национально-общественных организаций в деловом контакте с властью».**

Тема самообороны всегда меня будоражила как прообраз грядущей войны новорожденного Израиля за независимость.

Узнал я много и о деятельности Самуила Жидовецкого, направленной фактически на сохранение еврейства в стране тиранического социализма, а по сути – деятельности, враждебной режиму, подавляющему все свободы, им же провозглашенные, в том числе и свободу национального самовыражения.

Мне стала яснее деятельность Евсекции компартии, по сути – антисемитской, юдофобской.

Тяжело читать разделы II и V части второй книги II этого труда: По следам Катастрофы и Памяти ушедших. Но это чтение лишь усиливает общий накал мыслей и эмоций, вызванных углублением нашего понимания трагической и в то же время героической истории советского еврейства.

Впечатляет произведение Романа Трахтенберга «Леня, ты слышишь, это я ...» из книги III «Сборника статей», где приведены и стихи Леонида Трахтенберга, меня взволновавшие. Еще и еще раз

думаешь о тех возможных Альбертах Эйнштейнах, Иосифах Бродских, Давидах Ойстрахах и великих Михоэлсах, которые ушли в дым из печей Аушвица.

Наконец, не могу обойти молчанием работу Самуила Жидовецкого «Еврейский вопрос и Шолом-Алейхем» (книга IV сборника). В ней представлены 15 ранее не публиковавшихся__писем великого еврейского писателя к великому русскому писателю Л. Толстому, а также – к моим с детства любимым В.Г. Короленко и М. Горькому.

Полностью согласен с А. Суворовой в том, что проблема их взаимоотношений выходит за рамки обмена письмами по поводу конкретных событий и фактов.

Подводя итог, хочу выразить глубочайшую благодарность профессору М.С. Жидовецкому за его титанический труд, дающий возможность любому мыслящему человеку, еврею ли, представителю ли любой другой нации, народности, получить материал для глубоких рассуждений о судьбе уникального народа и луч света для озарения этого не простого пути.

Кроме того, хочу поделиться неожиданностью открытия новых сторон и новых для меня героев той интенсивной и в то же время неофициальной деятельности, которая кипела в советском еврейском ишуве во имя сохранения национального самосознания доброго и веселого народа, негасимый смех которого долго-долго звучал сквозь слезы.

Мне известна также и современная деятельности проф. Моше Жидовецкого, которому желаю от всей души новых творческих успехов в борьбе за жизнь и счастье еврейского народа – против сил зла, неоправданной ненависти и ледяного равнодушия к проблемам евреев и против врагов маленькой, но великой Страны Израиля.

Последнее, что хотелось бы сказать. Я знаком и давно дружу со многими русскими российскими интеллектуалами, которые стоят сегодня на позициях Горького и Короленко.

Я хочу от глубин всей моей благодарной души пожелать им здоровья, успешности и счастья, а великому русскому народу – прозрения по отношению к евреям, которые никогда не были его врагами.

Алекс бен Авраам, Израиль

Послесловие.

Эта небольшая статья была мною написана несколько лет назад, когда профессор Моше Жидовецкий был еще жив и трудился, полный сил и замыслов.

Память о нем светла в душе моей.

Как и его отец, Моше был сионистом, что не помешало ему в годы Великой Отечественной войны советского народа, как и его старшему брату, сложившему голову на поле боя, храбро сражался с захватчиками.

Он был командиром группы, действовавшей в тылу Германии. Он был таким же героическим тружеником после войны.

И продолжал борьбу с юдофобией в Израиле.

Мои визиты к нему в Реховот были как бы праздником. И всегда при этом, я чувствовал, витали над нами души отцов и матерей наших.

*Что раздашь – твое (Шота Руставели,
«Витязь в тигровой шкуре»)*

НАШ ОБЩИЙ ДРУГ

(из газеты «Новости недели» от 21 10 2002 года)

В последний четверг мая клуб пенсионеров «Надежда» поздравлял родившихся в этом месяце. Среди них был и Моше Луфер, старейший (93!).

Моше сидел за столиком, задумался. Но тут зазвучала «Тумбалалайка». Лицо Луфера оживилось, он подошел к микрофону, и солист с улыбкой отдал его старому знакомому.

-Тумбала, тумбала, тумбалалайка, - зазвучал могучий, от природы поставленный голос, которому микрофон вовсе не нужен.

И мне вспомнилась наша первая встреча.

Это было в октябре 1992 года. Я пришло на празднование дня рождения одного из пенсионеров-олим.

- Лом мир алэ ин эйнем, ин эйнем, - раздался вдруг сильный голос

- Моше, Моше, - ответили радостные возгласы, и песню подхватили..

Мне вошедший показался огромным и могучим, как и его баритон. Позже я удивленно отметил, что он даже чуть ниже среднего роста.

Есть нечто волнующее любого. Кто общается с ним. Это - детская распахнутость души, радостное стремление делать хорошее людям.

- Вы знаете, - восхищенно сказала одна пенсионерка, - вы знаете, у меня развалились туфли, и Моше починил их. Как новые! Спросила, сколько должна. А он мне: только за материал.

- Моше, ты работал там сапожником?

- Нет. Когда я был юношей, наш сосед сапожничал, - объясняет Луфер. - Я помогал. Вот и научился. Теперь выручаю знакомых.

- А инструмент сапожный?

- Я привез весь инструмент: и слесарный, и столярный,

- И эту гитару тоже из Киева привез?

- Конечно. Я ее повесил верез плечо. Так и прибыл в Эрец Исраэль, - улыбается он.

Спустя неделю я вдруг увидел, как Моше идет с инструментами. Слегка приотстав от знакомой пенсионерки.

- Надо починить ей кран, - сообщил он.

И починил. И с нее тоже не взял ничего.

В субботу мы пришли в синагогу.

- Хорошо переплел? - спросил Моше.

- Как? Этот молитвенник переплел ты?

- Не только этот: все старые молитвенники.

- Также в Союзе научился?

- Переплестать я научился здесь. Ходил в клуб престарелых на улице Рав Кук, там - кружки. Трудотерапия для стариков. Там и был один мастер, мой тезка. И я овладел этим делом. Хочешь - научу?

Друзья называют Моше «не сломленным» (в прямом и переносном смысле слова).

... Утром шел на работу (был «дедушкой» в детском саду). Переходил шоссе, как всегда, в положенном месте. Но автомобиль мчался - и сбил его. Была сломана нога в пяти местах.

- Замечательные хирурги в Израиле, - показывал рентгенограмму Моше, выйдя из больницы. - починили меня. Правда, в ноге - металлические планки, без палочки я теперь не выхожу из дому.

Иврита Моше не знает. Но, идя к Торе, всегда берет листок и

читает текст молитвы четко, выразительно.

Мальчишкой пришел Моше на завод = и проработал на нем 63 года! Прошел путь от рабочего-фрезеровщика до старшего мастера участка сборки, окончил вечерний техникум.

Не сосчитать его рацпредложений. Были и изобретения. Одно оказалось настолько важным для Министерства обороны СССР, что полученный гонорар позволил сразу приобрести мебель, телевизор, радиоприемник и новые пальто для взрослых дочерей.

Он гордится и сейчас орденами Красно звезды и «Знак почета».

Конечно, большим счастье для Луфера оказалось то, что рядом была такая удивительная жена, как Соня, с которой он прожил 58 лет. Она помогала ему, всегда понимала его.

Вместе с мужем Соня мечтала о Святой земле, об исторической родине. Уже оформили документы. Но ей не суждено было: ушла навсегда незадолго до выезда в Эрец Исраэль ...

- Когда мы сюда приехали. Были женщины, которые готовы были выйти замуж за папу, - говорит Лариса, младшая дочь, вместе с которой снимает квартиру Моше. – Но он так и остался один.

- Нет, он не один, - возражают ей, - а ты, а Лина, старшая дочь? А внучки, а правнуки? А зятя? Все вы о нем заботитесь! А он – о вас!

– А мы?! – вмешивается кто-то из новых репатриантов. – Мы все – его друзья! И он наш друг! Всеобщий друг!

–

ДАРИТЬ СЕБЯ ЛЮДЯМ

*(Печатается из газеты «Новости недели»
от 20 сентября 2004 года с сокращениями.)*

Извинение. К сожалению, я неправильно писал имя. Надо: Нона. С одним «н». Как в документах.

« Нонна приглашает ...21 июня в зале хостеля – фильм-опера « Самсон и Далила » « ... 9 августа 2004 года. Прокофьев, « Ромео и Джульетта » ... В главной роли - Галина Уланова ... »

Такие объявления видят жители хостеля в Рамат-ашароне не первый год: по понедельникам здесь проходят вечера встречи с классической оперой и балетом. Перед фильмом – короткое

выступление Нонны Бар-Эли, ведущей. Она владеет русским языком. Неторопливая речь ее приятна и доходчива. Подобный лекторий более двадцати лет ведет эта обаятельная женщина и у себя дома для своих друзей. Ее видеотека необычайно богата.

- Я мечтала петь в опере, - признается Нонна. – У меня было лирическое сопрано. Училась вокалу. Но получилось так, что выступила лишь один раз в концерте.

- Нонна, почему же вы не стали петь в театре? Секрет?

- Нет, - на какое-то малое мгновение возникает пауза, - просто я вышла замуж и передо мной встал выбор: сцена или любимый человек. Я выбрала своего мужа.

Для лучшего восприятия фильмов в зале нужен большой телевизор – и по ее просьбе Бруно Ландсберг, хозяин фирмы «Сано», известный своей любовью к искусству, подарил хостелю прибор с экраном в 29 дюймов. Нонна отмечает также немалую роль в этом событии и секретаря Ландсберга, Рахели Эльягу:

Каждому Нонна дарит улыбку, доброе слово. Никто никогда не слышал, чтобы она повысила тон там, где кем-то явно допущена бестактность. Она понимает людей.

Нонна Шер родилась в 1924 году в Краснодаре, куда отец ее переехал с семьей в годы нэпа. Оттуда - в Бессарабию, а в 1939 году семья покинула Бендеры и оказалась в Бухаресте.

Нонна ярко помнит землетрясение 1940 года и погром в Бухаресте. А в следующем году два парохода довели 600 еврейских детей, среди которых была и она, до Стамбула.

Дальше ехали поездом до Алеппо, где им был устроен горячий прием. Затем - в Бейрут, оттуда – в Атлит. Вскоре Нонна Шер поступает в гимназию в Тель-Авиве.

– Я не знала иврит. Взяли учителя, - вспоминает она. – Былотяжело, подрабатывала. Но ко мне относились хорошо, да и сама я всегда любила учиться. Особенно – изучать языки.

В 1947 году девушка едет в Румынию, забирает мать и брата (отец умер во время войны). А 21 сентября того же года выходит замуж за Шабтая (Штефана), сына Эли Хамермана.

Муж Нонны родился в Берлине в интеллигентной семье. Отец его, адвокат, переехал с семьей в Польшу. Юноша Штефан вскоре эмигрировал в Палестину, шесть лет воевал с фашистами в авиации

британской армии, восемнадцать лет прослужил в Израильской авиации и вышел в отставку в 1963 году в звании полковника. Несколько лет он был послом страны в Венесуэле.

Когда его отправляли в командировку в Соединенные Штаты Америки, Бен-Гурион сказал:

- Ты едешь как представитель Израиля. Нужно соответствующее имя. Твой отец – Эли. Твоя фамилия - Бар-Эли.

Муж ее знал десять языков, Нонна тоже полиглот: идиш, русский, иврит, немецкий, английский, французский, румынский, испанский и латинский.

Большую работу проводила она в первые, самые трудные годы молодого государств Израиль. Пригодилось знание языков,

Нонна активно участвовала в приеме алии, в абсорбции, колесила по всей стране. Уставала, но не жалела сил своих.

Около сорока лет она водит автомобиль. А сейчас научилась работать на компьютере. Входит в Интернет. Ее день расписан по часам, но она всегда может найти время для того, кто нуждается в ее совете или помощи.

Много трудностей пришлось пережить. Она рано осталась вдовой. Потеряла дочь, унесенную неизлечимой болезнью. Но жизнь продолжалась, трое детей наградили ее девятью внуками и внучками, а сейчас Нонна уже и прабабушка.

Прекрасные слова произнесла Елена Аленберг, ответственная за культурно-массовую работу в хостеле:

- Есть удивительное слово «митнадев», доброволец. Нонна – митнадевет. Как и всякому добровольцу, ей присуща жертвенность. Жертвенность – это состояние души. Это – масса затраченных нервов и времени. И в результате Нонна вовлекает в сферу своих высоких интересов, даря людям дополнительное духовное богатство.

Алекс бен Авраам, Рамат-ашарон, 17 августа 2004 года.

ДРАМА

ДОПРОС КОМБРИГА

Одноактная пьеса

Действующие лица:

Самуил Штаркман , комбриг

Иван Трухан , следователь

Лев Шне йдер , следователь

Охранник

Действие происходит в Москве, на Лубянке, в июле 1941 года. Кабинет следователя. Стол, стул, табурет для заключенного. В кабинете - лейтенант Трухан, комбриг Штаркман, охранник с винтовкой у двери.

ТРУХАН. Ну, враг народа, признаешься ты, наконец, в том, что хотел взорвать Каменный мост в Москве и убить нашего дорогого вождя товарища Сталина?

ШТАРКМАН. Я уже сказал тебе, лейтенант, что оговаривать себя не стану. Я дальневосточный казак, хоть и еврей, я комбриг Красной армии, я воевал на Хасане и на Халхин-Голе, я воевал в Испании ...

ТРУХАН. Не хвались, жид!

ШТАРКМАН. За жида ответишь, следователь.

ТРУХАН. Не смейся. Ты, контра, есть враг нашего народа и подлежишь лагерям или расстрелу. А я твой следователь. И воин, который у двери, никогда не подтвердит эту твою ложь, что я тебя, жид поганый, обзывал жидом. Потому что он думает так же, как я ... Так что сознавайся покороче, а то у меня еще много дел сегодня.

ШТАРКМАН. Пошел ты ...

Трухан делает знак охраннику, тот бьет Штаркмана по голове прикладом. Штаркман падает.

ТРУХАН. Мог бы и не так сильно. Убил его, что ли?

ОХРАННИК. Нет. Огловушил только. Они, жида, живучие.

Трухан льет воду из графина на голову Штаркмана.

ШТАРКМАН (поднимаясь). Я подам рапорт вашему начальству.

ТРУХАН. Вставай, садись на табурет. Ты еще не представляешь, куда ты попал и что мы с тобой делать будем, контра.

Входит Шнейдер. Трухан вскакивает, отдает честь. Солдат также отдает честь вошедшему. Шнейдер небрежно кивает Трухану, охраннику жестом предлагает покинуть кабинет.

ШНЕЙДЕР. Трухан, ты свободен. Придешь (смотрит на часы) через двадцать минут, а я с ним один на один побеседую.

ТРУХАН. Но ведь ...

ШНЕЙДЕР. Я кому сказал? Через двадцать минут. Не раньше и не позже.

Трухан удаляется, погрозив кулаком Штаркману и молча приложив палец к губам.

ШНЕЙДЕР. Так, враг народа Штаркман, я вижу, что ты не хочешь сознаваться? Тебя еще не били, не пытали?

ШТАРКМАН. И ты туда же! Ты ведь прекрасно знаешь, что я никакой не враг народа. Я воин, командир, коммунист с тысяча девятьсот ...

ШНЕЙДЕР. Ошибаешься, Самуил Маркович, я прекрасно знаю твои военные заслуги, но я также знаю, что ты по пьянке хвастался, какой ты умный и смелый, какой заслуженный комбриг, ты возмущался, что комбриг – это прослойка между полковником и генерал-майором, что тебе давно уже должны были бы присвоить звание ...

ШТАРКМАН. Мне читал следователь эту подлую клязу.

ШНЕЙДЕР. Не клязу, а информацию. От нашего секретного сотрудника.

ШТАРКМАН. От подлого стукача.

ШНЕЙДЕР. Ах, Штаркман, Штаркман, служил ты хорошо, да вот зазнался и поэтому связался с английской разведкой. Хорошо, что не с немецкой. Мы тебя враз поставили бы к стенке. Война идет, подлый враг наступает, к Москве рвется.

ШТАРКМАН. Пустите меня на фронт! Дайте мне мою бригаду. Все поляжем, но не пустим врага в столицу.

ШНЕЙДЕР. Раскудахтался. Какой фронт? Ты же предатель, враг народа! Я тебе советую: не тяни резину, признайся, подпиши – отсидишь немного в лагере и тогда уж попросишься на фронт. Рядовым бойцом.

ШТАРКМАН. Какой я враг? Какая английская разведка? Ты поверил этой напраслине? Вижу, что не поверил. Но стараешься быть святее

папы римского, потому что ты – такой же жид, как и я. Он не только жидом меня обзывал, он велел охраннику бить меня, сволочь.

ШНЕЙДЕР. Послушай, ты зря упрямишься. Трухан тебя будет пытаться. Мучительно. Возможно, изуродует. А кончится все тем же: подпишешь.

ШТАРКМАН. Этот юдофоб не добьется от меня подписи. Лучше я умру, чем дам гниде победить меня. Эта сволочь порох нюхала только на расстрелах. Палач! И ты сам, хоть и гладко стелешь, – ты тоже палач.

ШНЕЙДЕР. Что Трухан – юдофоб, я знаю. Меня он тоже люто ненавидит. Только достать не может. Он в моем подчинении. И глаза свои ненавидящие прячет.

ШТАРКМАН. Пока он не может достать тебя. Но достанет со временем. Вспомнишь тогда меня. За что мы кровь проливали, Лева? Ты еще не забыл нашу Первую Конную? Лихой ты был рубака. А стал кем? Палачом. С труханами заодно, с душегубами.

ШНЕЙДЕР. А ты кем стал, Самуил? Предателем Советской Отчизны, английским шпионом, на самого вождя нашего руку поднял!

ШТАРКМАН. Ушам своим не верю.

ШНЕЙДЕР. Но я тебя жалею, несчастный. Все же мы оба евреи. Наш народ столько терпел при царской власти. Черта оседлости, кантонисты, погромы ... Богатые евреи ухитрялись жить и в ту пору припеваючи, а народ еврейский: сапожники, портные, биндюжники, кузнецы, бочары, заводские рабочие еле-еле концы с концами сводили, да еще дрожали от страха перед погромами ... И вообще ... И кинулись мы с тобой в революцию, и пошли мы за большевиками, за Лениным ...

ШТАРКМАН. Не читай мне политграмоту, чекист. Лучше отпусти меня в камеру, к товарищам. Я даже не успел поговорить с ними, когда меня впихнули туда и через пять минут вызвали на допрос.

ШНЕЙДЕР. Что ты сказал? К товарищам? Да там же одни враги народа, в той камере! Я вижу, что ты не собираешься покаяться и признаться. Дурак ты, комбриг.

ШТАРКМАН. Я никогда не признаюсь в том, чего на самом деле не было. Меня уже стукнул охранник в этом кабинете.

ШНЕЙДЕР. Идеалист несчастный, ты еще не испытал ничего. Все впереди. Тебя Трухан заставит стоять без сна много суток подряд, тебе он потом даст присесть, но на ножке табуретки. Тебя будут бить кирпичем, заложным в валенок, резиновой палкой будут охаживать

по всем местам болезненным.

ШТАРКМАН. Не посмеют, я буду жаловаться товарищу Сталину ...

ШНЕЙДЕР. Дурак ты. Сам товарищ Сталин разрешил нам применять к врагам народа ...

ШТАРКМАН. Врешь!

ШНЕЙДЕР. Ай хэв дан май бест.

ШТАРКМАН. Не понял.

ШНЕЙДЕР. Я сказал по-английски, что сделал все возможное.

Теперь, когда я понял, что ты дурак, мне тут больше делать нечего. Но все же напоследок еще раз скажу: подпиши. Твою подпись могут просто подделать. (к двери кричит). Эй!

Входит охранник. Стоит у двери. Шнейдер уходит.

ШТАРКМАН. Почему ты меня стукнул прикладом? Что я тебе плохого сделал?

ОХРАННИК. Я выполнял приказ.

ШТАРКМАН. А если бы тебе приказал он убить меня?

ОХРАННИК. Приказ не обсуждается. Приказ выполняется.

ШТАРКМАН. Ты тоже ненавидишь жидов?

ОХРАННИК. Так точно!

Входит Трухан.

ТРУХАН. Ну и о чем же два жида тут побеседовали? Я об этом доложу, кому следует.

ШТАРКМАН. Я вижу, вы со Шнейдером ведете со мной игру в два следователя: один – плохой, другой – хороший. Он тоже советовал мне подписать клевету на самого себя. Да так ласково.

ТРУХАН. Подписал?

ШТАРКМАН. Конечно, нет. Но вот что я тебе, палач, скажу. Пройдет какое-то время – и ты вместе с твоим шефом Шнейдером будете здесь на моем месте, а кто-то из ваших подчиненных, возможно, даже этот воин, который меня, безоружного, сзади по башке двинул, будет вас допрашивать как врагов народа – и бить, бить, бить.

ТРУХАН. А пока это не случилось (и я надеюсь, что не случится), мы из тебя душу вытряхнем, но заставим признаться в том ...

ШТАРКМАН. ... в том, чего я не совершал.

ТРУХАН. Именно! (Хохочет – долго, истерически) И мы тебя расстреляем. Да-да, расстреляем. Никаких лагерей, никакого лесоповала. Расстрел! А перед этим будем тебя бить, бить, бить! (Звонок телефона. Трухан берет трубку.) Трухан слушает. (Встает,

вытягивается. Отдает честь. Молча кивает головой. Громко, очень громко). Товарищ генеральный комиссар, все будет выполнено немедленно. (Опускается на стул в изнеможении. Говорит как бы самому себе). Ну, жид, твоя звезда.

ШТАРКМАН. Что стряслось, чекист?

ТРУХАН (торжественно и четко). Товарищ генерал-майор, по указанию Генерального комиссара НКВД товарища Берия вы немедленно отправляетесь в распоряжение командующего шестнадцатой армией генерал-лейтенанта Рокоссовского по его личной просьбе. Вы получаете возможность загладить свою вину перед партией, государством и народом. Вы свободны.

ШТАРКМАН. Рокоссовский ... Вспомнил боевого товарища. Не то, что палач Шнейдер. Меня выпустят, не задер-живая?

ТРУХАН. Так точно. Ваше дело закрыто по личному распоряжению товарища Берия. (Пауза). Возможно даже, вы не виноваты. Не поминайте лихом. Сейчас идут тяжелые бои на фронте.

ШТАРКМАН. Советую вам, лейтенант, не тратьа время попусту, подать рапорт о вашем желании отправиться на фронт.

Штаркман выходит.

ТРУХАН. Выскользнул. Как лещ из руки, выскользнул. (Охраннику). Что ж ты его так слабо стукнул прикладом, боец-молодец?

ЗАНАВЕС.

СВАТОВСТВО

КОМЕДИЯ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЭЛИЭЗЕР – крепкий, еще работающий мужчина, 65 лет

ИОСИФ – старый и слабый мужчина, 80 лет

ХАВА – стоматолог, 60 лет

Место действия – один из не очень больших городов

Большого Тель-Авива

Салон в доме Хавы. Мебель Дакс (или любая другая).

На столе – фрукты, Хава ставит на стол бутылку пепси-ко-

лы. Звонок в дверь. Зло, громко и басовито лает собака.

ХАВА. Это звонит жених, свататься приехал. А бедная собака голодна, моя верная Венера голодна! Я дряннь, забыла из-за этого сватовства ее покормить. (Кричит). Венера! Я тебя сегодня побалую! (Радостный лай). Чуть позже накормлю тебя, моя собачка. (Громко). Венера, я уже готовлю твой обед! (Радостный лай). Вот и славно (Открывает дверь). Проходите, пожалуйста. (Входят Иосиф и Элиэзер). Как?! Вы вдвоем? Я думала, что придет только один человек ... Мойше сказал ...

ИОСИФ. А у вас тут хорошо. Домик почти приличный снаружи. Собачонка хорошо заперта? Когда я ее увидел во дворе за ветхой загородкой, то принял за теленка. А когда залаяла, ахнул.

ХАВА. Венера умная, знает, на кого бросаться, и знает, что нельзя ломать загородку – даже ветхую. Садитесь, пожалуйста, за стол. Наверно, хотите пить? Пепси-кола только что из холодильника. Меня зовут Хава Гольдберг, как вам, наверно, сказал мой коллега Мойше. Хава садится на диван, изучающее разглядывает гостей.

ИОСИФ. Очень приятно, Хава (садится за стол). Я Иосиф. Иосиф Декельбаум. Иосэф бен Хаим. Или Осип Ефимович – так меня звали в Омске и последние два года в Москве. А это мой друг – Элиэзер.

ЭЛИЭЗЕР. Да-да. (Хочет сесть на диван, смущается, передумывает. Садится за стол). Меня зовут Элиэзер.

ИОСИФ. В Киеве и в Москве друзья звали его Лазарь. А вообще - Анатолий. Анатолий Авдеевич. Потому что его папу звали Авигдор, то есть Авдей. Да, согласитесь, что «Лазарь» и «Анатолий» звучит почти одинаково. Правда? Особенно у косноязычных. Я в Москве работал вместе с ним два последних года перед репатриацией. А родился я и до того жил в Омске. Я сибиряк.

ХАВА. Скорее я бы подумала на вашего друга Элиэзера, что он сибиряк. Он такой крепкий мужчина, такой солидный. А вы ...

ИОСИФ. Я тоже в его годы, пятнадцать лет назад, был мужчина крепкий и солидный. Плечи у меня были – во! (показывает раскинутыми руками и хохочет) Я мог часами ходить по Тель-Авиву в июле и не пить воду ...

ХАВА. Не может быть! Вас бы давно в живых не было!

ИОСИФ. Честное слово, ни капли воды. Правда, пил пепси-колу. Много. Я мог не прятаться на улице в тень в самый жаркий полдень. Да-да. Я не прятался в тень, я просто ходил по огромному каньону

Дизенгоф или другому и делал маленькие покупки несколько часов. А иногда не покупал ничего. И еще я мог не есть ничего от завтрака до ужина. То есть двенадцать часов. Ничего. Представляете?

ХАВА. Нет. Не представляю.

ИОСИФ. Ничего не ел. Плитка шоколада – и все. Никакой еды! Да я еще и сейчас хожу по утрам каждый день по десять километров пешком...

ХАВА. Почему вы все время говорите и говорите о себе?! Дайте и Лазарю что-то сказать о себе!

ЭЛИЭЗЕР. Абсолютно правильно.

Элиэзер снимает с плеча сумку, вынимает бутылку водки, ставит ее на стол.

ИОСИФ. Ай да Лазарь! Молодец! Коль акавод. Вот она – мудрость жизни. Водка. Без лишних слов. Действительно, давайте, идн, еврей, для знакомства по рюмочке. Тогда язык и у Лазаря развяжется. Я думаю, под водку закуски немного найдется у вас, Хава? Фрукты под водку как-то не очень, понимаете? Может быть, колбаска, селедочка, а? Или даже котлетка, а?

ХАВА. Вы от скромности не умрете, адони, господин мой. Но у меня есть все. Зря вы тащили эту бутылку. Но сначала скажите, кто из вас сватается? Или вы конкуренты? Или ... я вообще ничего не понимаю.

ИОСИФ. Видите ли, Лазарь в принципе вдовец, а я в принципе женат. Отсюда следует, что как бы сватается он. Ну, и я тоже как бы с ним приехал ...

ХАВА. Что? И вы тоже сватаетесь? Вы от жены уходите? Или что? Не понимаю, Мойше мне сказал, что один кандидат будет. Что же случилось?

ИОСИФ. Спокойно, савланут, терпение. Таки да один кандидат. И это - Лазарь. Я просто взят для словесной поддержки. Суть такова. Лазарь уже два года безутешный вдовец. Мы ему посоветовали жениться.

Что жить бобылем?! Но ведь надо найти подходящую женщину.

Верно? Вот шадхан Мойше указал вас.

ХАВА. Простите, Мойше – мой коллега, семейный врач, а не шадхан.

ИОСИФ. Ну да. Он и наш семейный врач, поэтому он как толковый врач и решил, что и вам, и Лазарю хорошо будет вместе. Поэтому выступил в роли свата, шадхана. Но, как видите, Лазарь – скромняга, смущается, робеет. Поэтому попросил меня поехать вместе с ним, а нашему общему семейному доктору Мойше мы просто не сообразили своевременно сообщить об этом, поэтому и он вам не сообщил.

Извините уж нас, пожалуйста.

ХАВА. Так, значит, свататься приехали вы, Элизер?

ИОСИФ. Он. Он приехал свататься к вам. Можете не сомневаться. Я, например, на его месте только к вам бы и посватался.

ЭЛИЭЗЕР. Ну да.

ХАВА. Отлично. Все поняла. Сейчас принесу закуски и графинчик коньячку.

ИОСИФ и ЭЛИЭЗЕР вместе. Коньячку! Графинчик! Отлично!

ХАВА. Сию минуту.

Хава уходит. Иосиф встает, ходит по комнате. Он явно недоволен.

ИОСИФ. Лазарь, она права: почему я должен говорить за тебя? Кто приехал жениться на этом богатстве? На этом пышном теле? На этой роскошной усадьбе? На этой собаке. Я или ты?

ЭЛИЭЗЕР. Да ты мне рта не даешь раскрыть. Но женщина мне не очень нравится.

ИОСИФ. Почему? Она довольно милая. А грудь какая пышная?! А губы какие трепетные?! А какие умные глаза?! Ты заелся, дорогой друг мой! Если бы я не стоял на пороге золотой свадьбы со своей Мирэлэ, я бы стал твоим соперником в борьбе за эту женщину.

ЭЛИЭЗЕР. Да разве можно ее сравнить с твоей Мирой?! Мира – стройная, характер – спокойный, у нее такое чувство юмора! А какие у нее волосы! В ее-то возрасте! И как готовит гефилте фиш!

ИОСИФ. А пироги какие!! А кисло-сладкое жаркое?! А компот?! Салат «Оливье»?!

ЭЛИЭЗЕР. Будь она лет на пятнадцать моложе, я бы отбил ее у тебя.

ИОСИФ. Наконец-то я слышу речь не мальчика, но мужа. Вернее, жениха. Не исключено, что и эта Хава отлично готовит, что она будет спокойна, выйдя за тебя замуж, что к ней вернется чувство юмора. И что благодаря любви и браку она станет более стройной. Завидую твоей усадьбе! Мы же с Мирой останемся в своей однокомнатной квартирке в хостеле, где все удобства спрессованы ...

ЭЛИЭЗЕР. Эта Хава какая-то нервная. Недоверчивая. Настороженная.

ИОСИФ. Это понятно. Ты ведь тоже насторожен по отношению к ней.

ЭЛИЭЗЕР. И, может быть, даже фригидная.

ИОСИФ. Идн, евреи, послушайте его! Когда ты видел фригидную еврейку? Где?

ЭЛИЭЗЕР. У нее собака коровьих размеров.

ИОСИФ. Это будет и твоя собака. Рад будешь. Собака – друг человека, вернее, друг своего хозяина.

ЭЛИЭЗЕР. Дом - старый, нужен капитальный ремонт, а то и не один, я буду рабом-ремонтником на всю оставшуюся жизнь, понимаешь?

ИОСИФ. Это же будет ваш общий дом, а тыпыш, а нарр, придурок! Ты же будешь жить в хоромах, во дворце! После капремонта еще двадцать лет можно будет обходиться одной легкой косметикой.

ЭЛИЭЗЕР. Да еще здесь у нее дочь с внучкой приехала из Хайфы после развода. Это же нагрузка на психику.

ИОСИФ. Когда Мойше сказал нам об этом, ты не прореагировал. А что тебе-то? Будешь иметь мать, трахнешь не раз молодую дочь, если постарайся. Обе под боком. Это же – мечта любого пожилого жениха.

ЭЛИЭЗЕР. Циник! Замолчи!

Возвращается Хава, везет нагруженный сервировочный столик на колесиках.

ХАВА. Давайте выпьем за наше знакомство. (Садится за стол между мужчинами). Тост принимается? (Мужчины кивают). Лэхаим! (Все выпивают коньяк и закусывают фруктами). Значит, мы все – члены больничной кассы «Маккаби» и наш рофе мишпаха – Мойше Симхович. А банк у вас какой?

ИОСИФ. У меня – «Леуми», у него - «Апоалим».

ХАВА. У меня тоже «Апоалим». Хороший банк.

ИОСИФ. Нет уж, извините, «Леуми» - самый лучший банк в Израиле.

ЭЛИЭЗЕР. Да ладно, не спорь. Давайте выпьем за наш народ. И за нашу страну.

ХАВА. Отличный тост. (Пьют). Какое счастье, что есть страна Израиль. Мы с мужем приехали в семьдесят первом году после отказничества. Голые и босые. Но нам помогли, мы получили квартиру, работу. И, наконец, сумели купить себе этот домик.

ИОСИФ. «Домик?!» Домина! Домище! Два этажа, двор, махсан, подвал.

ХАВА. Здесь был только один этаж. Мой покойный (плачет), мой муж своими руками построил все остальное. Я помогала ему, как могла. И еще приходилось нанимать подъемный кран для тяжелых ... этих ...

ИОСИФ. Конструкций.

ХАВА. Да, конструкций. И несколько раз нанимала рабочих.

ИОСИФ. Арабов?

ХАВА. Да.

ИОСИФ. Вы с мужем – молодцы. Кстати, можно пройтись по вашему дому, посмотреть его более пристально?

ХАВА. Какой вы неугомонный! Бедная жена ваша! Идите, смотрите. (Иосиф уходит. Молчание затягивается). Я вам не понравилась, Лазарь? Угадала? И дом старый. Ремонта требует. Верно? И собака здоровенная. Да?

ЭЛИЭЗЕР. Гм. Понимаете ...

ХАВА. Ничего не говорите. Не утруждайте себя. Я все понимаю. Но вы не все видели. У меня козочка есть, куры. Козочка дает молочко полезнейшее, а куры несут прекрасные яйца. Конечно, за всеми нужен уход. Но собирать яйца и доить козу я вас не заставлю. За вами будут только корма. Зато вы будете питаться прекрасной натуральной пищей. А резать кур для обеда, когда надо будет, я прошу шойхета. Варить и жарить кур тоже буду я. Вы только их ощиплете.

ЭЛИЭЗЕР. Мне не хочется вас обижать, но ...

ХАВА. Я уже поняла, что не нравлюсь вам. Жаль. А вы мне понравились. Кто вы по специальности?

ЭЛИЭЗЕР. Инженер-строитель. Был главным инженером строительно-монтажного треста, а здесь попытался быть кабланом, но конкуренты разорили, угробил все сбережения, которые сумел притащить. А тут у жены рак, растаяла за год. Сейчас в Раанане шесть подъездов убираю, заработка хватает. Есть автомобиль «Субару». Квартирка есть: салончик, кухонька и две спальни.

ХАВА. Собственная квартира?

ЭЛИЭЗЕР. Нет, схар-дира. Мы с женой снимали ее долго, хозяин – хороший мужик, плату не повышал. Когда она ... (пауза) после ... (пауза) остался там же. И вспоминал ...

ХАВА. Вы сильно любили свою покойную жену?

ЭЛИЭЗЕР. Сначала – да, а потом была скорее крепкая привычка. Она была очень хорошая. Как родная. Понимаете?

ХАВА. Понимаю. И сочувствую. Я тоже любила мужа. Он был славный. Настоящий еврей: умный, сильный, заботливый, не мелочный. А как он меня любил?! И я –его! Все было прекрасно, как дивный сон. Но вот ведь судьба! Пьяный мотоциклист! Прямо на переходе ... Муж еще успел оттолкнуть меня. А они погибли. Оба (Плачет). Простите. Не ко времени этот разговор, наверно.

ЭЛИЭЗЕР. Мы приехали в девяносто первом, жена была врач, как и вы, но не стоматолог, а педиатр. Иврит у нее не шел, поэтому она работала как метапелет у одной вреднящей старухи. И на мадрегот, на лестнице в подъездах –тоже. Тосковала по работе былой ... любимой ...

ХАВА. И напрасно. Многие наши женщины просто на эту перемену смотрят.

ЭЛИЭЗЕР. Нет, она переживала ужасно. От этого, видно, и заболела. И, как свеча, сгорела. Вы не сердитесь, мне трудно представить себе семейную жизнь с другой женщиной.

ХАВА. Нисколько не сержусь, у меня такая же ситуация. Я ведь почему попросила доктора Мойше найти мне человека? Мне стало страшно одиноко. Я работаю много, деньги нужны. Поэтому устаю, а уснуть не могу. Мужа любимого потеряла. Дочь по глупости оставила прекрасного мужика, она сама виновата. Теперь сюда приехала, и ребенка суд ей оставил. Пока не работает, ищет, где получше.

Кормлю ее и внучку. Трудно мне. Да и хозяйство вести не просто. И ... ласки хочется.

ЭЛИЭЗЕР. Да-а-а ... Вы метапелет? Или моете мадрегот?

ХАВА. Нет, я как стоматолог работаю, по специальности. Разве вы не видели вывеску на фасаде?

ЭЛИЭЗЕР. Как это вам удалось?

ХАВА. Ивритом овладела еще там, на доисторической родине. Учил нас с мужем мой покойный отец, он знал иврит великолепно, читал свободно Тору. Его мечта была – Израиль, и она сбылась, мы оформились ... Он все боялся, что т а м в какой-нибудь инстанции передумают, что нас не выпустят.

ЭЛИЭЗЕР. Понимаю. Я тоже боялся этого.

ХАВА. Перед самым вылетом отец почувствовал себя плохо, вызвали «Скорую». Ему что-то впрыснули, как будто стало лучше. Я уже хотела остаться, но он уперся: летим сейчас, только сейчас! В самолете ему снова стало плохо, но мы с мужем купировали этот приступ. А когда в аэропорту мы ждали оформления документов, он вдруг страшно крикнул –и упал. Появились местные медики, но им уже осталось лишь констатировать смерть.

ЭЛИЭЗЕР. Инфаркт?

ХАВА. Да, обширный инфаркт. (Входит Иосиф. Садится к столу. Наливает рюмку. Выпивает). Ну, Иосиф, как вам мой домик?

ИОСИФ. Армон! Дворец ... Но какой? Развалины Помпеи. Срочно требуется капитальный ремонт. Лазарь, как ты считаешь, подрядимся мы по благу отремонтировать ту хату?

Поработаем вдвоем, много денег не возьмем. А? Давай-ка сам его осмотри, да как следует. Тебе здесь жить, а не мне.

ЭЛИЭЗЕР. Вы позволите, Хава?

ХАВА. Конечно, посмотрите, я буду вам благодарна.
(Элиэзер уходит). Я не понравилась вашему другу. Дом и двор тоже, кажется, не пришлись ему по душе. А еще, думаю, не понравилось то, что здесь живут моя дочь и внучка. Может быть, он лодырь?

ИОСИФ. О нет! Он великий труженик. Но после смерти жены ...

ХАВА. Я знаю. Знаю. Что же вы мне посоветуете? Продолжить наши маса-у-матан, переговоры с ним или попрощаться с ним по-дружески навсегда? Я вам доверяю почему-то, хоть вы и болтаете много.

ИОСИФ. Ваша дочь скоро придет?

ХАВА. Нет, мы договорились с ней, что сегодня она до самого вечера будет гулять с внучкой по Тель-Авиву. Вы же понимаете ...

ИОСИФ. Понимаю. Вот что. Дам вам совет. И совершенно бесплатно. Я сейчас как бы вспомню про дела и удеру. А вы решительно идите на штурм. Если Лазарь вам действительно понравился.

ХАВА. Как это «на штурм»? Нельзя ли поточнее?

ИОСИФ. Ну, это ... Обнимите нежно... Поцелуйте его нежно и страстно ...

ХАВА. Но я же ему не нравлюсь! И вообще это нехорошо. Мужчина – активная сторона. Всегда. Это –природа. Женщина должна либо поломаться и поддаться, либо отказать мужчине сразу наотрез. Но не ринуться в атаку.

ИОСИФ. Чушь. Дикая чушь! Средневековье! Двадцать первый век на дворе. Не давайте ему рассуждать, вперед и только вперед! Действуйте! Но не словами! Губами! Руками! И так далее.

ХАВА. Так вот сразу? Без его предварительного ухаживания за мной, без нашего узнавания вкусов и взглядов друг друга, без выяснения нашей совместимости по взглядам и по вкусам?

ИОСИФ. Что? Может быть, еще и по гороскопу? По европейскому, по китайскому и японскому, по картам Таро? Еще каким образом? (сердито машет рукой). Опомнитесь, вы же цивилизованный человек!

ХАВА. Есть еще и ... сексуальная совместимость. О ней вы не забыли? А что если ваш друг ...

ИОСИФ. Нет, нет, мой друг Лазарь –не импотент. Впрочем, на сто процентов не ручаюсь ни за кого. Проверьте сами на практике. Практика –критерий истины, как говорят классики марксизма-ленинизма, брենен золн зей, чтоб они сгорели.

ХАВА. И зачем я затеяла это сватовство? Ну скажите мне –зачем? И как это все правильно решить?...

ИОСИФ (напевает на мотив «Тумбалалайки»). Вэймэн

цу неймен ун нит фаршемен? Вэймэн цу неймен ун нит фаршемен? Берите Элизера. Не ошибетесь. Он не болтлив, деловит. Хороший хозяин. Он добрый человек. И это –главное. А секс –в порядке. Он изголодался. Как и вы, думаю. Все, я удаляюсь. Успеха вам! Вперед!

ХАВА. Всего доброго. Не обессудьте ...

ИОСИФ. Да ладно! Я ведь и для него старался! Друзья же мы. Ему будет хорошо с вами. Я уверен. Вперед! На штурм! Успеха!

Иосиф уходит. Возвращается Элизер. Садится за стол.

Наливает стопку. Выпивает. Пересаживается на диван рядом с Хавой.

Снова идет к столу. Закусывает. Возвращается

на диван. Молчит. Хава подсаживается поближе к нему.

ХАВА. Ваш товарищ уехал, какое-то срочное дело. Я поняла, милый Лазарь, что не нравлюсь вам как женщина. Мое имущество тоже вас не интересует. Даже пугает. И вы не знаете, как мне сказать обо всем этом, чтобы меня не обидеть. Хорошо, не женитесь на мне. Но вы мне очень понравились, и я хочу поцеловать вас на прощанье. Один поцелуй. Только один. (Целует Элизера –долго и страстно). Все. До свиданья. Вернее, прощайте.

ЭЛИЭЗЕР. Гмм ... Нне ... Не торопитесь, Хава. Вы не совсем поняли ... Знаете, что? Давайте выпьем на брудершафт. Нам будет легче общаться на «ты», как все здесь в Израиле общаются. И тогда ...

Тогда ... Я налью. Один момент!

Элизер встает и идет к столу. Хава поднимается с дивана, отнимает у него стопку, ставит ее на стол, обнимает Элизера и снова целует его. Это длится некоторое время. Элизер жарко обнимает Хаву, она гуляет руками по его телу.

ХАВА. Я чувствую твое желание, Лазарь. Оно такое сильное! Иди ко мне, милый! Ну иди же! (Он пытается раздеть ее). Нет, не здесь, глупенький! Не здесь! В спальне! Милый, миленький! (Жарко целует его и тянет в спальню). Скорее! Скорее! Скорее! (Лает собака. Зло. Громко и басовито.) Не обращай внимания, мы включим музыку. Милый, милый (жаркие объятия). Туда, туда! В спальню! Собака – потом, потом, потом!

ЭЛИЭЗЕР. Да! Да! Да!

Уходят, обнявшись. Тут же раздается музыка, очевидно, из телевизора или радицентра. Она звучит все громче и, наконец, полностью заглушает собачий лай.

ЗАНАВЕС.

2010?

ХАПИПУГИ

Действующие лица:

Юра - внук Лесника, 10 лет

Танечка - сестра Юры, 6 лет

Лесник - дедушка Юры и Танечки

Дружок - собака, их верный друг

Браконьеры, они же Хапипуги:

Длинный, он же генерал Нагстер

Толстый, он же главный министр Омерзант

Короткий, он же король Железокамень

Зверята (одинаковые в обоих действиях пьесы):

Лосенок

Бурундучок

Соболек

Рысенок

Медвежонок

Лисенок

Береза - волшебное дерево

Пожарники

Голоса птиц

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

Лесная поляна. В центре ее сидит Медвежонок. Он дирижирует. За его спиной - Лисенок. Он пародирует движения лап Медвежонка. Левее стоит Лосенок. Над ним, на ветвях дерева - Рысенок, Соболек и Бурундучок.
Все поют.

Песня зверят:

Мы в лесу своем любимом
Очень весело живем:
Дни за днями мчатся мимо
Звонким, радостным ручьем.

Припев:

Хорошо, что днем бывает солнышко.
Хорошо, что можно есть и спать,
Что вода в ручье чиста до доньшка.
Лучше леса места не сыскать.

МЕДВ. (встает и поет громко): Медвежонок.
РЫСЕНОК (поет, спрыгивая с дерева): и Рысенок,
СОБОЛЕК (тоже спрыгивает): Соболек,
БУРУНДУЧОК (бегая по ветке): Бурундучок,
ЛИСЕНОК: И Лисенок,
ЛОСЕНОК: И Лосенок,
ВСЕ ВМЕСТЕ: Каждый каждому - дружок!

Припев.

Зверята танцуют в хороводе.

МЕДВ.: Лосенок, давай поборемся, а?

и1079 зб1088 ра1085 нн1086 оеар 263

ЛОС.: Нет, давай побежим наперегонки!

МЕДВ.: Н-ну, давай ... До самого села, где живут люди.

ЛОС.: Нет, только до конца полянки.

МЕДВ.: Все равно я тебя догоню.

РЫС.: Давайте лучше драться. Ну! Кто хочет? Соболек!

Боишься? (Зверята молчат). Ну и не надо. (Снова забирается на дерево). А еще друзья мои, называется. Скучно с вами.

(Вглядывается в даль). Эй, Юра с Танечкой идут сюда!

ЗВЕРЯТА: Урра-а-а!

На поляну входят Юра и Танечка. Зверята их окружают.

ТАНЕЧ.: Зверята, не сердитесь на нас: мы утром не пришли, потому что проспали, а днем Юра мне книжку читал про нгас ... нагстеров ...

ЮРА: Не нагстеров, а гангстеров! Да ладно уж: зверята все равно не понимают того, что ты им говоришь.

ТАНЕЧКА: И я не понимаю их. Как жаль! Вот если бы мы могли узнать, что им нужно, мы им лучше бы помогли. И они бы нам рассказали столько интересного!

ЮРА: Пока что угощай их тем, что мы сюда им принесли.

ТАНЕЧКА (угощая): Лосенок, вот тебе горбушка с солью. Тебе, Медвежонок, - мед. Сладкий? А вам, Бурундучок и Соболек, - орешки. Соболек, ты не хочешь орехов? Ешь! И не обижай Бурундучка, а я тебе за это дам сахару. На, возьми кусочек.

ЮРА: Зачем? Сахар - это яд.

ТАНЕЧ.: Ты же сам утром положил себе в чай пять ложечек сахара! Отравиться хотел?

ЮРА: Для зверят сахар - яд. Нам учительница на уроке рассказывала про это. Дай сюда кусочек!

(Съедает сахар). Вот я и спас Соболяка. Ура!

ТАНЕЧ.: Я спрошу Дедушку. Если ты соврал ...

ЮРА: Я никогда не вру, если хочешь знать!

ТАНЕЧ.: А тебе, Лисенок, я ничего не дам. Ты мышку съел вчера. Я сама видела!

ЮРА: И молодец, что съел: мыши - вредители. Они заразу разносят. И зерно едят.

ТАНЕЧ.: Все равно жалко. Тебе, Рысенок ... (На поляну с лаем выбегает Дружок. Машет хвостом. Зверята разбегаются. Выходит Лесник. Танечка его не замечает. Обращается к Дружку). Ты зачем разогнал зверят?

Дружок виновато скулит.

ЮРА: Это он просит прощения. Видишь, я понимаю его.

ЛЕСНИК: Ребята, пора домой. Вечереет.

ТАНЕЧ.: Дедушка, почему мы не понимаем зверят? Почему они нас не понимают?

ЛЕСНИК: Есть и люди, которые не понимают, если с ними говорить по-человечески. А ты - о зверятах ... Вот если бы у тебя было кольцо царя Соломона, ты понимала бы всех зверят, а они - тебя.

ТАНЕЧ.: Где же взять это кольцо?

ЮРА: В сказке. Нет такого кольца. Не-ет!

ТАНЕЧ.: Бедные зверята! Никто их не понимает!

ЛЕСНИК: Кое-что можно без кольца понять. Прислушайтесь. (Трещит сорока. Все ближе.) Что это за речь?

ЮРА: Это сорока трещит. А о чем?

ЛЕСНИК: Кто-то идет сюда. Она оповещает лес.

ТАНЕЧ.: Давайте спрячемся: посмотрим, кто на поляну

выйдет!

ЛЕСНИК: Ну вот еще что! Нет!

ТАНЕЧ.: Дедушка, миленький, на минуточку!

ЛЕСНИК: Ах, баловница! Ну, хорошо, хорошо.

Лесник и дети прячутся.

На поляну вываливаются Короткий, Толстый и Длинный с ружьями.

Поют песню.

Песня браконьеров :

ВМЕСТЕ: Мы ребята - ого-го!

Не жалеем никого!

Все от страха прочь бежит,

Если шкурой дорожит.

Вот мы какие!

КОРОТКИЙ: В заповедный лес войдем

И - эх! - костер мы разведем.

ДЛИННЫЙ: Ка-ак стрельнем - Лосенка нет:

Стал он мясом на обед.

ВМЕСТЕ: Вот мы какие!

ТОЛСТЫЙ: Мы с Лисенка сдернем вмиг

Золотистый воротник,

КОРОТКИЙ: С Медвежонка сдернем мы

Коврик на пол для зимы.

ВМЕСТЕ: Вот мы какие!

ДЛИННЫЙ: Мы поймаем Соболька,

КОРОТКИЙ: И убьем Бурундучка.

ТОЛСТЫЙ: И со смехом снимем мех

ДЛИННЫЙ: И с Рысенка,

КОРОТКИЙ: И со всех!

ВМЕСТЕ: Со всех! Со всех! Со всех!

Вот мы какие! Вот мы какие!

КОРОТК.: Хорошая поляна. Здесь мы разведем костер,
ребята.

ЛЕСНИК (выйдя к браконьерам): Здравствуйте, люди!

ДЛИНН.: Привет, старичок!

ЛЕСНИК: Будьте добры, предъявите, пожалуйста, пропуск на
хождение по нашему лесу.

КОРОТК.: Что-о? Пропуск в лес? Ха-ха! Выдумал!

ЛЕСНИК: Дружок! (Дружок, рыча, направляется к браконьерам. Те
пугаются). Наш лес - заповедный. Идите в контору, там вы

прослушаете наставление и получите пропуск.

(Над поляной пролетает вертолет). Видите, это следят пожарные, чтобы лес не загорелся.

КОРОТК.: С чего бы ему гореть? Лесу-то? Хи-хи!

ЛЕСНИК: Жара. Сухо. Одна искра - и пожар. А в лесу гасить огонь нелегко. Сами знаете.

КОРОТК.: Ладно. Мы посидим тут - и будем очень осторожны, хи-хи.

ДЛИНН.: Выпьем водочки, го-го!

КОРОТК.: Водички выпьем, водички! Хи-хи.

ТОЛСТЫЙ: Да-да, водички. Минеральной, хе-хе.

ДЛИНН.: Боржоми. И хлебом закусим, гы-гы, го!

ЛЕСНИК: Идите в контору. За пропуском. Это не так далеко. Но я могу вас проводить.

КОРОТК.: Спасибо. Мы сами.

ДЛИНН.: Поставили бы пограничные столбы, раз пропуск требуете. Го-го!

ТОЛСТ.: Мяса бы свежепожаренного ...

Браконьеры уходят. Из-за деревьев появляются дети.

ТАНЕЧ.: Какие страшные дяденьки! А что такое пограничные столбы?

ЛЕСНИК: Это полосатые столбики на границе.

ТАНЕЧ.: Зачем эти столбики?

ЛЕСНИК: Чтобы хапуги знали, что им хода нет.

ТАНЕЧ.: Что за хапи ... хаги ... хапипуги?

ЛЕСНИК: Такие, как эти трое, что были здесь.

ЮРА: Длинный - злой. Похож на гангстера.

ТАНЕЧ.: А что такое гна ... нагт ... нагстер?

ЛЕСНИК: Дома объясню. Пойдем, скоро солнышко спрячется и будет совсем темно.

ТАНЕЧ.: Самый маленький у них - главный.

ЮРА: Верно, прямо - король. Командует.

Раздается выстрел. За ним - еще один.

ЛЕСНИК: Это они. Обманули, не пошли в контору.

Омерзительно! Дружок, за мной! А вы, ребята, живо домой!

ТАНЕЧ.: Я боюсь: в лесу бродят Ха ... хапипуги!

На поляну выбегает Лисенок, бросается в разные стороны, убегает.

Медв. пробегает через поляну. Лосенок бросается к Танечке, прижимается к ней, дрожа.

ТАНЕЧ.: Юра, Лосенок ранен. В него стреляли ...хапи ...

омерзательные! Сейчас, Лосенок, перевяжу твою рану!
Из сумки вынимает бинт и йод, накладывает повязку.

ЛЕСНИК: Мерзавцы! Но произошло еще что-то ...

ТАНЕЧ.: Скажи, Лосенок, что еще там случилось?

ЛЕСНИК: У тебя же нет кольца царя Соломона! (Над лесом появляется дым.) Пожар! Где же вы, пожарники? Лес горит!

ПОЖАРНИКИ: Видели, видим! Вмиг прилетим!

Нашему лесу сгореть не дадим.

За поляной появляются вертолеты и где-то садятся.

Все ближе слышна песня пожарников.

В конце ее - на поляну выходят сами пожарники.

Песня пожарников :

Гасим пожары - и ночью, и днем.

Храбро воюем с коварным огнем.

Вахту пожарную с честью несем.

Лес заповедный для жизни спасем.

Припев:

Мы пожарники, герои-силачи,

И смелее нас людей на свете нет.

Не найдешь таких, хоть целый год ищи!

Хоть шагами обойди весь белый свет!

Пламя бушует, пощады не жди,

Встало сплошной стеной впереди.

Жизни людей заслоня собой,

С огненным валом вступаем мы в бой.

ЛЕСНИК: Все в порядке?

ПОЖАРН.: Да, лес спасен. А вот и враги леса. Это они его подожгли. (Вытаскивают упирающихся браконьеров на поляну.) Разбили бутылку, осколок лежал на солнце, от осколка загорелся мох. (Показывают осколок). Вот он.

ТАНЕЧ.: Как это? Осколок - не спичка.

ЮРА: Я догадался: как от увеличительного стекла! Я выжигал свое имя на скам ...

ПОЖАРН.: На скамейке? Так не нужно. Нехорошо.

КОРОТК.: Мы не знали, что так получится! Мы не хотели!

ЛЕСНИК: И в Лосенка стрелять не хотели?

ТОЛСТ.: Не хотели. Мы стреляли в бутылку, пуля отскочила и попала в Лосенка. А осколок от бутылки взял да и сделал пожар.

ТАНЕЧ.: Неправда! Омерз ... омерзаны вы! Омерзаны вы!

КОРОТК.: Отпустите нас! Мы больше не будем!

ЛЕСНИК: Нет вам веры. Пойдем в контору, там с вами разберутся. А вы, дети, - домой! Спасибо, пожарники! Прощайте!

ПОЖАРН.: До свидания, Лесник!

Пожарники улетают с песней. Лесник уводит браконьеров. Дружок его сопровождает. Юра с Танечкой как бы движутся, беседа. Мимо них проплывает лес. Вот и дом со двором появился. Под навесом - три кровати.

ТАНЕЧ.: Мы дома, дома! И лес наш не сгорел! Юра, что было бы, если бы все-все леса сгорели?

ЮРА: Ты знаешь, что деревья дают кислород, которым мы дышим?

ТАНЕЧ.: Мы дышим воздухом!

ЮРА: Верно. Но в воздухе есть кислород. В общем, надо беречь леса. А то мы задохнемся. И зверята - тоже. Только железо и камень останутся на Земле.

ТАНЕЧ.: Неправда! Люди будут все равно!

ЮРА: Нет! Только железо и камень!

ТАНЕЧ.: И меня? (Плачет). И меня не будет?

ЮРА: Не плачь! Мы им не позволим!

ТАНЕЧ.: Кому? Хапипугам?

ЮРА: Никому!

ТАНЕЧ.: Все равно мне страшно.

Поют дрозды.

ЮРА: Слышишь? Красиво поют дрозды!

ТАНЕЧ.: И утром они пели! Тоже красиво! (слышна песня зарянки). А вот и зарянка запела! Она поет позже всех птичек! (Раздаются трели соловья.) Соловей!

ЮРА: Тише! Не пугай его! Он совсем рядом!

ТАНЕЧКА (шепотом): Я кушать хочу.

ЮРА (в полный голос): Сейчас принесу ужин из погреба.

Юра уходит.

ТАНЕЧ.: Юра ничего не боится. Он смелый. И я не боюсь ничего, когда Юра со мной. Вот бы найти кольцо царя Соломона! И ничего бы никто не боялся ...

Песня Танечки:

Где волшебное колечко?

Как бы мне его найти?

Может, рядом, недалечко,
На дороге, на пути?
Мне б надеть кольцо на пальчик,
Чтоб понять любую речь,
Чтоб зверят лечить и нянчить,
От пожаров уберечь.
Если б только я сумела,
Всех бы птичек и зверят
Приютила, обогрела
И кормила всех подряд.
Приходит Юра с ужином. Дети едят. Возобновляются
трели соловья.

ЮРА: Ну, поужинали - и спать!

ТАНЕЧ.: А если хапипуги придут?

ЮРА: А я здесь зачем?

ТАНЕЧ.: Ты мне сказку расскажи. Про кольцо царя Соломона.

ЮРА: Я не знаю этой сказки.

ТАНЕЧ.: Ну, пожалуйста! Придумай про кольцо!

ЮРА: Жили-были ...

ТАНЕЧ.: Зверята.

ЮРА: Да. Они были добрые. Все любили друг друга. И
потому назывались добролюбы. А рядом жили ... злые ...

ТАНЕЧ.: Хапипуги!

ЮРА: Да. Они ночью передвигали пограничные столбы.
И все живое превращалось в железо и камень.

ТАНЕЧ.: А сами хапипуги не стали камнем?

ЮРА: Они ... они всегда были каменными, не живыми ...

Даже - железокаменными. У них был генерал главный. Такой
длинный ... злой такой ...

ТАНЕЧ.: Нагстер!

ЮРА: Гангстер!

ТАНЕЧ.: Нет, Нагстер!

ЮРА: Пусть! Был еще главный министр, бездельник и
обжора. Омерзительный.

ТАНЕЧ.: Омерзант. Его звали Омерзант!

ЮРА: Конечно. Самым главным был король. Он был маленького
роста. Но злее всех. Они двигали столбы. Двигали,
двигали, двигали, двигали ... (Танечка спит). Вот и хорошо,
что заснула: я не знал, что дальше придумать. И мне тоже

хочется спать, но надо ждать дедушку ... Только положу голову на руки ... на минутку...

Во двор как бы вползает Дружок. Кладет лапы на плечи

Юре. Юра поднимает голову, гладит Дружка.

ЮРА: Дружок! Ты один? А дедушка? Что это у тебя в зубах? Кольцо? Дай мне его! Дай! (Надевает кольцо на палец).

Как раз! А что, если это кольцо царя Соломона?

ДРУЖОК: Гав! Это и в самом деле оно! Мне дала его старая мудрая Сова и сказала, что надо немедленно спасать Добролюбию.

ЮРА: Какую Добролюбию?

ДРУЖОК: Страну, где живут зверята-добролюбы.

ЮРА: Это я сам придумал для Танечки!

ДРУЖОК: Мало ли что ты придумал! Но страна такая есть. И ее надо спасать. Понимаешь?

ЮРА: Да. Я теперь понимаю речь животных. Значит, на руке у меня кольцо царя Соломона! Урра-а-а!

ТАНЕЧКА (просыпаясь): Кто это кричал? Юра, дай мне руку! Я боюсь!

Юра берет Танечку за руку.

ДРУЖОК: Надо спасать Добролюбию! Спасать зверят от хапипугов!

ТАНЕЧ.: Ой, Дружок говорит, как человек!

ЮРА: Да нет, он говорит по-собачьи. Как всегда. Но я его понимаю, потому что кольцо ... Подожди, подожди, а как ты его понимаешь? У тебя же нет кольца ...

ДРУЖ.: Она тебя держит за руку - поэтому ...

ЮРА: Вот здорово! Значит, если бы все люди взяли за руки ...

ДРУЖ.: Все понимали бы друг друга. И все понимали бы зверят. И меня, конечно!

ЮРА: И речь трав, и речь деревьев –тоже понимали бы все люди?

ДРУЖОК: Да. Но пока что хапипуги вот-вот превратят в камень прекрасную страну Добролюбию.

ЮРА: Надо спасать ее. Веди меня туда!

ТАНЕЧ.: И я с вами. Я боюсь оставаться одна.

ЮРА: Ладно. Дружок, как попасть туда, в эту страну?

ДРУЖОК: Надо попросить Старую Березу. Она перенесет нас в

Добролюбию.

ТАНЕЧ.: Нет, береза не сможет: она не ходит.

ДРУЖОК: Эта береза волшебная. Она была старой еще тогда, когда дедушка вашего дедушки был меньше Танечки. Все березы вокруг - ее дети и внуки. Но они не волшебные: она одна только может творить чудеса.

Дети и Дружок подходят к Березе.

ЮРА: Милая Береза, ты можешь перенести нас в Добролюбию? Спасти зверят!

БЕРЕЗА: Я многое могу. Слушайте мою песню!

Песня Волшебной Березы :

Я Волшебная Береза,

Знаю больше всех других берез.

Мне знакомы сладость грезы,

Горький вкус невыплаканных слез.

Мне знакомы смех и шутки,

Гордый зов бороться до конца,

И злодеев шепот жуткий,

И краса счастливого лица.

Уважаю тех, кто смело

В бой идет, чтоб слабым помогать:

Не простое это дело -

За другого жизнью рисковать.

ТАНЕЧ.: Мне страшно.

ЮРА: Тогда оставайся. И Дружок останется.

ДРУЖОК: Нет, без меня тебе не справиться, я тебя не оставлю, Юра.

ТАНЕЧ.: Тогда и я с вами.

БЕРЕЗА: Я уважаю вашего дедушку Лесника. Надеюсь, вы такие же хорошие, как он. Я перенесу вас в Добролюбию. Но сначала расскажите мне честно о своих плохих делах. И ничего не скрывайте.

ТАНЕЧ: Я утром поленилась полить цветы ...

ЮРА: Я недавно пробовал курить. Но меня затошнило ...

БЕРЕЗА: А ты, Дружок, в чем признаешься?

ДРУЖОК: Я ничего плохого не делал.

БЕРЕЗА: А кто кошек гоняет? Кто?

ДРУЖОК: Разве это плохо? Я не знал! Думал, это просто весело...

ВСЕ ТРОЕ: Мы больше не будем!

БЕРЕЗА: Верю. Прислонитесь ко мне. Закройте глаза!
Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два,
один ... Пуск!

Темнота. Сверкает молния. Гремит гром. Дедушкин двор исчезает. Появляется мрачный пейзаж: серые камни, куски рельсов, каменные деревья - справа. Там же - окаменевший Рысенок. В центре - четыре пограничных столба.

Надписи: слева - «Добролюбия», справа - «Хапипугия». В левой части сцены - живые Лосенок и Медвежонок. Здесь же - Береза, Юра, Танечка и Дружок. Юра держит Танечку за руку.

БЕРЕЗА: Можете открыть глаза!

ТАНЕЧ.: Ой, зверята! Такие же, как у нас в лесу! Здравствуйте, зверята!

ЗВЕРЯТА: Здравствуйте, Танечка, Юра и Дружок!

Здравствуй, Волшебная Береза! Спасите нас, пожалуйста!

ТАНЕЧ.: Что случилось с Рысенком?

ЛОСЕНОК: Бедный Рысенок окаменел: он перешел границу между столбами, попал в Хапипугию - и окаменел.

Медв. (ворчливо): Он сам виноват. Ночью все зверята спят, только Рысенок и Соболек мышей ловят. Рысенок увидел мышку на самой границе, прыгнул с дерева, но промахнулся, попал в Хапипугию - и окаменел. Там, за столбами, все живое каменеет.

ЮРА: А мы подальше столбы передвинем!

ЛОСЕНОК: Не надо! Ты окаменеешь тоже! Вот если бы у тебя было кольцо царя Соломона ...

ЮРА: Оно у меня на пальце. (Передвигает столбы). Вот и столбы ушли подальше!

МЕДВЕЖ.: Хапипуги опять передвинут вперед. Они хитрые и подлые: попросили ма-аленький клочок земли.

Мы им дали. А они стали передвигать столбы - и теперь у них вся наша земля, а у нас только вот этот клочок остался.

ТАНЕЧ.: Противные хапипуги! (Из норы вылезает Лисенок). Ой! Кто это? Лисенок?

ЛИСЕНОК: Да, это я, храбрый и хитрый Лисенок! Я нашел подземный ход, был в башне хапипугов.

МЕДВЕЖ.: Что же ты не окаменел, хвостун?

ЛИСЕНОК: Я в башню не зашел, только слышал, как хапипуги

разговаривают. Хоть ничего не разобрал, зато знаю этот ход.

БЕРЕЗА: Юра, сейчас ты пойдешь к башне.

ДРУЖОК: Я пойду с Юрой! Гав-гав!

БЕРЕЗА: Нельзя тебе. Ты там окаменеешь. Сейчас придут хапипуги передвигать столбы. Юра, ты должен взять в башне серебряный горн. Когда он заиграет, все окаменевшие зверята и деревья оживут.

ЮРА: Я не умею играть на горне.

БЕРЕЗА: Только подуй в него. Он волшебный, он сам заиграет.

ТАНЕЧ.: А хапипуги тоже станут живыми, как все люди?

БЕРЕЗА: Они станут обыкновенными людьми.

ЮРА: Ну, я пошел!

БЕРЕЗА: Помни, хапипуги очень хитрые. Они не могут превратить тебя в камень, но могут отнять кольцо - и тогда мы все погибнем ...

ТАНЕЧ.: Юрочка, миленький, берегись!

ЮРА: Я пошел. Дружок, Танечку береги!

Юра отпускает руку Танечки и уходит.

ДРУЖОК: Р-р-р! Гав-гав! Нга-rrr!

ТАНЕЧ.: Что? Ой, я же теперь не понимаю, я же теперь не держу Юру за руку. А ты понимаешь меня, Дружок?

ДРУЖОК: Гав!

ТАНЕЧ.: Собаки все понимают. Только сказать не могут. Ой, спа-ать хочется. Я чуть-чуть!

Танечка засыпает.

ДРУЖОК: Зверята, я тоже могу нечаянно заснуть. Мне надо поспать часок. Кто за меня один только часок подежурит?

ЛИСЕНОК: Чур не я! Чур не я!

ЛОСЕНОК: Я боюсь. Я бы с кем-нибудь вдвоем ...

СОБОЛЕК: Я уже сплю: потому что мышей нет.

МЕДВЕЖ.: Я тоже сплю. Я очень люблю спать.

СОБОЛЕК: И неправда. Ты только зимой спишь.

МЕДВЕЖ.: Сейчас я покажу тебе!

Медв. лезет на дерево, но падает.

СОБОЛЕК: Навались на него! Мала куча! Мала куча!

Зверята наваливаются на Медвежонка, он отбивается, сильно ударяет Соболька, тот отлетает за пограничный столб - и каменеет.

МЕДВЕЖ.: Что я наделал?! Друга погубил! Я плохой,

плохой! (Раскачивается). Бейте меня! Бейте!

ЛИСЕНОК: Если бы не было столбов ...

МЕДВЕЖ.: Проклятые столбы! Хватит! Отодвину!

ЛИСЕНОК: Стой! Окаменеешь!

Медв. уже схватил столб. Делает шаг - и каменеет.

ЛОСЕНОК: Упрямый ... (Плачет) Еще один друг окаменел ...

ДРУЖОК: Глупые вы. Но Юра всех спасет. А теперь - спать! Я до утра буду сторожить!

Зверята засыпают. Справа подкрадываются хапипуги:

Король Железокамень (это Короткий в мантии и короне),

Нагстер (это Длинный в генеральском мундире) и Омерзант (Толстый во фраке).

ЖЕЛЕЗ.: Кто-то передвигал столбы! Тревога!

НАГСТЕР: Ваше величество Железокамень! Вот они, окаменелые: Рысенок, Соболек и Медвежонок.

ОМЕРЗ.: А четвертый столб?! Тот, кто его двигал, жив!

Он не окаменел! Тревога!

ЖЕЛЕЗ.: Сдвинем сперва столбы к середине - и окаменеет последний клочок Добролюбии. Генерал Нагстер! Берите крайний столб!

Главный министр Омерзант! Хватайте вон тот!

ХАПИПУГИ: Слушаемся, ваше величество, великий король Железокамень!

ЖЕЛЕЗ.: Несите его к центру этого последнего клочка проклятой Добролюбии!

Дружок с рычанием и лаем бросается на хапипугов, не прикасаясь к ним. Они пугаются, но приходят в себя. Просыпается Танечка и громко плачет.

ЛОСЕНОК: Страшно ... (плачет). Не плачь, Танечка! Эх, погибать, так с музыкой! Главного надо боднуть!

Лосенок бросается на короля. Бодает. Тот падает. Лосенок каменеет.

Нагстер и Омерзант убегают.

ЖЕЛЕЗ.: Эй, куда же вы? А я?

ОМЕРЗАНТ: Временное отступление, ваше величество! Бегите за нами! Вперед! Домой!

Хапипуги убегают.

ЛИСЕНОК: Надо Юру предупредить! А то нам конец ...

(Сердито кашляет). Сейчас ка-ак разозлю-усь! У-ух, какой я храбрый!

Лисенок спускается в подземный ход.

БУРУНДУЧОК (свистит тревожно, кричит с дерева):

Возвращаются хапипуги! Бою-юсь!

ТАНЕЧКА (просыпаясь): Юра, где ты?

Хапипуги выходят на полянку. Дружок рычит и лает на них.

ЖЕЛЕЗ.: Министр Омерзант, приступите к обману Танечки!

ОМЕРЗАНТ: Слушаюсь, ваше величество! (Подходит к Танечке поближе, ласково говорит ей) Ах, какая милая девочка!

ТАНЕЧ.: Дружок, спаси меня! Это хапипуги!

ОМЕРЗАНТ: Что ты, куколка, мы не хапипуги. Мы добролюбы. Нас трое осталось: король ... то есть нет ... лесник Шоколад, генер... то есть нет ... храбрый пожарник Лимонад и я ... министр... то есть нет ... умный и добрый учитель Мармелад. Мы хорошие! Мы несчастные. Как тебя зовут?

ТАНЕЧ.: Меня? (Дружок лает. Бурундучок злобно верещит) Да перестаньте вы, зверята! Мешаете разговаривать!

(Омерзанту) Я Танечка.

ОМЕРЗАНТ: Как зовут твою милую храбрую собачку?

ТАНЕЧ.: Дружок.

ОМЕРЗАНТ: Дружок, песик, возьми конфетку! (Бросает конфету, но Дружок не обращает на нее внимания). Не ест. Жаль.

НАГСТЕР: А то мигом отравился бы и подох бы. Хе-хе.

ОМЕРЗАНТ: Замолчите, генер ... пожарник! (Обращается к Танечке) Как же ты здесь очутилась, деточка?

ТАНЕЧ.: Мы с Юрой и Дружком пришли спасти Добролюбию!

(Дружок лает на Танечку, Бурундучок верещит, Береза машет ветвями, но напрасно). Не мешайте мне! Юра пошел в башню хапипугов ...

НАГСТЕР: ... и окаменел. Го-го!

ТАНЕЧ.: Нет! У него кольцо царя Соломона! И если хапипуги схватят Юру, то сразу же превратятся в обыкновенных людей. Не бойтесь, Юра всех нас спасет!

ЖЕЛЕЗ.: В башню! Поймать Юрку!

Хапипуги убегают.

ТАНЕЧ.: Ой! Это же хапипуги! Я им Юрочку выдала!

Танечка плачет.

Из подземного хода появляется Юра.

ЮРА: Дружок, что случилось?

ДРУЖОК: Хапипуги обманули Танечку, она им все про нас рассказала, они тебя ищут.

ЮРА: Не плачь, Танечка, я еще живой. А Лисенок окаменел. Зачем

полез в башню?

ДРУЖОК: Тебя он хотел предупредить - о хапипугах.

ЮРА: Я еле нашел серебряный горн, но он прикован к потолку цепями, не достать.

БЕРЕЗА: Как же я об этом забыла, старая?! Юра, сними с моей нижней ветки веревку. (Нагибает ветку, Юра снимает с ветки веревку). Видишь крюк? Забросишь его на цепь, поднимешься по веревке и подуешь в серебряный горн. Силы хватит у тебя?

ЮРА: У меня по физвоспитанию пять!

БЕРЕЗА: Спрячь веревку за пазуху. Хапипуги постараются обмануть тебя. А тебе надо самому обмануть их.

ЮРА: Я никогда не вру!

БЕРЕЗА: С ними нельзя по-честному ...

ЮРА: Я не хочу врать. Я и так сумею.

БЕРЕЗА: Что ж, удачи тебе!

ВСЕ: Удачи тебе, Юра! Победы тебе!

Появляются хапипуги. Несут столбы в левую часть сцены.

Бурундучок каменеет. Хапипуги с трех сторон окружают Танечку и Дружка. Дружок проваливается в подземный ход. Танечка каменеет. Из-под земли слышен лай Дружка.

ЖЕЛЕЗ.: Ура! Нет больше Добролюбии!

НАГСТЕР: Везде - камни, везде –Хапипугия! Ура!

ЖЕЛЕЗ.: А собаку - забросать камнями!

ОМЕРЗАНТ: Зачем? Вылезет - и сразу окаменеет!

ЖЕЛЕЗ.: Забросать! (Хапипуги бросают камни. Лай Дружка все тише и глуше). Всё! Берите каменную девчонку.

Она пригодится, чтобы Юрку поймать.

НАГСТЕР И ОМЕРЗАНТ: Да здравствует король! Ура!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

Башня хапипугов. Под потолком справа на цепях - горн.

Внизу - красные цепи. Слева - окаменевший Лисенок. В центре - каменные пьедесталы с цифрами: на левом - 1, на среднем - 2, на правом - 3. Лисенок кем-то отодвигается, и из подземного хода, скрытого Лисенком, выходит Юра.

ЮРА: Вот он, бедный каменный Лисенок! Ничего! Я спасу тебя! Я всех спасу!

Песня Юры:

Хапипуги сворой влезли
Потихонечку, не вдруг.
Стало каменно-железным
Все, что жить могло вокруг.

Припев:

Если просят зверята меня,
Я не должен друзей подвести:
Я сегодня для нового дня
Добролюбю должен спасти.
Злы и лживы хапипуги,
И жестоки, и хитры.
Были все от них в испуге
До сегодняшней поры.

Припев.

Я, конечно, врать не стану:
Я немножечко боюсь.
Но бороться не устану -
И победы я добьюсь.

Припев. (Забрасывает веревку но она оказывается короткой.) Эх, не хватает веревки! Залезу-ка я на камень. (Залезает на камень «3», потом - на камень «2»). Не достает. Слышен шум голосов). Хапипуги! Куда бы мне спрятаться? (Бегает по башне). В подземный ход!

Прячет веревку за пазуху, скрывается, передвигает каменного Лисенка. Появляются хапипуги.

ЖЕЛЕЗ.: Вот и успели! Горн на месте. Начинаем совещание!

(Пытается взобраться на камень «1», срывается.

Нагстер его подсаживает. Сам взбирается на камень «2»).

Теперь ...

ОМЕРЗАНТ: Я не хочу на третье место: я умнее, хитрее и зловреднее, чем Нагстер.

ЖЕЛЕЗ.: Третье место - тоже хорошее. Или вы на мое место хотите?

ОМЕРЗАНТ: Нет, на ваше - не хочу. (Про себя.) Если Юрка победит, то за все ответит самый главный. (Вслух). Не хочу быть главным, ваше величество.

ЖЕЛЕЗОКАМ: Совещание продолжается. Кто нам опасен?

ХАПИПУГИ: Юрка!

ЖЕЛЕЗ.: Как превратить Юрку в камень?

ХАПИПУГИ: Снять кольцо!

ЖЕЛЕЗ.: Кем станет тот, кто дотронется до кольца царя Соломона?

ХАПИПУГИ: Обыкновенным человеком.

ЖЕЛЕЗ.: Хотим мы стать обыкновенными людьми, да еще живыми?

ХАПИПУГИ: Нет! Нет! Нет!

ЖЕЛЕЗ.: Что же вы предлагаете?

ОМЕРЗАНТ: Заковать Юрку в цепи. Подохнет от голода. И - все в порядке.

ЖЕЛЕЗ.: Точно! Заковать! Сам подохнет.

ОМЕРЗАНТ: Дотронуться до того, у кого на пальце кольцо, - все равно, что дотронуться до самого кольца. И мы станем сразу обыкновенными людьми. Вот что. Надо заставить самого мальчишку добровольно заковаться в цепи.

НАГСТЕР: Он не захочет!

ОМЕРЗАНТ: Надо запугать его.

ЖЕЛЕЗ.: Точно! Я знаю, как это сделать! А теперь вопрос к вам: как сюда попал Лисенок? Он не мог пройти поверху. Он окаменел бы. Значит ... Ну! Думайте!

ОМЕРЗАНТ: Значит, есть подземный ход! Значит, и Юрка может пройти этим ходом!

ЖЕЛЕЗ.: Генерал Нагстер, почему мы до сих пор не знали об этом подземном ...?

НАГСТЕР: Ваше величество, такого хода нет. Я бы увидел его давно!

ОМЕРЗАНТ: Не смотрел. Вот и не увидел. Ход есть!

НАГСТЕР: Замолчи! А то как дам!

ЖЕЛЕЗ.: Тихо! Посмотрим все вместе.

Хапипуги ходят по башне. Омерзант останавливается около Лисенка, думает. Сдвигает его и видит вход.

ОМЕРЗАНТ: Вот откуда пришел Лисенок! Вот он, подземный ход!

ЖЕЛЕЗ.: Генерал Нагстер, почему вы до сих пор не видели эту дыру?

НАГСТЕР: Да никто из нас ее не видел. Почему?

ОМЕРЗАНТ: Я составлял план передвижения столбов.

У меня времени не было вглядываться.

ЖЕЛЕЗ.: А я –король. Я ничего не обязан видеть. Мое дело - править.

ХАПИПУГИ: Да здравствует король! Ура! Ура! Ура!

ЖЕЛЕЗ.: Теперь ясно, откуда может вылезть Юрка. Тут

мы его и обхитрим. Внесите-ка сюда каменную Танечку. Она наше оружие против мальчишки. (Хапипуги уходят). До чего я умный, хитрый и подлый! Хе-хе-хе! Хи-хи-хи!

Песня короля Железокамня:

Я не верю никому.

Даже глазу своему.

Потому что я хитрей

Всех людей и всех зверей.

Вот я какой! Хе-хе!

Не люблю я никого.

Кроме камня одного.

И крепка любовь моя,

Потому что камень - я!

Вот я какой! Хи-хи!

Глупый мальчишка задумал победить хапипугов! Хе!

Меня, Железокамня, обмануть захотел! Хи! Эй, Юрка!

Я же знаю, где ты! Вылезай! Поговорим. Может, мы договоримся.

(Молчание). Ты умрешь от голода, а я с места не сдвинусь: я

железокаменный, мне же не надо ни пить, ни

есть, хе-хе.

Пауза. Затем медленно отодвигается окаменевший Лисенок, и

появляется Юра. Железокамень бросается к нему,

но спохватывается - и останавливается.

ЮРА: Поговорим.

ЖЕЛЕЗ.: Ты думал, я тебя схвачу и стану из-за этого

обыкновенным человеком? А я - хитрее тебя. Отсюда ты не

выйдешь!

ЮРА: А я и не собираюсь уходить.

ЖЕЛЕЗ.: Хочешь, чтоб заиграл волшебный серебряный горн?

ЮРА: Да. Хочу. Чтобы ожило все живое. Чтобы и вы, хапипуги, стали людьми.

ЖЕЛЕЗ.: А я не хочу. Не хочу! И всё тут!

ЮРА: Вы можете стать хорошим человеком, приносить пользу. Вас бы уважали, вас бы все любили ...

ЖЕЛЕЗ.: Ну и дурак же ты, Юрка. Я король, я железокаменный.

Зачем же мне становиться таким же никудышним,

как живые люди, звери и птицы? Зачем болеть разными болезнями, зарабатывать деньги на еду и одежду, заботиться о

детях и внуках? Не надо мне вашего уважения и любви!

ЮРА (про себя): Я должен добраться до серебряного горна! Придется и мне применить хитрость! (вслух): Что-то долго ваши не идут. Наверно, в яму провалились.

ЖЕЛЕЗ.: Обмануть меня хочешь? В яме - твоя собака, и мы ее забросали камнями. Никто больше туда не провалится. Ха-ха!

ЮРА (про себя): Бедный Дружок! А как же Танечка?

(вслух) Я ... не про ту яму, про другую.

ЖЕЛЕЗ.: Какую еще другую? Другой - нет!

ЮРА: Могли выкопать.

ЖЕЛЕЗ.: Кто?

ЮРА: Кто-нибудь. Хе-хе. Го-го.

ЖЕЛЕЗ.: И неправда, и неправда, ты врешь!

ЮРА: Ну да, вру. Хи-хи. Нет, нет ямы. Хе-хе.

ЖЕЛЕЗ.: Говори, кто выкопал яму! Где она?

ЮРА: Хе-хе-хе. Грустно сидеть в яме. Хи-и!

ЖЕЛЕЗ.: Да-а? Проверю. (Делает несколько шагов, но спохватывается). Ага, я понял: ты хочешь, чтобы я ушел, а ты накинешь веревку, доберешься до горна ... Не выйдет у тебя. Хе-хе.

ЮРА: О какой веревке вы говорите? Где вы ее видели?

Я не вижу нигде.

ЖЕЛЕЗ.: Ты ее спрятал.

ЮРА: Обыщите всю башню и меня тоже! Вы выдумщик.

(Про себя). Как надоело врать! Самому противно ...

ЖЕЛЕЗ.: Да ... Пожалуй ... (Убегая). Сейчас я вернусь, ты не двигайся, стой на месте!

ЮРА: Пожалуйста. Я даже сяду. Отдохну.

Едва Железокамень выходит, Юра становится на камень

№ 1, пытается забросить веревку. Ее не хватает. Юра пытается поставить камень №3 на камень №1. Не получается. Тогда он берет с пола кусок рельса и использует его как рычаг. Камень - на камне, веревка наброшена. Юра взбирается по веревке. Все медленнее.

ЮРА: Ой, тяжело! Устал! Руки затекли ... Но нужно, нужно! Еще, ну ...

Входит Железокамень. За ним - Омерзант и Нагстер.

Они несут окаменевшую Танечку.

ЖЕЛЕЗ.: Ну, Юрка, где твоя яма? Наврал мне ты! Нет

ее. Эй, где ты? (Замечает Юру). Остановись! А то бросим каменную сестру на бетонный пол - и разобьется! И ты ее никогда не оживишь! Эй!

ЮРА: Танечка! Сестричка милая! Как же так получилось?!

ЖЕЛЕЗ.: Она каменная, она не разговаривает. Она не живая. Слезай! (Хапипугам): Поднимите девчонку, хлопните об пол!

ЮРА: Нет! Нет! Не надо! Положите ее на пол. Осторожнее! Я уже слезаю.

Хапипуги опускают Танечку.

Юра спускается вниз.

ОМЕРЗАНТ: Теперь иди к красным цепям. И заковывайся в эти цепи.

ЮРА: Я не умею заковываться в цепи.

НАГСТЕР: Они сами все сделают. Ты только ближе подойди к ним.

ЮРА: Зачем? Я не хочу!

ЖЕЛЕЗ.: Тогда сними кольцо с пальца и брось его на пол!

ЮРА: Нет!

ЖЕЛЕЗ.: Поднять девчонку!

ЮРА: Подождите! Я ... подойду и брошу его. (Подходит к хапипугам вплотную). А вот сейчас я дотронусь до вас - и станете людьми. Как же я сразу не догадался?! Ура! Сейчас вы станете живыми!

Хапипуги убегают, Юра гонится за ними, но резко поворачивает назад, начинает взбираться по веревке. Хапипуги возвращаются. Железокамень взбирается по веревке, преследуя Юру, остальные хватают окаменевшую Танечку.

ЮРА: Дружо-ок! Дружо-ок! Помоги! Где же ты, мой верный друг?

Из подземного хода выскакивает Дружок, сбивает с ног хапипугов - и каменеет. Они поднимаются. Хотят поднять Танечку, но Юра уже схватил горн. Раздается мелодия, синтезирующая песни положительных героев. Танечка и животные оживают. Хапипуги превращаются в браконьеров из первого действия пьесы. А рельсы - в ружья.

КОРОТК.: (соскальзывая по веревке): Хватайте девчонку! Что вы рты пооткрывали?! Живо! (Опомнившиеся браконьеры хватают Танечку). Юрка, отдавай кольцо царя Соломона!

ЮРА: Зачем оно вам? Вы не любите природу!

ДЛИНН.: Теперь мы ее полюбим, го-го!

ТОЛСТЫЙ: Мы хотим стать такими же хорошими, как ты, хи-хи. Вот и нужно нам кольцо. А ты и так, хи-хи, о-очень хороший.

ТАНЕЧКА: Юрочка, не отдавай им наше кольцо! (Браконьерам) Вы злые, вы противные!

ЮРА: Отпустите Танечку!

КОРОТК.: Нам нужно твое кольцо, а тебе нужна твоя сестра. Так? Давай меняться: мы тебе - сестру, а ты нам - кольцо. Хе-хе!

ЮРА: Дружок!

ДЛИНН. (поднимая ружье с пола): Но-но! А то ведь ружье стреляет! Не только в зверей...

КОРОТКИЙ: Юра, ты сам виноват: превратил нас в людей, поэтому нам надо питаться, кушать. А кольцо нам поможет поговорить со зверятами, подружиться с ними, и они нам расскажут, где есть хороший корм для нас, хи-хи!

ТОЛСТЫЙ: Шашлычок из лосятины! Го-го-го!

ДЛИНН.: Не то мы уведем твою Танечку, и ты ее никогда больше не увидишь.

КОРОТК.: Или тебя убьем из ружья. И кольцо будет наше. А Танечка будет плакать ... Хи-хи-хи, хи-хи-хи!

ЮРА (про себя): Я знаю, что надо сделать: я их поссорю. (Вслух). Я отдам кольцо вам, Длинный. Вы самый добрый. Но вы должны пользоваться кольцом только сами, должны ни с кем не делиться, никому не помогать, ни Толстому, ни Короткому. Хорошо?

ДЛИНН.: Идет! Го-го-го!

КОРОТКИЙ: Так не пойдет! Кто у нас главный? Я! Отдай кольцо мне, мальчишка! А тебе, Длинный, я покажу!

ТОЛСТЫЙ: Юрочка, хороший мальчик! Дай мне это колечко, я ведь самый добрый, самый слабый, самый несчастный из нас! Был на побегушках у этих двух негодяев.

ЮРА: Да мне все равно, кому отдать кольцо. Я его сейчас вам брошу, а вы подбирайте. Кто схватит, тому оно и будет. (Юра швыряет кольцо на пол. Браконьеры отбрасывают ружья и начинают драться, пытаются схватить кольцо. Но их опережает Дружок, он хватает кольцо и убегает). На помощь, зверята! Сюда!

Зверята врываются в башню, нападают на браконьеров дружно,

загоняют их в красные цепи, и цепи их, всех троих, схватывают.

ТАНЕЧКА: Спасибо, милые зверята!

ЮРА: А злые хапи ... браконьеры останутся здесь навсегда. Их будут показывать, как в зоопарке, и кормить, чтобы они не умерли от голода.

КОРОКИЙ: Мы будем жаловаться!

ДЛИННЫЙ: Вы не имеете права!

ТОЛСТЫЙ: Мы на вас в суд подадим!

ДРУЖОК: Гав, гав, гав!

ЮРА: Кольцо?! Спасибо, милый Дружок!

Юра надевает на палец кольцо. Берет Танечку за руку.

ДРУЖОК: А я подумал, что ты без кольца не поймешь меня! Танечка, а ты понимаешь?

ТАНЕЧКА: Да, я тоже понимаю, я ведь Юру за руку держу.

ЮРА: Победила наша крепкая дружба.

ТАНЕЧКА: А хапипуги не умеют дружить.

ЮРА: Мы возвращаемся домой. Пора!

РЫСЕНОК Оставайтесь с нами насовсем!

ТАНЕЧКА: Нас ждет Дедушка. Юре - в школу.

БУРУНДУЧ: Я боюсь хапипугов!

ЮРА: Они навсегда в цепях. Не бойся.

МЕДВ.: Почему мне стало грустно?

СОБОЛЕК: Возьми от нас в подарок волшебный горн!

(Взбирается по веревке. Высвобождает горн и дает его Юре.) Мы же победили, и цепи его больше не держат. Возможно, он еще пригодится тебе и Танечке.

ЮРА: Спасибо!

ДРУЖОК: Пора! Пора! Гав! Гав!

Дети и Дружок уходят. Их провожают зверята. Все ближе к ним волшебная Береза. На месте пограничных столбов стоят четыре молоденькие березки.

ЮРА: Какие красивые березки! Откуда они?

БЕРЕЗА: Не узнаешь? Это пограничные столбы. Когда заиграл серебряный горн, они стали березками. Все вы молодцы! С победой вас! А теперь - в путь! Прислонитесь ко мне!

ДЕТИ: Прощайте, славные зверята! Прощай, страна Добролюбия!

ЗВЕРЯТА: Прощайте, дети!

БЕРЕЗА: Десять. Девять. Восемь. Семь. Шесть. Пять.

Четыре. Три. Два. Один. Пуск!

Гром. Темнота. Молния. Снова - двор Лесника.

ТАНЕЧКА: Спасибо тебе, Береза! Мы снова дома. Как я спа-а-ать хочу-у!

ЮРА: Ложись, мы с Дружком посторожим. (Танечка ложится и засыпает.) Дружок, отнеси горн в дом. Я положу голову на руки, закрою глаза. Спать не буду.

Дружок уносит горн. Слышна песня Лесника. Она все ближе и ближе.

Песня Лесника:

Берегу зеленый лес,

Потому что в нем чудес

Сосчитать нельзя.

Припев.

Лесник входит во двор. С ним - Дружок.

ДРУЖОК: Гав, гав, гав-гав!

ЛЕСНИК: Тише! Юра-то уснул за столом. Вон и Танечка спит под навесом. Он, видно, охранял ее. А сон его сморил.

ДРУЖОК: Гав!

ЮРА (сквозь сон): Опять хапипуги за свое взялись! Я вам не сдамся! Не выйдет по-вашему!

ЛЕСНИК: Сон видит. (Гладит Юру по голове). Все хорошо, Юра, все у нас в порядке.

ЮРА (просыпаясь): Дедушка, мы с Танечкой и Дружком были в Добролюбии! Я покажу тебе волшебный горн! (Убегает в дом.

Возвращается. Растерянно). Горна нет. И кольцо с моего пальца пропало. Дружок! Где горн? Где кольцо?

ДРУЖОК: Гав! Гав!

ЮРА: Ну вот! Без кольца царя Соломона я не понимаю, что он говорит ...

ЛЕСНИК: Юра! Ты что-то странное говоришь! У тебя нет температуры? Ты не заболел?

ЮРА: Да нет же! Не-ет! Я здоров! Здоров!

ТАНЕЧКА (проснувшись): Кто кричал? Дедушка, ты уже пришел! Как хорошо!

ЮРА: Танечка! Наш горн украли!

ТАНЕЧКА: Какой горн?

ЮРА: Да тот, который висел в башне на цепях. Который

всех оживил!

ТАНЕЧКА: В какой башне? На каких цепях?

ЮРА: В башне хапипугов!

ТАНЕЧКА: А - а ... Хапипуги хотели погубить Добролюбию. Их король Железокамень ...

ЮРА: Ага, вспомнила! Значит, мы были с Дружком и с тобой там?!

ТАНЕЧКА: Где?

ЮРА: В Добролюбии! И в Хапипугии! И в той башне!

Нас Береза перенесла ...

ТАНЕЧКА: Нигде мы не были. Ты мне начал рассказывать сказку, которую придумал, а я заснула. Ты тоже, наверно, заснул.

ЮРА: Ну-у?! Да ... Удивительный сон я видел!

ТАНЕЧКА: Я тоже видела сон. Будто я зверят кормила - и они радовались.

ЛЕСНИК: Светает уже. День начинается.

Во двор входит Лосенок.

ТАНЕЧКА: Смотрите, кто к нам пришел! Здравствуй, Лосенок!

Лосенок подходит к Танечке, тянется к лицу ее.

ЛЕСНИК: Дай ему горбушку с солью!

Танечка угощает Лосенка.

ЮРА: Вырасту - выучусь на ученого, стану умным-умным! Изобрету кольцо царя Соломона, поговорю с этим Лосенком.

ЛЕСНИК: К тому времени он станет большим-пребольшим и старым-старым Лосем.

ЮРА: Ничего. Я надену на палец кольцо и скажу: «Здравствуй, старый друг!»

ТАНЕЧКА: А он ответит: «Здравствуй, Юра».

ЮРА: И скажет: «Это здорово, что ты изобрел такое кольцо!»

ТАНЕЧКА: Я возьму тебя за руку и буду тоже разговаривать с ним.

ЮРА: Мы сделаем много-много таких колец. И все люди, все звери и птицы, все деревья и травы –станут друзьями.

ТАНЕЧКА. Потому что все будут понимать друг друга.

(В зал). И вам, ребята, дадим по одному колечку.

ЮРА: А если я сумею сделать только одно такое кольцо...?

ТАНЕЧКА: Тогда мы все-все возьмемся за руки - и все равно будем понимать друг друга.

ЛЕСНИК: Да, это самое главное - всем понимать друг друга.

КОНЕЦ ВТОРОГО ДЕЙСТВИЯ.
ЗАНАВЕС (ЕСЛИ ОН ЕСТЬ).

1977 год, Омск

ПОЭЗИЯ

Из цикла «Истина»

Безответность

Там ничто уж не ждет?
Иль душа перейдет
В оболочку иного создання?
Есть ли ад? Есть ли рай?
Сам пойми-угадай,
Что там скрыто за жуткою гранью!
Много книг я прочел,
С мудрецами я вел
Разговор, ожидая ответа.
И, оставшись без сил,
У Творца попросил
Дать мне верное знание это.
Вопрошал я тогда:
Разве знанье — беда?
И взывал я без скромности лишней:
Только «да» или «нет»,
Вот и весь-то ответ!
Но не стал отвечать мне Вс-вышний ...
Мир особый — иной,
Там, за гранью земной,
Ожидает, возможно, весь век нас:
Тех немногих, кто знал;
Тех, кто верил и ждал;

Тех, кто вслушивался в Безответность ...

1993

Грани

У истины — четыре грани.
Одна прозрачностью манит —
Стремится к ней тот гений ранний,
Кто жизнь науке посвятит.

Вторая золотом сияет —
Бесчеловечной красотой,
Сияньем душу ослепляет.
И тьма в душе от грани той.

Хоть блеска нет у грани серой,
Она мягка, гладка, тепла.
Она покоит душу Верой,
Тая исток Добра и Зла.

Но лишь четвертая прекрасна:
За нею скрыт Любви секрет.
Немногим эта грань подвластна.
Неведом этой грани цвет.

Насмешник-шут в Любовь не верит,
Шальной поэт ей гимн поет,
Богач ее деньгами мерит,
Мудрец ей разум отдает.

Ища в судьбе обыкновенной

Необычайнейших утех,
Кружился карнавал Вселенной
Вокруг заветных граней тех.

И много раз в веках бывало,
Что ошалевший карнавал
Хрусталь священных идеалов
Кувалдой злобы разбивал.

Но сдвинул грани, перепутал,
Смешал крутой двадцатый век.
Настала грозная минута:
Себя теряет Человек.

В делах стремительных и спешных
Сплелись единой маятой
И нераскаявшийся грешник,
И неопознанный святой.

Четыре грани — искушенье,
Но счастье общее — в одной:
Б-г есть Любовь — и в том спасенье.
Еще не вздрогнул шар земной ...

Безумие

В ясный день набухающих почек
Поэтесса, ярясь все сильнее,
Жутким пеплом пылающих строчек
Осыпала притихших людей.

Ей, послушны таланту, внимали,
Содрогаясь, ревнители муз.
И витали в болезненном зале
Мрак и Смерть, заключая союз.

Вдруг увидели все: не бескрайни
Иллюзорной площадки края,
Мы танцуем, качаясь на грани
Мига Жизни и Небытия.

Черный пепел лежал на планете,
Солнца луч не касался Земли ...
И слова сумасшедшие эти
Адским пламенем слушавших жгли.

Я подавлен был вместе со всеми
Удивительной силой стихов.
Сжались в точку Простанство и Время,
Многokратилась тяжесть грехов.

Но собрал я последние силы,
Ко Вс-вышнему молча воззвал,
И увидел, что люди — красивые,

Жизнь — прекасна и светел тот зал.

1996

Внуку Владимиру

Бескорыстно любуйся прекрасным!
С убежденным не спорь понапрасну!
Никогда никому не завидуй!
Распрощайся с давящей обидой!

В каждом деле найди свою меру –
И не следуй дурному примеру!
Думай денно и ночью о главном;
Лишь потом – о приятном, забавном.

Пожалей переполненных злобой
И довольных своею особой!
Приласкай безнадежно больного
И беднягу ревнивца шального!

От похвал возноситься не стоит:
Это – временное и пустое ...
Но предательству нет ни прощенья,
Ни сочувствия, ни сожаленья!

Мсти за зло, не взирая на лица!
Отплати за благое – сторицей!
Уступай амбулансу дорогу –
И доверься Всесильному Б-гу!

22 сентября 2005 года.

Половины

Бродит по свету половина -
И другую тревожно ищет.
А упустит - сама повинна:
На чужие - не пяль глазищи!

Половину узнать при встрече
Может тот, кто любовью дышит:
Разум верит плетенью речи,
Сердце душу живую слышит.

Кто ж другого любить не может,
Тот - навеки без половины.
И никто ему не поможет.
И другие в том неповинны!

1978.

Всепопимание

Я помню, девочка-подросток,
Нередко поражала ты
И сверстников своих, и взрослых,
Покоем честной правоты.

Была без ложности скромна ты,
Чиста душой, как первый снег.
Но вдруг во взгляде - взрыв гранаты -
Блеснул всепопиманья смех.

Ты стала верною женою,
Ты сыну - преданная мать.
И вот ты вновь передо мною,
И так легко тебя узнать:

Знаком тот тихий нежный голос;
И добрый взгляд совсем не нов,
И жеста плавная нескорость,
И искренность немногих слов.

Все та же? Нет, совсем другая:
Глубины взора скрыла сталь,
От глаз чужих оберегая
Всепопимания печаль.

1978.

Исповедь

По грязи и пороше
Шел нетвердой ногой
Я - плохой, я - хороший,
Я - ни тот, ни другой.

Шел за правдой своею,
Заплетаясь во лжи -
И ломал себе шею,
Одолев рубежи.

1986.

Из цикла «Катастрофа» («Шоа»)

Маленький памятник

Маленький скверик в Рамат-ашароне,
Тонких дубков молодые ряды.
Памятник - медный цветок на ладони -
Грустное эхо огромной беды:

Братика за руку держит девчушка,
Лет ей, наверно, не больше пяти.
Он еще меньше сестренки. Неужто
Мимо спасенья ведут их пути?

Каждый прохожий увидит невольно
Жалкий мешочек в захвате руки.
Что в нем? Подачки людей сердобольных?
Мячик резиновый? Кукла? Чулки?

Разве имело значение это,
Если погибель их всюду ждала:
Иль на дороге, иль в лагере, в гетто?
Если родителей смерть увела?

Идучи мимо, я шаг замедляю.
Небо – темнеет. Морозит – в жару.
Памятник-крошка покой мой взрывает ...
За руку держит братишка сестру ...

20 апреля 2006 года.

Сирена

Две минуты звучала сирена.
Две минуты я молча стоял.
И сквозь мрак под свечою нетленной
Рой видений в сознание вставал:

Груды горестных тел обнаженных –
Разных возрастов, разных ростов,
Жалких, тощих и изнеможенных;
Черногубость трагических ртов;

Колыхание Бабьего Яра,
Погребенных, живых еще, стон;
Запах водочного перегара –
И бокалов убийц перезвон.

Над Освенцимом, лагерем смерти,
Из печей выползающий дым –
Страшный вызов людской круговерти,
Тяжелейший укор всем живым;

И за проволокою колючей –
Среди сотен невинных детей -
Та, что вдруг обнажает на ручке
Номер, мерзко наколотый ей.

Те, кто в вечность ушел, непременно
Отомстят за гибель свою.
Отзвучала, умолкла сирена.
Почему ж я стою и стою?

2007.

Из цикла
«Песнь о России»

Память о России

Разве можно забыть Россию?
Разве можно ее разлюбить?
Там ведь ноги мои босые
По планете учились ходить ...

Там о вечности звезды пели.
О святом шелестела листва.
И из сердца к перу слетели,
В первый стих собираясь, слова.

Там — родительские могилы.
Там — провереннейшие друзья.
Те, что памятью сердца милы.
О таком вдруг забыть ведь нельзя.

Там познал я любовь и голод.
Стал отцом я и дедом стал.
Был наивною верой молод.
Был уснувшею мудростью стар.

Не ревнуй, о Земля Святая!
Болью сердца в любви поклянусь:
Болью древней люблю тебя я,
Болью новой — далекую Русь.

Гроза на Иртыше

Я брел вдоль берега один,
От горьких дум душа болела.
И, как бы вторя грозно им,
Гроза над Иртышом гремела.

Швыряла молнии гроза,
Гремела грузными громами.
Секла дождем, слепя глаза —
Но тек Иртыш меж берегами.

Он воды мутные стремил,
Чтоб слиться с гордою сестрою.
Он Обь великую крепил,
Хоть сам лишался вод порою.

А я вдоль берега шагал
Под той безумною грозою.
И Иртыша свинцовый вал
Смеялся хмуро надо мною.

Ему души моей гроза
Казалась мелкой ерундою,
Бессильной ярости слеза —
Соленой теплою водою ...

Полвека — прочь. В стране иной,
Когда гроза гремит шальная,
Я за иртышскою волной
Спешу, вдоль берега шагая ...

1995—2003

Владимиру Ванину

Владимир Федорович Ванин,
Мой славный Черневский сосед!
Среди моих воспоминаний
Оставил ты светлейший след.

Я помню, время не жалея,
Всегда на помощь ты спешил,
Когда с работою моею
Справляться не хватало сил.

Порою грустной, будто зная,
Меня ты в гости приглашал
И, водку в рюмки подливая,
По-русски щедро угощал.

И я, вдали от Красногорска,
Уже второй десяток лет
Благословляю хлебосольство
И бескорыстной дружбы свет.

24 января 2005 года

Осень

Ах, ты, осень, осень золотая!
Сладостно-торжественная грусть!
Стонут птицы, к югу улетаю,
Покидая замершую Русь.

Замер я: в счастливом изумлении
Околдован радужной листвою,
Взором постигаю откровенье,
Сердцем слышу, осень, голос твой.

Шепчет он опавшими листьями,
Тишиной безветрия звенит
То, чего не выразить словами,
То, что утешает и пленит.

Дивным совершенством умиленный,
Гимны запоздалые пою.
Господи,
прими
мой стих влюбленный —
Благодарность за красу Твою.

Не уму — душе она понятна,
Та краса, что всюду и во всем:
Струны те, что сладостно звенят нам,
Если в сердце Б-га мы несем.

На вечерке

На вечерке весело
Час летел за часом
Перзвоном песенным,
Русским переплясом.

А в углу досадовал
Паренек нескладный,
И тянулся взглядом он
К девушке нарядной.

Та глаза лукавые
Щурила задорно,
Проплывала павою
На кругу просторном,

Гармонисту ласково
Головой кивала,
Песнею и пляскою
Сердце волновала.

Плясунам завидуя,
От любви пьянея,
Хмурился с обидою
Парень все сильнее.

И не знал, что нравится
Он, такой нескладный,
Молодой красавице,
Стройной и нарядной.

1955.

Старик

Есть в Омске братская могила,
Войны гражданской горький след.
С ней рядом в зимний день унылый
Стоял старик преклонных лет.
С какой неведомою думой,
Седую голову клоня,
Глядел он, строгий и угрюмый,
На пламя вечного огня?
Оно тревожно трепетало,
Щадя нездешние цветы.
И тени гладили устало
Лица застывшие черты.
В руке - ушанка меховая.
Зачем он снял ее в мороз?
Погибших чтя? Иль задавая
Ровесникам немой вопрос?
Спросить бы мне, какое дело
Ему до тех, кто пал в борьбе!
И - с кем рубился, зло и смело.
И - одолел ли зло в себе.
Обнять бы мне его за плечи,
В глаза суровые взглянуть!
Сказать: - Послушай, человече!
Нам не понять наш сложный путь!
Ему хотел я крикнуть громко: -
Не станет стран! Не будет рас!
Сознание мудрого потомка
С трудом осилит слово «класс».
Но я смолчал, прервать не смея
Его молчанья тайный ход.
Тех слов, что произнес в уме я,
Ему неведом хоровод.

1975.

Окно Небес

На этой голубой планете,
От Солнца — третьей,
Есть край чудес.
В нем — город, свят и почитаем:
Йерушалаим,
Окно небес.

И иудей, и христианин,
И мусульманин
Его своим
Священным городом избрали.
Века шептали:
- Йерусалим ...

И вот мы на пороге века,
Где человека
Забота ждет:
Жить родом многомиллионным
Иль быть сметенным
Со всех широт.
К земному раю, к преисподней —
Наш путь сегодня?
Таит ответ
Окно небес, Йерушалаим.
К тебе взываем.
Другого — нет.

1997.

Стена синагоги

Судный день. Мы молитвой изкора¹
Поминаем ушедших от нас.
Мы полны состраданья и скорби
В этот душу пугающий час.

На восточной стене синагоги —
Десять мемориальных досок.
И скупы, и печальны, и строги
Голоса чернобуквенных строк.

Только имя — и скорбная дата.
Только знак рода войск — иногда.
Нет ни чина, ни лет: все — солдаты.
Всех равняет ухода беда.

Мертв и холоден символ жестокий:
Танк. Пропеллер. Подлодка «Дакар».
Рвется к вечности пламень высокий —
Словно горя нетленный пожар:

По стене рвутся к звездам в обитель
Языки неживого огня —
И изкор произносит родитель
В грозном отсвете судного дня.

Дрогнул голос еврея усталый:
Так был молод единственный сын ...
Ни кипа, ни талит генерала
Не белей его горьких седин.

Рядом - узник Освенцима бывший.
Плачут грустные думы его.
Он изкор говорит - схоронивший
Сына, а не отца своего.

Души тихо над ними витают,
Души мужественных сыновей.
И с нездешней любовью взирают
На печальные лица людей.

В том далеком таинственном свете
Им неведомы грусть и тоска,
Звездной лаской бескрайнею дети
Улыбаются издалека.

2002-2003, Рамат-ашарон.

Памяти Шуламит Моэнблат заль
Шуламит

Так нежданно она вдруг ушла!
Но заботливо память хранит
И улыбку ее, и дела,
Что вершила для нас Шуламит!

Над страной вечерней скользя,
Грустный ветер листвою шумит.
Слов найти в этом шуме нельзя ...
Лишь одно услышал: Шуламит ...

20 ноября 2002 года.

Чета с коляской

Глаза черны, глаза бездонны,
Нежны уста и гибок стан.
В бровях израильской мадонны
Застыл эмоций ураган.

Супруг-атлет ведет коляску,
Улыбкой счастья озарен.
Он сбережет до ночи ласку
И страсть, в плену которой он.

В коляске - первенец той пары,
Дитя любви. Дитя страны.
Победы, радости, удары
Ему в дороге суждены.

И он пройдет свою дорогу
Сквозь мирный труд и сквозь войну -
И будет он молиться Б-гу,
И будет защищать страну.

Ведь рядом злоба затаилась,
Чтоб зверский совершить прыжок.
Ей не знакомы свет и милость,
И злость ее не Б-г зажег.

Пока же спит младенец сладко,
Любовью старших защищен.
И солнце-жар по-над коляской
Свой совершает марафон.

Сентябрь 2011.

Из циклов «Герои» и «Восхищение»

День Победы Ода солдату

Ты украинец был — и русский,
Казах, грузин, таджик, еврей,
С великой Волги — и с Тунгуски,
И с гор, и с берегов морей.
Пылая гневом и любовью,
Победу ты добыл, солдат.
Ты жизнью заплатил и кровью
За гордый будущий парад.
Швырнул ты вражьих войск знамена
Без громких слов и суеты.
Благословили миллионы
Тот подвиг, что осилил ты:
Солдат, герой войны великой,
Ты от чумы планету спас.
Освободитель многоликий,
Прими земной поклон от нас.

В России ль ты, в далеких Штатах,
Израиль домом ли избрал,
Мы выпьем за тебя, солдата,
До краев налитый бокал.
И помянуть мы не забудем
Сраженных в роковом бою:
Безвременно ушедшим людям
Воспламеним свечу свою.

Рамат-ашарон, 4 мая 2001

Варшавское гетто

Варшавское гетто ... Восставшее гетто
Судьбою героической навеки воспето!
И юн Мордехай Анилевич¹ навеки —
И душу тревожит в любом человеке.

Да, то, что свершили евреи в апреле,
Немногие в мире подлунном сумели ...
Над ними витали, я верю, я знаю,
Великие души: Моше², Хашмонаим³,

Бар-Кохба и Шимшон⁴, и славная Двора⁵,
Душа Жаботинского и Трумпельдора⁶.
И души бесстрашные всех Макковеев
Витали над битвой варшавских евреев.

И подвиг Юдифи⁷, и подвиг Эсфири⁸
Сияли над гетто в межзвездном эфире.
И строились звезды, рисунок слагая,
Чтоб мудрость дала нам цена дорогая.

Чтоб мужество павших в борьбе за свободу
Вернуло единство и силу народу.
Чтоб снова из пепла Израиль явился.
Чтоб мир потрясенный в еврея влюбился.

1980

1Мордехай Анилевич — руководитель восстания в гетто.

2Моше — Моисей, кто вывел евреев из египетского плена.

3Хасмонеи, Бар-Кохба — руководители восстаний евреев.

4Самсон — герой, погубивший филистимлян вместе с собой.

5Двора — пророчица, сестра Моисея.

6Жаботинский и Трумпельдор — герои, деятели сионизма

7-8 Юдифь и Эсфирь — легендарные героини еврейки.

Вдвоем

(Старый граф)

Все в малом городке друг друга знали:
Фотограф Глебыч — это бывший граф,
Жена — еврейка, Ривка (и едва ли
Найдется в мире лучше медсестра).

Веселые, довольные, хмельные,
Вошли фашисты ночью в городок.
А утром грохали шаги чужие,
Переступая дрогнувший порог.
Сказали старику: — Какая жалость!
Но есть приказ евреев удалить.
Графиня же еврейкой оказалась.
Пора порвать нелепой связи нить.
Белее седины лицо белело.
На черные глаза тоска легла.
Но муж промолвил: - Раз такое дело,
Пойдешь со мной. Вдвоем. Как всюду шла.
Шепнула слабо:
— Нет, мой ненаглядный,
Судьба моя — одной уйти сейчас:
Хочу, чтоб ты победы шаг парадный
Увидел в тот, еще далекий час.
Но граф был тверд:
— Не оскорбляй, Реввека,
Желанием кощунственным меня —
Великоросса, мужа, человека!

... А через час ударил залп огня.

И медленно на землю оседая
В объятии торжественном своем,
Российский граф и с ним жена седая
Ушли из жизни. Как всегда — вдвоем.

1946.

Ветеранам Второй мировой войны

Благодарный бокал

Миллионы людей унесла та война.
Покалечила судьбы людские она.
Небывалой ценою победа далась,
Небывалою радостью отозвалась.

В этот день мы вина благодарный бокал
Поднимаем за тех, кто на подвиг вставал,
Не жалея ни сил и ни жизни своей,
Чтобы мир отстоять и свободу людей.

Поднимаем бокал за солдата войны,
За героя труда и за верность жены —
И за тех, кто сегодня на страже стоит,
Кто, спасая других, сам себя не щадит.

Поднимаем бокал, чтобы жить и любить,
Чтоб уроков былого вовек не забыть,
Чтобы вовремя злобы пожар унимать,
Чтоб войне мировой на Земле не бывать.

9 мая 2010 года

Я славлю мать!

Я много раз восьмого марта
Всех женщин мира прославлял,
Восторженно и виновато
С великим днем их поздравлял.

Подруг я наших верных славил,
Любимых жен и матерей.
Но выше неба в мыслях ставил
Лишь образ матери своей.

Ах, мама, мама, ближе нету,
Коль рядом ты и коль вдали.
Хоть обойди ты все планету,
Все страны матушки Земли.

Не только в день международный,
В любой из многих-многих дней
Склонимся перед благородной
Любовью матери своей.

Мужчин я не хочу обидеть,

Когда прошу я всех признать,
Что в каждой женщине мы видеть
Должны на первом месте мать.

8 марта 2012 года

Сестрица

- Сестра! Сестра! Утешь, родная!
- Сестра, сестричка, помоги!
В ушах, как музыка живая,
Твои спешащие шаги.

Сквозь боль и страх больничной муки,
Когда тревогу сердце бьет,
Твои таинственные руки -
Надежда тех, кто, веря, ждет.

Твоя улыбка, голос милый
И шутка (острая порой)
Больного одаряют силой,
Зовут вернуться в общий строй.

Не знаю, где берешь терпенье
И есть ли у него предел ...
Прими ж мое благословенье -

Тот стих, что я сложить сумел.

1997.

ДОН-КИХОТЫ

Когда над чужой бедою
Смеялись скоты до рвоты,
На выручку шли чредою
Печальные Дон-Кихоты.

За это иль нет, но часто,
Забыв о своих заботах,
Бросало дерьмо мещанство
В закованных Дон-Кихотов.

Злым страхом давясь, тираны
Их гнали на эшафоты,
Горели в кострах романы,
Где славились Дон-Кихоты.

Единственной любовью
Любили они кого-то,
Но мир переполнен болью
Обманутых Дон-Кихотов.

И все же пора настала
Непрошенной, поздней льготы:
На каменных пьедесталах -
Застывшие Дон-Кихоты.

1977.

Мой отец

Ты должен был бы стать раввином,
Но ты восстал, ты предпочел
Служенье делу медицины
И трудный путь врача прошел.

Ты физик был и математик,
Искусствовед и полиглот.
Вожди? Ты мог лишь презирать их.
Любил же ты простой народ.

Был в детстве слишком глуп и мал я,
Не мог твой ум я оценить,
Твоей души не понимал я.
Мог просто как отца любить.

Но годы шли, ты раскрывался,
Как тайный клад, передо мной.
Я, удивляясь, восхищался
Твоей духовной глубиной.

Таких, как ты, врачей немного
Я знал на жизненном пути:
Ты был, отец, врачом от Б-га,
Ты знал, умел и мог найти.

Немногословен, строг, едва ли
Бывал понятен сразу ты.
Не сразу цену узнавали
Твоей правдивой доброты.

Я это знал: ведь слышал много
Благословений и похвал
Тебе от тех, кто верил в Б-га
И кто Его не признавал ...

Потом - война, болезни, старость
И враг бездушный-слепота.
Здоровой, прежнею осталась
Одна лишь совесть, что чиста.

Твой ум по-прежнему был ясен
И убеждения крепки.
Изнеможденный, был прекрасен,
Как все святые старики ...

Ты умер просто и сурово,
Как жил, без жалоб и нытья.
Ты светел был - и лишь такого
С любовью буду помнить я.

1971.

Памяти Булата Окуджавы

Славный бард

Тем, кто слышать умел, повезло:
Пел в России Булат Окуджава!
В ней по-прежнему правило Зло,
Но певца не сгубила держава.

Потому ль, что умен был и смел,
Что улыбкою слез не скрывая,
Он светиться во мраке умел,
Путь к Любви и Добру открывая?

Ах, как он нас, любя, понимал!
Ах, как все мы его понимали!
Он над буднями нас поднимал,
Мы же его над собой поднимали.

Он был наш, славный бард, он был свой.
Наше лучшее нам показал он.
Он негромкостью песни любой
Нас будил, будто огненным залпом.

День настал, в мир иной он ушел.
Горевали мы, будто родные.
Но остались (никто их не счел)

больших, неотмоленных.

1981

Слов не надо!

Ты мила и хороша,
Как весна.
И светла твоя душа,
И ясна.

Свет тот добрый сердцу мил
Моему.
Неужели полюбил?
Не пойму ...

Помоги найти ответ,
Поспешి:
Без него покоя нет
Для души.

Сам найду ль ответ в глуби
Карих глаз —
Навсегда ли полюбил
Иль на час?

Только слов не надо, слов —

Звеньев лжи!
Столько стянуто узлов —
Развяжи ...

1983.

Братьям

Десять заповедей завещаны
И для нас, и для всех людей.
Но не видеть нам рай обещанный:
От единства далек еврей!

Перестаньте же, братья, ссориться!
Заклинаю любовью вас!
Посоветуйтесь, братья, с совестью
В этот наш судьбоносный час!

Полюбите друг друга искренно,
Соберитесь в один кулак -
И тогда нашу волю к истине
Распознают и друг, и враг.

20 октября 2002 года.

Зов

С межпланетного корабля
Уж не так велика Земля.
И едва лишь на ней видна
Эта маленькая страна.

А в стране свою жизнь ведет
Удивительнейший народ:
Цель начала и суть конца
Получил он из рук Творца.

Но, свершая немало дел,
Полдороги лишь одолел:
Затерялись и ты, и я
В бестолковости бытия.

Час настал, о мой брат-еврей,
Ради вечной души своей
Единенья секрет найти -
Озаренье всего пути.

Соберем воедино мы
Все таланты и все умы,
Все желанья, любовь и гнев,
Тем преграды преодолев.

И настанет великий час,

И поймут, и оценят нас,
Все народы пойдут путем,
Нить которого вновь найдем.

Будет рядом мой брат-араб,
Будет рядом мой русский брат,
Все народы и города
Станут братьями навсегда.

1993-2002

Росточек

Утром вышел во двор. Птицы гимн еще свой не запели.
Тяжко спят старики - и младенцы сопят в колыбели.

И увидел я чудо: сквозь плотность бетонной укладки
Вдруг пробился росток - беззащитный, и слабый, и шаткий.

Ты таинственна, жизнь: всемогущество – знак твоей силы,
Той, что плиты бетонные нежным росточком пронзила!

Но жестоко наступит сапог на невинность росточка -
И в едва лишь начавшейся жизни поставлена точка.

Шел я дальше, от мыслей неожиданных смеясь и страдая.
Их, в блокнот записав, сохранил для людей навсегда я.

А нужна ль ты, строка моя горькая, людям? Не знаю ...
Лишь хочу, чтоб не тронул сапог твои буквы, родная!

Август 2011 года.

Из цикла «Боль»

Баллада о шести миллионах

О как прекрасна жизнь! Как хороша!
Как мы боимся смерти, ран и боли ...

У каждого из них была душа -
Неповторимый сгусток Б-жьей воли.

И были разных возрастов тела
У тех шести убитых миллионов.
Их смерти пасть безвременно взяла.
Удушенных. Расстрелянных. Сожженных.

Ушли они не в яростном бою.
Обманом подлым взяли безоружных.

Младенцу мать давала грудь свою
Для трех глотков, совсем уже не нужных.
- Шма, Исраэль, - шептал слепой старик,
Творя свою предсмертную молитву
И вспомнив ясно в тот последний миг
Верден, потерю глаз - и крест за битву.

И наспор разрубал кретин сплеча
Мальчишечку не дрогнувшей рукою.

И Януш Корчак шел с детьми к печам,
Подбадривая ложью их святою.

И истреблял невинных подлый врач,
Остервенелый экспериментатор.

Не тронули ни стон, ни крик, ни плач.
Ни зов забытой клятвы Гиппократ.

Мир содрогнулся - и рукой ООН
Вернул страну древнейшему народу.

Но столь же древний целится дракон
На жизнь Израиля и на свободу.
Зовут дракона - Антисемитизм,
Три головы смертельным дышат ядом:
То - псевдокоммунизм, то - паннацизм,
То - терроризм, который вечно рядом.

Полвека вновь растет шальной дракон.
Он знает: погубить землян так просто,
Начав с евреев ... И внушает он,
Что не было в Европе Холокоста -
И не было на огненных фронтах
Тех сотен тысяч воинов-евреев:
И тех, что живы, с грудью в орденах,
И тех, кто пал в бою, - пал, не старея.

Запечатленным фактам вопреки
Три головы усердно в мир швыряют
Зловонной лжи словесные комки -
Повтором их в умы людей внедряют.

Шесть миллионов с неба вопиют.
Шесть миллионов жертв к умам взывают:

- Три головы с Израиля начнут,
Потом дракон планету растерзает.

10 октября 2002 года.

Горькие слезы (Поздние слезы)

У скромных памятников ваших,
Что гордых обелисков краше
Простой безгрешностью могил,
Я слезы поздние пролил.

Отец родимый! Мать родная!
Как безотрадно жить, не зная,
Где чары взять, что вас вернут
Хотя б на несколько минут.

Чтоб, увидав святые лица,
Сумел я горько повиниться,
О муках рассказать моих
И о грехах (так много их) ...

Но, может быть, в Бескрайней Дали,
Вы все и знаете, и знали
О жалких тайнах бытия,

В которых заблудился я?..

1978.

Плач о матери

Всему на свете есть начало:
Я знаю, был далекий миг —
Натужно, мама, ты кричала,
Чтоб я издал свой первый крик ...

Под взрывы бомб и гром орудий
Умела ты не унывать.
Но годы шли — менялись люди.
Тебя старушкой стали звать.

Наивна и добра, как дети,
И бескорыстна, как любовь,
Моя единственная в свете,
Тебя живою вижу вновь:

Святые ласковые руки,
Спешащий шаркающий шаг ...
Твоих последних болей муки —
И твердость мужества в глазах ...

1975.

Слепой

Ведомый собакой печальной,
Он шел, торопясь, тротуаром.
Куда он спешил и зачем?

Постукивал белою палкой,
Еще не совсем доверяя
Хвостатому поводырю.

Боялся я: вдруг он споткнется
Иль врежется в столб он фонарный?
Иль выпустит поводыря ...

Я видел: он молод и крепок,
Он многое сделать смог бы,
Когда б не его слепота.

И чувствовал я виновным
Себя в его горьком несчастье,
Как будто его ослепил.

Как будто украл его зренье.
Как будто я вместо собаки
Обязан слепого водить.

А солнышко в небе сияло,

Прекрасный пейзаж озаряя,
Весь мир согревая теплом.

Но было оно равнодушно
К страданиям слепых на планете
И к участи поводырей.

Сентябрь 2005

Друг

И в беде, и в горести,
И часами скучными,
И в шальной веселости
Были неразлучны мы.

Ни весной победною,
Ни усталой осенью
Ты меня не предала,
Ты меня не бросила.

Нет у тебя истинных
Имени и отчества,
Друг ты мой единственный —
Мука одиночества.

1987.

Душа

Ты душу сквозь мороз поспешно
Несла, любя.
Что мне душа? Я плотью грешной
Желал тебя.

А ты любви моей хотела
Когда-нибудь ...
И, веря, отдавала тело,
Свершив свой путь.

И уходила, успокоясь,
В мороз ночной.
И разговор пыталась совесть
Вести со мной ...

Один я. Годы скорбно тают
В потоке дней ...
Как мне сегодня не хватает
Души твоей ...

Ничей

С дерева веселым листопадом
Сыплются на землю воробьи.
Пес бездомный возникает рядом.
Тянет он ко мне глаза свои.

Боль в глазах — сильней недоуменья,
В них мольба — сильней любых речей.
Сносят дом. Жильцам — переселенье.
Пес был общий, стал теперь — ничей.

Он скулит, ползет ко мне моляще —
И кричит в глазах его тоска,
Что не знал любви он настоящей
(Той, что знал, — цена невелика) ...

— Здравствуй, друг! И я искал здесь счастье.
Ты тогда пушистым был щенком.
Вспомнил?.. Я узнал тебя по масти,
Тоже вспомнил ... Вырос в горле ком ...

Воешь, пес? В душе я так же вою
Посреди пустынной суеты ...
Не проси — не взять тебя с собою:
Я ведь сам ничей. Такой, как ты ...

1973.

Пух тополиный

Помнишь, зимою — холодной и длинной —
Я обещал тебе пух тополиный?
Чудо веселое летом бывает:
Пух нашим городом овладевает.

Вот он, обещанный, спит на аллее,
Свадебным кружевом зыбко белея.
Лег он напрасно фатою крылатой:
Ждет он тебя, но его не ждала ты ...

В шелесте листьев все дальше и тише
Шопот прощанья из прошлого слышен,
В мареве тает улыбкой далекой
Сон мой — не сбывшийся, голубоокий.

Время придет: уберут, не жалея,
Пух тополиный из нашей аллеи.
Выметут

крепкой

садовой

метлою

Слепо гребущей.

Не доброй.

Не злою.

1 971.

Два ангела

Я узнал, изучая Тору,
Что при выходе в жизни круг,
Ангел белый и ангел черный
К нам на плечи садятся вдруг.

Если скверное сделать дело,
Черный ангел твой грех зачтет.
Скажет «ДА» ему ангел белый.
От беды тебя не спасет.

Белый ангел добро похвалит,
И зачтется оно тебе.
Сможет черный тогда едва ли
Отменить твой подъем в судьбе.

У меня же, наверно, сами,
Обнаружив изъян большой,
Поменялись они местами:
Я пришел в этот мир левшой.

Мне бы сызмала надо было
Поступать, как левше идет.
Нет же, вправо мой путь сводило.
Все случалось наоборот.

Поздно понял я ту ошибку,

Снова путь повторить нельзя.
Потому приуныл я шибко,
По параболе вниз скользя.

Я походкой бреду покорной.
Я от бед и от лет зачах.
Ангел белый и ангел черный
На усталых моих плечах.

Октябрь 2002 года.

Азкара

Боль в усталых ногах презирая,
По дороге крутой и кривой,
К синагоге я, мама, шагаю
Для таинственной встречи с тобой.

Азкара – это горькое слово,
В нем – следы моих прожитых лет.
Что ни день, вспоминаю я снова
Беззаветной любви твоей свет.

Потерял я свой путь незаметно
В лабиринтах чащобы мирской,
Не нашел своей ниши заветной,
Не обрел я душевный покой.

Я – старик, и сегодня я старше,
Чем была ты к обрыву пути.
Я шагаю в трагическом марше
К небесам мой кадиш вознести.

Возложу я тфилин и надену
Я кипу мою, белый талит.
И кадиш мой легко, вдохновенно

К голубым небесам улетит.

И Вс-вышний поймет, как безмерны
Покаяния боль и печаль,
Пожалеет меня Он, наверно.
Но простит ли? Едва ли ... Едва ль ...

2009.

Прощальный шепот

Мы прощались. Тебя терять я
Начинал в этот час жестокий.
Нам ли время направить вспять?!
Вдруг, поникнув в моих объятьях,
Ты шепнула с тоской глубокой,
Что боишься забытой стать.

Ум взорвала, преград не зная,
Жуткой болью в одно мгновенье
Опоздавших терзаний рать.
И шептал я в ответ: - Родная!
Дивной цепи незримы звенья,
Но ничем их не расковать:

Коль тоскуешь - и я тоскую.
Рад я жизни, коль ты ей рада.
Посмотри мне в глаза, ответь:
Как забыть мне тебя, такую?
Как мне вынести муки ада?
Как с ума не сойти суметь?

Мог ли знать я в тот час прощальный,

Что себя самого теряю,
Лишь осколок застрял в груди? ...
Что твой шепот волной печальной
Будет, памятью укоряя,
В час полуночный приходит?

2012.

Пальчики

Ты помнишь, бросив все дела,
Сбегал к тебе я, к деве милой,
В те дни, когда любовь цвела
И ум неопытный пьянила?

Пьянила косами до пят,
И голосом твоим, и статью -
И серой жизни чуждый ад
Я забывал в твоих объятьях.

Ласкал я пальчики твои,
Такие тоненькие пальцы ...
Я ими в томный час любви
Никак не мог налюбоваться ...

Как день один, промчались дни,
Спрессованы в десятилетия.
А пальчики? В узлах они ...
Без боли не могу глядеть я!

Но не прочтешь в глазах моих
Сочувствия и сожаленья:
Я прячу взгляд в годах иных,

Спешу в далекий светлый день я -

И вновь, былым волнением пьян,
Ту руку вижу я - былую!
Сквозь слёз щекочущий туман
Я пальцы прежние целую.

001.

Из цикла «Музы»

Мой Пушкин

Когда я в дальней деревушке
Читать учился по складам,
Мне Александр Сергеич Пушкин
Был книжкой дивных сказок дан.
Пленен его строкой певучей,
Я чтению быстро был обучен ...
С тех пор прошло немало лет,
Но сердцу не было и нет
Милей, чем Пушкинская лира:
Свободней, звонче и нежней
Не встретил я в потоке дней
И в голосах большого мира ...
Храня в душе любовь свою,
Я славу Пушкину пою.

1989.

Дирижер

Стоял дирижер за пультом.
Казался он полководцем:
Его повелительным жестам
Оркестр отвечал покорно.

Взлетал дирижер, как птица.
Сражался, как смелый воин.
Мечтал, как юнец влюбленный.
Просил, будто старый нищий.

И музыка то стихала,
То грозно вздымалась к небу,
То плакала, то смялась,
Послушная воле взмахов.

А в зале сидели люди,
И с ними вершилось чудо:
Завесу веков прорвавший,
В сердца их

вливался

Моцарт.

1981.

Концерт Рихтера

То — удары рук, то — лишь касанье,
То — мельканье бысролетных пальцев
Заставляли отзываться струны —
И сердца людей соединялись,
Музыке пульсируя навстречу,
Замирая — и взрываясь страстью.

Пробуждались чувства, для которых
Не всегда легко найти название.
Среди них была людская гордость:
— Вот что он, один из нас, умеет!
—

Рвали тишину аплодисменты —
И играл он снова ... И еще раз ...
Наконец, усталость музыканта
Поняли восторженные люди —

Стоя, провожали.
Чуть сутулясь,
Уносил он нашу благодарность
За богатство, отданное щедро

И навек оставшееся в каждом.

1978.

Шалаш

Вдалеке от шумного веселья
Тех, кто ловит красного коня,
Из листвы сложил себе постель я,
И шалаш огородил меня.

Был покой. Но тут, рукою гибкой
Отворяя солнцу путь в шалаш,
Девушка с доверчивой улыбкой
Разорвала сонной лжи мираж.

И увидел небо я живое,
И ходил под небом красный конь,
Подзывал глазастой головою
И копытом высекал огонь.

Я к нему со смелостью мгновенной
Совершил немислимый прыжок —
И помчался конь по всей Вселенной,
Будто гневный кнут его ожег.

Крикнула мне девушка вдогонку:

— Глаз не жмурь! Назад — не оглянись!
Свой шалаш — забудь!
И долго, звонко
Те слова вослед за мной неслись.

Красный конь, волшебный конь удачи,
Поднялся в неведомую высь:
Начинал я видеть жизнь иначе —
Словно свечи вдруг во тьме зажглись.

Битвою Добра со Злом извечным,
Дружбой Лжи и Правды потрясен,
В омуте Пространства бесконечном
Начал постигать я связь времен.

Начал постигать я единичность
Атомов и звезд — и душ людских,
Их разъединения трагичность,
Ценность и неповторимость их ...

Мчался конь, галактики пронзая,
Обгоняя время, конь летел —
И зажмурил в ужасе глаза я,
И покой вернуть я захотел ...

А когда я снова поднял веки,
Был один все в том же шалаше.
Конь исчез. Исчез мой конь навеки.
Лишь осталась боль в пустой душе.

1985.

Зое Александровне Перелыгиной

Грезы любви

Играла девушка на старом пианино
Ноктюрн прекраснейший Ференца Листа.
Я слушал — и душа моя от счастья,
Блаженства и любви затрепетала.

Все громче, громче звуки раздавались,
И страстный зов мне слышался неясный.
К чему? Куда те звуки душу звали?
Ответить я не смог бы в те минуты.

Вот прозвучал последний звук — и снова
Окрестный мир явился, пыльный, серый,
С заботами суетными, пустыми,
С изменами, предательством и ложью.

Но из души не выплеснулось чудо
Соединенья с тайною великой:
Звучала музыка в душе печальной,
Ей бодрость и надежду возвращая.

Прошли года, прошли десятилетия,

Но жив в душе ноктюрн Листа третий.
Тех «Грез любви» пьянящая услада
Событий горечь ласково смягчает.

6 февраля 2005 года.

Чарли

Маленький человечек на киноэкране
все спешит, попадая впросак.
Смешной он очень.
Во всем – смешной он.
Смешон в лице, удивленно-добром,
Наивном,
Тихом,
С жалкими усиками и бровями,
В походке смешон семенящей,
Такой поспешающей ...
Смешон котелок его,
приподнимаемый то и дело ...
Но больше всего смешон этот Чарли,
конечно, в поступках, итоги которых –
обратны и целям его, и желаньям.
Смешон в отработанных трюках,
Порою весьма опасных ...
Мастер кино и смеха –
Чарльз Спенсер Чаплин.
Да, неудачник Чарли
понятен и близок нам всем:
он свой, он из гущи нашей,
он наш – этот маленький, жалкий.

С мечтами, с поступками - весь!
Потому-то над бурей смеха,
над сползающими со стульев,
над задыхающимися -

взмывает вдруг вдохновенно
в момент,
предназначенный гением боли,
Людского Сочувствия птица!
Она простирает добрые крылья
над нами,
слезу утирающими
украдкой -
Прекрасная Птица Открытья
в маленьком человечке -
Великой Души!
Боли ее - за всех нас,
жалеющих – нет, не себя, а его!
Его, неудачника славного.
И шепчем мы еле слышно:
- Бедняга Чарли!
И мы, потрясенные и благодарные,
вдруг
становимся лучше!
Хотя, возможно,
не так уж надолго.

17 июля 2003 года.

Актриса

Она была худа и некрасива.
Сутулилась неловкою спиной.
А он - любил. И нам любви той сила
Казалась непонятной и больной.

Но вот однажды на киноэкране
Увидели мы женские глаза.
Ее глаза. В безумно крупном плане.
Была в них мука, нега и гроза.

Исчезла вдруг худая некрасивость:
Талант являл свою красу и власть.
И жажда счастья в души запросилась -
И музыкою в них отозвалась.

На свадьбе мы завидовали другу.
Умолк красноречивый тамада.
Но эстафетой вдруг послал по кругу
Из уст в уста одно лишь слово: - Да-а-а ...

1982.

Бетховен

Он вдруг возник - и ласковый, и нежный.
Душе сиротской - милый и родной.
Наивная! С улыбкой безмятежной
Звала себя любимую женой.

Уехал ... Не поверила: как можно?!
Потом - застыла. Ни слезы из глаз.
В тот миг под сердцем, замершим тревожно,
Ребенок шевельнулся в первый раз.

Застывшая, по улицам ходила:
Прощалась молча. К цели шла своей:
Туда, где дом бригада возводила.
Чтоб камнем пасть с бетонных этажей.

Остановил дворец искусства новый:
Там музыка могучая звала,
Был зов неотразим. То был Бетховен.
То увертюра к «Эгмонту» была.

Вошла. И слушала. В огромном зале
Той музыкою Жизнь взывала к ней.
Волшебной силой звуки обнажали
Созвездия грядущих ясных дней.

Вернулись к ней спасительные слезы.

Плыла душа над суетой Земли.
Сияли радуги. Гремели грозы.
И звуки в Жизнь несли ее. Несли ...

1981.

Поэзия

Пишут холодно - и взволнованно.
Пишут ясно - и зашифрованно.
Пишут чуткие - и бесстрастные.
И - счастливые, и - несчастные.

Пишут пахари. Пишут воины.
Потому что так уж устроены.
Пишут девочки. Пишут мальчики.
Прячут в ларчики. Шлют в журнальчики.

Пишут бездари. Пишут гении.
О бессмертии мук творения!
Но поэта путь - бритвы лезвие.
И жесток тот суд - суд Поэзии ...

1979.

Из цикла «Песни»

Массовик

*(из мюзикла-детектива «Сорвите маски»,
соавтор сценария — А. Зыков, муз. И. Тамирина)*

Если вы нахмурились с утра,
Если вы и вечером грустите,
Если и сегодня, как вчера,
Даже улыбнуться не хотите,
Если вас не радует ничто,
Даже то, что вы в костюме новом,
Если надоело спортлото
И не интересно домино вам,
Возвратит улыбку вашу вмиг
Молодой волшебник-массовик.
Если ваши нервы зашалают,
По врачам напрасно не ходите,
На массовика направьте взгляд
И его ответный взгляд ловите.
Массовик — веселья дирижер,
Он — экскурсовод, судья на матче,
Музыкант, актер и режиссер,
Вдохновитель творческой удачи.
Не читайте медицинских книг —
Нужен вам профессор-массовик.
Сколько добрых и красивых дел
Массовик находит непрестанно!

Даже Змей Горыныч подобрел
И смеется звонко Несмеяна.
Дело по душе и вам найдет,
Одарит веселою заботой —
И старушка лихо в пляс пойдет,
И заговорит молчун с охотой.
Он новатор и передовик,
Мастер настроенья — массовик.

1975.

Песня о разлуке

(восстановленная автором по памяти песня
из мюзикла-детектива «Сорвите маски!»,
соавтор-режиссер А.Зыков, композитор И. Тамарин).

Разлучили землю с небом облака,
Серый ветер их принес издалека.
Ой, ты, небо, небо милое, вернись!
И земле, своей любимой, улыбнись!

Припев:
Шальные ветры, темень облаков!
Не угасить вам светлую любовь!
Она горит у сердца в глубине,
Дан свет ее навек тебе и мне.
Разметали злые ветры нас с тобой,
Хоть подарены друг другу мы судьбой.
Я судьбу молю, тоскуя и любя,
Чтоб скорей она вернула мне тебя.

Припев.
Проверяет нас разлукою любовь:
Коль верны мы, засияет солнцем новь
И разгонит добрым светом облака —
У любви великой сила велика.

Припев.

1975 — 7 сентября 2004 года.

Песня туристов

*(из мюзикла-детектива «Сорвите маски»,
соавтор сценария — режиссер А.Н. Зыков,
муз. Иосифа Тамирина)*

Мы туристы, и нам
Не сидится на месте:
Нас зовут горизонты далекие.
По лесам, по горам
Мы с веселою песней
Одолеем маршруты нелегкие.

Карту в руки турист берет —
Это сердце в поход зовет.
А когда раздобыл рюкзак,
Сделал первый туристский шаг.

Если вдруг загрустил
И безоблачным утром
Даже солнце сияет, не радуя,
Значит, надо пройти
По туристским маршрутам —
Будут песня и дружба наградою.

Так смелее, смелее в путь!
Стань веселым, веселым будь!
По маршруту вперед иди
И в походе друзей найди!

Словно сбросив года,
Мы с природой роднимся,
Красотой первозданной любимся.
Не спешим никуда,
Опоздать не боимся
И о срочных делах не волнуемся.

Выбирает свой путь турист:
Это — воздух, который чист,
Это — горы, поля и лес,
Это — синяя ширь небес.

Мы вернемся домой
Из похода большого
С нашей радостной бодрою песнею.
Адрес твой, адрес мой
Сохраним, чтобы снова
Дружно двинуться в дали чудесные.

1975.

Едут люди ...

Номер твой набрал,
но вдруг пришла усталость —
И едва сказал, что взял билет.
Ты молчала. Все молчала, но казалось,
Слышу я отчаянное: «Нет!»
Припев:
Едут люди. Люди вдаль стремятся.
Где-то ждут, а где-то будут ждать.
Едет тот, кому нельзя остаться.
Едет тот, кто мог не уезжать.
В нервной суете вокзального перрона
Ты меня нежданно ждала.
Под окном поплывшего вагона,
Торопясь, тревожно, обняла.
Припев:
Едут люди — и т. д.
В сумрачную даль тебя отодвигая,
Убегал полуночный вокзал —
И кричал я, ветром губы обжигая,
Те слова, что раньше не сказал.

Припев:
Едут люди — и т.д.

1976.

Верю

(музыка Александра Бутюгова)

Ночь плывет, не спеша,
Зыбкой тайной полна.
Берега Иртыша
Тропкой сводит луна.

В голубой тишине
Расцветает весна.
Что ж не радостно мне
Этой ночью без сна?

Здесь недавно с тобой
Мы бродили вдвоем.
Лунный свет голубой.
Был во взгляде твоём.

О любви и весне
Шелестела листва.
С ней слились в тишине
Дальней песни слова.

Ты ушла, как вода:
Не сумел удержать,

Но тебя никогда
Не устану я ждать.

Верю я, что придет
Та награда ко мне:
Вновь весна запоет
В голубой тишине.

1955.

Из цикла «Басни»

Секрет Осла

Однажды как-то в дальний Лес
Осел начальником пролез.
Не обошлось, видать, без брата
(Тот брат со Львом служил когда-то).

Ослу легко руководить:
Взошел на пень — и ну вопить!
Вопил он и стучал копытом,
А что к чему — пойдя, пойми там ...

Бобры ж, медведи, барсуки,
Ослиным воплям вопреки,
Как прежде, делом занимались —
И планы Леса выполнялись.

Совсем Осел тут обнаглел
И Льву пообещать посмел,
Что за год станет больше вдвое
Его хозяйство боровое.

Лишились звери языка ...
Но (то ль традиция крепка,
То ли Осла упрямство знали)
Все дружно лапы «За» подняли.

Вот год прошел, и Лес подрос.
Замерили его прирост.
Да что замер, коль видят дети:
Прибавил Лес поменьше трети.

Плохие, стало быть, дела ...
Но тут Лиса совет дала
Писать отчет о выполненьи
И ... о пожаре ... в воскресенье ...

Осел Лисе — цыпленка в дар.
А в воскресенье — впрямь — пожар.
Геройство звери проявляли
И Лес, конечно, отстояли.

И сам Осел с Лисой вдвоем
Был опален лесным огнем.
Что ж, Лев спасителя поздравил —
И в Большой Лес вопить направил.

С собою взял Осел Лису:
Писать отчеты в том Лесу.
* * *

Секрет ослиного почета —
Не в лисьей ли строке отчета?

1975.

Лишайник и Скала

Скала незыблемо стояла
Над горной кручей много лет.
Ее и Солнце раскаляло,
И Ветер свой печатал след.

Дожди секли неумолимо.
И злобно рвал ее Мороз.
Все ярче были различимы
Следы тех яростных угроз.

Вдруг на Скале хитрец Лишайник
Пророс, откуда ни возьмись.
Сперва — один клочок случайный,
Потом — другие разрослись.

И вот уже Скала покрылась
Лишайником до самых пят.
Он шепчет ей, чтоб не сердилась:
- Я твой защитник, друг и брат.
Собой я скрыл твои морщины,
Укрыл от Ветра и Дождей,
И потому не без причины
Питаюсь кровью я твоей.

* * *

Судьба Скалы, увы, горька мне:
Она, как видно, упадет;
Катясь, расколется на камни;
Лишайник в каждом — оживет ...

1989—1999.

Скунс¹

Впустили Скунса в Лес однажды ...
Вот первым струсил Волк отважный.
Медведь сбегал, коль Скунса видел.
Сам Лев, робея, ненавидел.
Секрет такого страха прост.
Все знали: Скунс поднимет хвост,
Вонючей обольет струей —
Ты всем чужой ... Хоть плачь и вой!
А Скунс все более наглел:
Себя он Волком звать велел,
Потом — Медведем. Наконец,
Всем объявил: — Я Льву — отец.
Лев на совет зверей зовет —
И слово тут Лиса берет:
- Коль Скунса вес уж так возрос,
Пусть остановит тепловоз!
Ответа звери ждут в тревоге ...
Хихикнул Скунс: — Пойдем к дороге!
Все убедитесь, как один:
Я и на рельсах — господин!
Пошли. На рельсе Скунс сидит.
Вдруг Тепловоз ему гудит!
Ни с места зверь, струю пустил!!!
Но в тот же миг раздавлен был ...

Зажав носы, земле предали.
Но вывод сделали едва ли —
И новый Скунс уже пролез
В тот самый — добрый, старый Лес ...
Он осторожней и хитрей
Того, что сел на рельс скорей ...

1992

1 Скунс — американская вонючка, млекопитающее семейства куньих, защищается зловонной струей жидкого кала

Цена

Осел был недоволен Львом —
И править сам желал зверьем.
Подумав, со Змеей Осел
О троне царском речь завел.

— Спешу, Осел, — шипит Змея, —
Помочь тебе согласна я:
Ужален будет враг любой,
Который вступит в бой с тобой.

Осел поверил — вверх пошел,
Ступенями овладевая.
Ужален Волк, Медведь, Орел —
И вот вершина роковая ...

Дрожа, Осел на Льва напал.
Но тот ему хребет сломал.
И тут же сам ужален он —
Змея, шипя, вползла на трон.

* * *

Мораль проста у этой басни:
Змея как друг — врага опасней.

1992.

Слон и Коза

Коза увидела Слона
И молвила: - Какой огромный!
Ему гора еды нужна,
Меж тем как рацион мой – скромный.

Даю я людям молоко,
Они во мне души не чают.
Подняв свой хобот высоко,
Ей Слон с улыбкой отвечает:

- Да, не сравнить наш рацион,
Но так судить, мой друг, негоже:
Ведь то, что в день свершает Слон,
Коза вовек свершить не сможет.

2010.

Из цикла «Улыбка»

Улыбка

Новый свет в моем сердце горит:
Улыбнулась мне утром Ирит.
И — умчалась, стройна и легка,
Разогнав моих лет облака.

О как вовремя был он сейчас,
Свет улыбки пленительных глаз,
Тех, что высшей красой хороши —
Светлой радостью юной души.

1997.

Несправедливость

Когда влюбленный, молодой,
Склонился я перед тобой,
Сказала ты:
— Чтобы любить,
Мужчина зрелым должен быть.

Помчались дни — я зрел, мужал.
Я руку к сердцу вновь прижал.
Но ты сожгла надежды нить:
— Любовник юным должен быть.
—

1965.

Самый-самый

— Как мне жаль, что я — обыкновенный! —
Он сказал, восторженно любя. —
Потому что нет во всей Вселенной
Девушки, достойнее тебя.

— Как мне жаль, что я не самый мудрый:
Я б трудился, не жалея сил —
Для моей подруги златокудрой
Тайну хода времени открыл.

— Как мне жаль, что я не самый смелый:
Я бы с тигром злобным в бой вступил —
И к ногам невесты гибкотелой
Шкуру полосатого сложил.

— Как мне жаль, что я не всех красивей:
Стала бы со мною рядом ты,
Чтоб возникло в телеобъективе
Чудо совершенной красоты.

Та звезда. Для тебя - для Вирсавии.
Разгляди же ее! Разгляди -
Через ритмы и рифмы лукавые.

1993.

Я птицей был ...

Я птицей был. Как это славно!
Торжественно, спокойно, плавно,
Высоко в небе я парил,
Не чувствуя волшебных крыл.

Послушны моему велению,
Они меня без промедленья
Туда, куда мой взор позвал,
Несли - и я торжествовал.

Один лишь раз я приземлился -
И вновь к высотам устремился.
Натужно крыльями махал,
Терял я силы, но - взлетал.

Чем выше я, тем легче мне
Лететь в небесной вышине...

Увы, то был лишь чудный сон,
При свете дня растаял он.

7 февраля 2012 года.

Волшебники

Будь волшебником, конечно,
Перстнем стал бы я:
Пальчик твой ласкала б нежно
Преданность моя.

Пусть бы радуга сияла
На камнях моих,
Чтобы взгляд твой отвлекала
От вещей других.

Я бы верною собакой
На пороге лег,
Чтобы изредка поплакать
У любимых ног.

Чтоб рука хозяйки милой,
Пожалев меня,
Наполняла доброй силой
На исходе дня.

Млел бы я цветком душистым
На груди твоей ...

Но мечта, как дым, повисла,
Тая все скорей.

А волшебники-плутишки
Прячут хохоток:
Пес, у ног твоих притихший,
Перстень и цветок.

1978.

Из цикла «Усмешка»

Заблудшие

День свиданья — тайная награда.
Вновь запретно он утешил нас
Тихой песней умиленных взглядов,
Взрывами полубезумных ласк.

Шепчет дождь, твой зонтик очищая,
Что пришел прощанья грустный час.
Снова я чужой, и ты — чужая.
Снова гаснет свет сиявших глаз.

Мрачная, ступая слепо в лужу,
Зонтиком взмахнув на счастье мне,
Снова ты идешь к зануде-мужу.
Я вернусь к зануднейшей жене.

А вчера, быть может, грустно где-то

Расставался с кем-то твой супруг.
И моя жена, другим согрета,
Выскользала из горячих рук.

И, спокойно огибая лужу,
Остужая душу в глубине,
Шла, вздохнув, ко мне, к зануде-мужу.
Шел твой муж — к зануднейшей жене.

1985.

Продажа

На старом, но бойком базаре
К забору собак привязали
Хозяева их — продавцы
(в собачьем понятии — отцы ...).

Наверно, причина бывает,
Что друга продать заставляет.
И вряд ли при этом важна
Базарная другу цена.

Хозяев лаская носами,
Махали собаки хвостами
И лаяли на чужаков —
Собачий обычай таков.

Всегда ль так бывает, везде ли,
Но вовсе в глаза не глядели
Хвостатым друзьям продавцы
(в собачьем понятии — отцы).

Кричал я заблудшей собаке:

— Что люди — отцы, это — враки,
Что люди — друзья, это — ложь!
На рынке ты правду поймешь!

О преданность, дикая сила!
Собака меня ... укусила —
За горькую правду мою ...
Так было, вам слово даю.

1977.

Воробей

Я люблю воробья, эту малую птицу,
Не за то, что в России зовется жидом,
А за то, что малыш никого не боится,
Что он весел и скор, и везде ему — дом.

Видел я воробья и в Москве, и в Варшаве,
В Бухаресте, в Эйлате, в низовьях Оби.
Ни ворона, ни голубь ему не мешали
Отхватить свой кусок — и предаться любви.

3 октября 2005 года.

Кошка

Одноглазая пестрая кошка
Без одной половины хвоста
Поутру заглянула в окошко —
Неспроста.

Неспроста.

Неспроста.

Я живу в полутемном подвале —
За свои и чужие грехи,
И нужны той бедняжке едва ли
Сочиненные мною стихи.

Ей бы — курьего мяса кусочек,
Ей бы — тепленького молочка!
Кошка жизненной радости хочет,
Что ей боль моя, мыслей тоска?!

Три котенка — за нею, бесхвостой, —

След любви разномастных котов.
Смотрит глаз ее жутко, не просто —
И поверить я в ведьму готов.

1995

В полночь

(Ночной разговор)

Они гуляли теплой ночью летней.
Смеялась, друга слушая, Она.
Он был охвачен страстью межпланетной.
Она же – по-земному влюблена.

Он говорил о безднах увлеченно,
О схожести всеобщего родства,
О скрытых в массе многомиллионной
Подобных нам разумных существах:

- Они среди нас!
И вдруг спросил, бледнея,
Смогла бы полюбить его иль нет,
Узнав, что прибыл он сюда за нею
С одной из галактических планет.

Она смеяться сразу перестала.
Тоскливо посмотрела на него
И, попрощавшись горько и устало,

Ушла во тьму от друга своего.

С ее антенны в искрах полуночных
Сорвался в Космос радиосигнал:
- Как быть? Прошу я указаний срочных:
Землянин правду, кажется, узнал!

1976.

Из цикла «Хокку»

Тихо зажглись фонари.
Дальние звезды бледнеют.
Солнце — у антиподов.

Всюду — ее лицо.
Улыбка былая — живая.
Падают листья-слезы.

Ложь — и слова, и дела,
Только любовь светла.
Май. Дворник. Метла.

Хмурится небо.
Нет уж тебя среди живых.
Совести муки.

Мудрые мысли.
Горечь не сделанных дел.
Мудрость напрасна.

Ветер надежды.
Едкая сладость молитвы.
Ужас предчувствий.

Листьев шуршанье -
Давит их автомобиль.
Шепот природы.

Горестный плач по убитым.
Взрывы. Стрельба. Кровь.
Вращенье планеты Земля.

Грозно воеет сирена.
На пляже — турист из России.
Июль. Тель-Авив.

Из цикла «Рубаи»

Сегодня я тревожился опять
О том, какую муку терпит мать,
Когда ее единственного сына
Судьба ведет смертельно воевать.

Коль стала демократия слаба,
Печальна демократии судьба:
Тираны ей несут обман и гибель,
Но спит в углу с тиранами борьба.

Рождения Вселенной Господин!
Чудес Вершитель в мире - Ты Один!
Молю, дай людям чудо справедливо:
Сведи в судьбу одну все тьмы судьбин.

Толпа идет туда, куда ведут,
Надеясь, что взамен ей рай дадут.
Обманутый вождями, гибнет люд.
На «Цезаря» едва ль найдется «Брут».

Поверь, я не забыл тебя, о нет!
Хотя не сохранил я твой портрет,
Но память благодарностью трепещет,

Храня тех дней святых полетный след.

Вползают в слух твой ложь, неправота,
Вползает ложь с экрана и с листа.
Чтоб истину познать, явись на место -
Реальность неподкупна и проста.

Израиль он любил, любил он мать.
За них ушел парнишка воевать -
И голову сложил, их защищая ...
Талант, он столько мог бы миру дать! ...

По небу плавно плыли облака,
На нас, людей, взирая свысока.
Но их покой разрушили ракеты,
Взлетая из людского далека.

Нам не дано глупцу возвысить ум
И передать красу глубоких дум.
Глупец чванливо мудрость отвергает,
Ведь для него она – досадный шум.

Глупцу досталась мудрая жена –
Его счастливым сделала она.
А мудрецу досталась злая шлюха –
И выпил он беды бокал до дна.

Ему гадалщик жизнь наворожил.
Назло гадалщику - иначе жил.
Когда ж пришел он к финишу, то понял,
Что, словно кукла, силе злой служил.

Трех жен подряд зануда уморил:
Был скуп и нуден он, давил, корил.
Четвертую угробить не успел он:
Студент ее сбежать уговорил.

Супружескую верность нарушал,
Но годы шли, гуляка обветшал.
Старик, он сам ревнивым став без меры,
Соседей удивлял и потешал.

Беги, глупец, от дружбы эгоиста,
Чей пыл любви к себе силен, неистов.
Он, высосав все соки из тебя,
Жалеть и ахать станет голосисто.

Из цикла «Лимерики»

Полюбил педагог ученицу -
Но она не спешила влюбиться.
Потрудившись немало,
Директрисой там стала,
И пришлось ему ей подчиниться.

Впопыхах одноглазая кошка,
Видя мышь, промахнулась немножко,
Головою с разгону -
В бутылек самогону ...
За разбой арестована кошка.

Муж супругу застукал в постели.
И она, и любовник летели
Этажей восемнадцать –
Чтобы смяться-сломаться.
Муж расстрелян, без ссадин на теле.

Совратила студента старуха –
И попала на ленту порнуха.
Ту порнушную ленту
Оплатили студенту –
И веселою стала житуха.

Аж полвека любились супруги,
Прям на зависть всѣй ихней округе.
Вдруг с дороги свернули,
Оба улепетнули:
Жѣнка – к другу, муж ейный – к подруге.

От прохожих бордель охраняя,
Злой кобель ускорительно лаял,
И в кроватях борделя
Все пружины запели,
Кобелю в резонанс подвывая.

Полюбил кочегар повариху.
Он ухаживал бойко и лихо.
Но халат чуть замазал -
И пощечина сразу!
Недотрогой была повариха.

Раскрасавица мужа пилила,
Потому что совсем не любила.
Угодить он старался,
Но не смог – и расстался.
Так нашла же его! И – убила.

Старику приглянулась девица,
И задумал на ней он жениться.
Он о свадьбе хлопочет,
А девица хохочет:
Овдоветь в тот же день не годится.

От любой из тяжелых болезней
Нет лекарства верней и полезней,
Чем водичка плюс голод:
Будешь весел и молод,
Станешь жить с развеселою песней.

Полюбилась давнишнему другу

Закадычного друга подруга.
Он с собой не боролся,
Друг с женою развелся –
Не от ревности, а от испуга.

Лоху дева-краса повстречалась –
Он женился, не медля ни малость.
Но едва лишь женился,
Спидом лох заразился:
Проституткой жена оказалась.

Из цикла «Четверостишия»

Молитва о душе

Молю тебя, о Б-же правый,
Не дай душою измельчать,
Прельститься краденою славой
И непосильный труд начать.

Верую!

Верую в Б-га единого,
Давшего свет нам и тьму.
Каждый из нас - блудный сын его,
Каждый - вернется к нему.

Его власть

Вс-вышний властвует незримо
Над шумным морем бытия:
В дни пирамид, Афин и Рима -
И в те, где ныне ты и я.

Вера разная...

Вс-вышний один во Вселенной,
Хоть много и вер, и идей.
Моли ж Его, брат, вдохновенно

О дружбе и счастье людей.

Коммунизм

Куда ж мы шли и шли за годом год
С программой невежества убогой?
Но верю в коммунизм! К нему придет
Семья землян. Совсем другой дорогой.

Багровые закаты

Багровые закаты,
Морозные дымы ...
Зима, Зима, куда ты?..
Куда с тобою — мы?

Бедный кит

Огромный кит не может почесаться,
На нем моллюсков-крошек миллион.
И от двуногих уплыть, спастись
В наш век - увы ! - уже не в силах он.

Брату-графоману

Рассудок твой мутит отравы -
Друзей прежалостливых лести.
О графоман, помысли здраво -
В печать с г... не стоит лезть.

Ван-Гог

Страдающая линия ...
Страдающий мазок ...
Страдания глубинные ...
Велик Винцент Ван-Гог!

Вдова

Вдова красива, молода.
Но друг потерян навсегда.
Мужчин иных голодный взор
Теперь не радость - боль, позор.

Железная рука

Едва задумался о пройденном пути,
Как боль грехов сумела в ум войти,

Железною рукою горло сжала -
И скорпион вонзил мне в сердце жало.

Мечтатель

Людей не замечал перед собою:
Смотрел куда-то в небо голубое.
Не зная, что глаза его мечтали,
Пустым зазнайкой мальчика считали.

Наглость

Мы упорно небо просим
О приятненькой погоде -
И бессовестно наносим
Раны страшные природе.

Не верь!

Не верь его признаньям, Лена:
Не мало он разбил сердец.
Под маской страсти вдохновенной -
Объятый похотью самец.

Нелепые рабы

Мы нелепые рабы
Необузданных желаний.
Вопли совести слабы
В мире злобы и страданий.

Предопределение

В нашем мире нет случайностей:
Все пути судьбою устланы.
В бесконечности, в бескрайности,
Пляшет маятник бесчувственный.

Об авторе

Александр Герзон родился в Киеве, в семье врача Абрама Исаковича Герзона. Девичья фамилия матери, Софьи Давидовны, – Гильскер.

Вскоре после рождения сына семья уезжает в деревню.

Отец обучает сына чтению, и тот читает все, что попадет на глаза: газеты, журналы, отцовские книги. Уже в четыре года его ставят на табурет, и он декламирует стихи из книжонок своих.

Снова семья в Киеве.

В школе левшу-первоклассника заставляют писать правой рукой, он не может решать задачи по арифметике, ставится вопрос о его непригодности к обучению. Активно вмешивается отец – и оказывается, что и писать просто, и решать задачки просто, и вообще – учиться легко. И позднее трудности в алгебре и тригонометрии после его объяснений исчезали.

В связи с тяжелым заболеванием сына в 1937 году Герзоны вынуждены переехать в Крым, где на мальчика огромное влияние оказывает преподаватель русского языка и литературы Елена Александровна Энглези-Провоторова. Появляется желание стать писателем. На уроках он декламирует охотно, начинает декламировать в клубе. Хочет стать и писателем, и декламатором. Он много читает. Книга Лиона Фейхтвангера «Еврей Зюсс» потрясает его, он рыдает. Впервые серьезно осознает, что значит быть евреем. Война рушит планы и надежды. Год Герзоны живут в Вольске

Саратовской области, в тяжелых условиях. Преподаватель русского языка и литературы ставит восьмикласснику единицы за изложения и сочинения, игнорируя их содержание, так как он слишком вольно, по ее мнению, обращается со знаками препинания. Это было тяжелое давление на психику подростка.

Мать уходит на фронт как военврач, семья переезжает в Омск к сестре матери, Лии. Здесь, на вокзале, умирает дедушка Давид. Увидев труп в анатомке, юноша потрясен продольным швом вдоль живота и груди, неподвижностью голого и мертвого деда. Не задержавшись в Омске, отец вместе с сыном уезжают в Тюмень. Голодно и холодно здесь так же, как в Вольске.

Но именно здесь - в ледяной комнате, разогревая дыханием замерзшие чернила, написано веселое, жизнерадостное сочинение «День ученика».

Летом - военный лагерь, а затем - военный завод, но вскоре юный рабочий уволен из-за нарастающей болезни вен.

Отца переводят в Казахстан, а сын - снова в Омске, в комнатке бабушки Эстер и тети Лии. В авиационном техникуме, где норма хлеба 800 граммов, а профком помогает с одеждой, он учится средне, но руководит концертной бригадой, участвует в спектаклях, влюбляется, дарит девушкам любовные стихи, сам не может ни строки вспомнить. Посещает секцию бокса, достигает успехов, но оставляет бокс, претерпев нокаут.

Завод, где после техникума Герзон работает, угнетает его, молодой специалист переходит из цеха в цех, из отдела в отдел, и, спроектировав два изделия, увольняется.

В 1948 году поступает в педагогический институт.

Учится хорошо, участвует в театральном коллективе, выступает как конферансье и вокалист-тенор в концертах. По предложению кафедры философии студент временно принят преподавателем логики и психологии в мужскую школу, где проявляет себя весьма положительно.

При распределении Герзон послан в Тарский район (север Омской области) директором семилетней школы. Школа тяжелая, но директор полон энтузиазма – и она выходит на одно из первых мест в районе по успеваемости, по спорту, по художественной самодеятельности.

Однако после нескольких острых сердечных приступов Герзон оставляет пост и уходит преподавать историю в десятилетку-интернат.

В районной газете «Ленинский путь» печатают его стихи, рассказы, статьи, фельетоны. Пишет под разными псевдонимами: А. Абрамов, И. Немов – и другими.

В Таре активно участвует в художественной самодеятельности Дома учителя как исполнитель романсов и оперных арий (теперь уже — баритон), как актер и режиссер.

Его учитель пения – бескорыстный Михаил Николаевич Зенгбуш, ленинградский концертмейстер. отбывший в лагерях десять лет. Там же, в Таре, - знакомство с Александром Бутюговым, врачом, композитором и художником. Они пишут несколько песен. Остаются друзьями на всю жизнь.

С 1958 года - снова Омск, многотиражная газета строительного треста. 1961 год - инспектор Областного управления культуры. Около года заведует педагогической частью тюза. Преподавателем в музыкальном училище работает с огромным удовольствием пятнадцать лет.

В 1969 году Обком КПСС убеждает его стать директором музея изобразительных искусств. За пять лет директорства удается капитально отремонтировать здание музея и сделать к нему огромную пристройку, в несколько раз повысить посещаемость музея, улучшить научную работу.

В министерстве культуры, в обкоме партии Герзон пользуется авторитетом. Но уходит из музея. Его дело, заявил он, подавая заявление, – преподавать. Он сделал, что мог, в музее.

Хватит.

Его рассказы и стихи, статьи, рецензии на спектакли и концерты, очерки публикуются в областных газетах «Омская правда», «Молодой сибиряк», «Вечерний Омск», на радио и телевидении.

Написаны в это время пьесы: «Елена», «Хапипуги», «Статуя на берегу», «Осенний дождливый день», «Горе-детектив». Пишет также большую сказку «Славный Петрик» для своего внука.

Мюзикл-детектив «Сорвите маски», созданный в 1975 году в соавторстве с режиссером А.Н. Зыковым и московским композитором Иосифом Тамариным, одобрен и музыкантами, и офицерами угрозыска, но авторов ожидала крупная неудача: Омский театр музыкальной комедии предлагает им переработать и либретто, и музыку. Это предложение авторы отвергают.

Больше никому однако они свой детективный мюзикл не предлагают. Текст теряется при переезде в Израиль.

С 1978 по 1992 год семья живет в городе Красногорске, Московской области. До выхода на пенсию в 1997 году Герзон трудится в медицинском училище. В то же время он создает любительский театр «Поиск», оканчивает актерский и режиссерский факультеты в ЗНУИ с оценкой «отлично».

Он пишет ряд стихотворений, рассказов, сказку «Счастье», начинает ряд повестей. Посещает литературное объединение при заводе КМЗ. Его печатают в местной газете.

Несколько стихов публикует газета «Зов» (Москва).

Выйдя на пенсию, он трудится как лифтер в госпитале.

В сентябре 1992 года репатрируется в Израиль. Работает разносчиком рекламы, садовником, сторожем детского сада, моет подъезды, месяц преподает русский язык в «Джойнте». До сорока стихов и семь рассказов, а также несколько статей публикуются в русскоязычной газете «Новости недели». Сочиняет и редактирует на компьютере, затем печатает на принтере и переплетает книжечки-самodelки. Дарит их близким людям в Израиле и за рубежом.

Затем удается напечатать в типографиях книги:

Его звали Боб (фантастика, «Тиссо», Москва, 2006).

Контрасты (повести и рассказы, ИСРАДОН, 2007)

Нет, не забыл я...(стихи разных лет, ИСРАДОН, 2007).

Ахиня Аарона (фантасмагория, ИСРАДОН, 2009) .

Глаза любви (РАССКАЗЫ, ИСРАДОН, 2010),

Аннигиляция (ПОВЕСТЬ, ИСРАДОН, 2010),

Еврейчик (ПОВЕСТЬ, ИСРАДОН, 2010),

11 ночных рассказов (ИСРАДОН, 2010)

Статуя на берегу (пьесы, ИСРАДОН-МЕДИАЛ, 2014).

Голос по телефону (рассказы, ИСРАДОН-МЕДИАЛ, 2014).

Два ангела (стихи разных лет, ИСРАДОН-МЕДИАЛ, 2014),

Фрагменты (автобиография, ИСРАДОН-МЕДИАЛ, 2015),

Блудный сын (проза, стихи, пьесы, рисунки, 2015),

Дневник старой ханжи (рассказы, ИСРАДОН-МЕДИАЛ, 2015),

Бедная Женечка (рассказы, ИСРАДОН-МЕДИА, 2016),

Песнь о нас (об Израиле и евреях, ИСРАДОН-МЕДИАЛ, 2016),

Падший ангел (фантастика, ИСРАДОН-МЕДИАЛ, 2016),

Милая Вика (ФАНТАСТИКА, ИСРАДОН-МЕДИАЛ, 2017),

Сказки для детей и взрослых (ИСРАДОН-МЕДИАЛ, 2017),

Избранное (проза, стихи, пьесы, Израиль, 2018)

В Омске в 2017 году изданы три книжки-раскраски для детей: Сказки-раскраски, Горд, Счастье.

Несколько лет тому назад не без помощи и советов своего внука-программиста Александр Герзон создал литературную страничку в Интернете. Ее адрес - alex.2mtl.com. Его стихи и прозу можно также почитать на серверах Проза.ру, Стихи.ру, Решето и на портале Город 21 века.ру.

В 2012 году Александр Герзон становится лауреатом Международного литературного конкурса имени Виктора Шнитке в Москве (рассказ «Страшилище»).

В 2015 году принят в «Российский союз писателей».

Номинант национальной литературной премии «Писатель года 2016» и «Писатель года 2017». Обе премии - от «Российского союза писателей».